

6
1967

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искажель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

В. МЕНЬШИКОВ, В. ГАЕВСКИЙ — Ставка — жизнь	2
Сергей СНЕГОВ — Второй после бога	66
И. РОСОХОВАТСКИЙ — Сигом и Соз- датель	79
Лев СКРЯГИН — Тайна «Марии Целе- сты»	96
Роберт ЯНГ — Срубить дерево . .	123
Ярослав ГАШЕК — Спасение само- убийц	157

№ **6** (42)

1967
СЕДЬМОЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

В декабре этого года исполняется 50 лет со дня образования ВЧК.

Мы предлагаем вниманию читателей повесть, в основу которой легли события, происходившие в годы второй мировой войны в глубоком тылу нацистской Германии и на территориях некоторых европейских стран, оккупированных гитлеровским вермахтом.

Главный герой повести — советский разведчик-чекист вместе с группой подпольщиков-антифашистов вступает в поединок с гитлеровской контрразведкой, ограждавшей дальние и ближние подступы к сверхсекретным объектам Третьего рейха, где создавалось тайное оружие.

В. МЕНЬШИКОВ, В. ГАЕВСКИЙ

СТАВКА — ЖИЗНЬ

Повесть

ГЛАВА I. СЕКРЕТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Рывок чудовищной силы сбросил Франца на пол с верхнего этажа нар. Острая боль впилась в голову. Она разорвала вязкое, как гопь, сновиденье узника, ошеломила грохотом взрывов, криками раненых и проклятиями, исторгнутыми из уст сотен заключенных.

— Ты жив?

В едком дыму, резанувшем горло удушливым кашлем, Франц различил обожженное лицо друга.

— Все горит! Быстрее...

Франц почувствовал, как Роберт подхватил его под руки и поволок сквозь хаос опрокинутых, исковерканных взрывной волной нар, столов, продырявленных осколками тюфяков, питьевых бачков.

Прежде чем за их спиной рухнула на тела убитых и раненых раскаленная кровля, взметнув огненный фонтан искр, Роберт успел подтащить Франца к провалу в бетонной стене блока.

Штайнер жадно глотал ночной воздух, подсолоненный приморской сыростью. Опираясь на плечо Роберта, с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, двинулся прочь от блока, едва не ставшего для него могилрой.

Стремительно нараставший свист новой серии бомб заставил Роберта и Франца припасть к земле.

— Если бомбят весь район полигона, то сегодняшняя ночь — наш единственный шанс! — крикнул Франц Роберту в самое

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

ухо. Узников оглушал скрежет и треск полыхавших строений, громовые раскаты бомб, густо ложившихся по всей территории концентрационного лагеря.

Роберт, стиснув зубы, выжидал скоротечной паузы в бомбовом шквале. «Во что бы то ни стало надо пробиться к полигону и блокам конструкторов до рассвета...»

Он вскочил и, подхватив друга, увлек его к стенке соседнего бетонного блока. Роберт выбрал этот блок в качестве промежуточного прикрытия на пути к комендантскому бункеру.

Прошло всего несколько минут с того момента, когда панический «аларм»* сирен фашистской ПВО захлебнулся в первой волне разрывов фугасных и зажигательных бомб, сброшенных на концентрационный лагерь Трассенхайде эскадрилей английских «ланкастеров», атаковавших сверхсекретный испытательный полигон фашистского рейха.

Необычайной интенсивности желто-оранжевое свечение, словно из кратеров вулканов, било слепящими гейзерами в разных концах лагеря.

«Сигнальные бомбы...» — мелькнуло в голове Франца.

— Смотри! — не в силах сдержать ужаса, крикнул Роберт, отчаянно стиснув руку Франца.

На месте, где черным рубцом только что вырисовывался «русский барак», багрово дымился огромный кратер...

— Прощайте, товарищи! — сдавленно, пересохшими губами прошептал Франц

* А л я р м (нем.) — тревога.

Кто еще, помимо их двоих из подпольной лагерной организации, уцелел этой ночью? Их побратала ненависть к одному врагу — фашистскому зверю. Породнила одна мать — любовь к родной земле: австрийских рабочих и русских солдат. От самого Маутхаузена до концентрационного лагеря специального назначения под Пенемюнде вместе с двумя австрийскими антифашистами — Францем и Робертом прошел русский капитан Петр Загорный все семь кругов нацистского ада. Здесь он стал

их старшим товарищем, вожаком. И «русский барак» был до конца боевым штабом бесстрашных подпольщиков.

Узники чувствовали, как от стены к их спинам, прижатым к бетону, передавалось содрогание всего блока. Каким-то чудом он еще защищал от шквала осколков. Десятки барakov и бункеров срезал с лица земли гигантский бульдозер ночного налета. «...Почему англичане с такой силой бомбят концентрационный лагерь? Ведь отсюда до полигона без малого три километра», — растерянно подумал Штайнер.

Роберт, словно угадав вопрос товарища, протянул руку в сторону нового огненного фонтана, взметнувшегося на южной окраине лагеря...

«Ведь там же бараки с французами и люксембуржцами», — вспомнил Франц. «Лондон отлично знает, что двое из люксембуржцев работали в лагере Трассенхейде на британскую разведку», — искал ответа на тот же мучительный вопрос и Роберт, с ужасом оглядывая площадку лагеря, где из конца в конец бушевали смерчи бомбежки...

Операция «Гидра» — так закодировало командование английской стратегической авиации атаку на сверхсекретный испытательный полигон Третьего рейха в ночь с 17 на 18 августа 1943 года. Но меч воздушной армады из 227 тяжелых бомбардировщиков, занесенный Лондоном над фашистской «Гидрой» в Пенемюнде, в первую очередь обрушился на головы узников, заточенных в бетонных капканах концентрационного лагеря Трассенхейде...

Генерал-майор гитлеровского вермахта Дорнбергер, бывший начальник секретного полигона в Пенемюнде, после войны рассказал на допросе офицерам американской разведки: «Во время английского налета в ночь с 17 на 18 августа 1943 года погибло 732 человека, из них только 120 принадлежали к постоянному немецкому персоналу полигона, остальные убитые — то есть более 600 — были русскими, польскими и другими иностранными узниками концентрационного лагеря Трассенхейде...»

«Во время налета на Пенемюнде, — информировала свое руководство британская «Интеллидженс сервис», — погибли оба отважных люксембургских рабочих, которые так много помогли союзнической разведке. После атаки на Пенемюнде поток информации, поступавшей от этих агентов, оборвался и больше никогда не возобновлялся».

Роберт и Штайнер остались последним звеном из всей подпольной лагерной организации, связанной с антифашистским сопротивлением в глубоком тылу нацистской Германии.

...Когда огненный вал бомбежки переместился на северо-восток, Роберт и Франц сделали то, что наверняка показалось бы любому узнику КЦ*, окажись он на их месте, безрассудством, граничившим с пособничеством врагу. Он попытался бы вырваться на свободу, бросился бы к морю, лодкам. Наплевать, что воды Балтики вскипали фонтанами падавших бомб!

---

* КЦ, кацет — немецкое сокращение. Так назывались концентрационные лагеря в нацистской Германии.

Бегом, во весь рост оба узника устремились к зданию лагерной комендатуры. Именно здесь по лагерному распорядку во время воздушных тревог гитлеровцы определили сбор «вспомогательной пожарной команды», составленной из заключенных.

Оба узника были уверены в том, что, оправившись после панической сумятицы, вызванной внезапным ударом с воздуха, должен был заработать вымуштрованный эсэсовский механизм охраны секретного имперского объекта.

Расчет Франца и Роберта оказался верным. Почти вслед за ними к месту сбора «вспомогательной пожарной команды» подъехала крытая грузовая машина.

Из кабины выпрыгнул эсэсовец, придерживая на груди автомат.

— Где остальные?! — хрипло закричал унтершарфюрер, метнув на Роберта бешеный взгляд.

Тот молчал, старательно вытягиваясь по стойке «смирно».

Из кузова автофургона выпрыгнули еще два охранника, держа автоматы наизготовку. Унтершарфюрер, видимо, сообразил, что пытаться собрать весь состав «пожарной команды» сейчас было бы напрасной тратой времени: неизвестно, сколько узников вообще уцелело. Польшавшие и догоравшие за спиной Роберта лагерные бараки стали братской могилой для сотен заключенных-антифашистов.

— Взять десять, двадцать, сколько попадется под руку, черт возьми, кадетников — и сюда! — приказал унтершарфюрер охранникам, вытаскивая из кармана тяжелый портсигар.

Франц заметил, как дрожали пальцы эсэсовца, когда он извлекал недокуренную и тщательно засунутую под резиновый ремешок сигарету. «Ты не только трусливый, но и жадный зверь», — подумал Франц, опустив глаза, чтобы эсэсовец не перехватил его ненавидящего взгляда.

Внезапно все, кто находился возле грузовика, услышали, как где-то в стороне от бараков над северным выступом высокой ограды из бетонных плит, зазубренных рядами колючей проволоки, прострочила длинная пулеметная очередь. За ней с ближайшей от главных лагерных ворот сторожевой башни в сторону моря открыла огонь вторая пулеметная точка.

Первая волна бомбардировщиков прошла на северо-восток, в сторону фашистского полигона, и лагерная охрана вновь открыла огонь явно не по воздушным целям.

«Быть может, они только подбадривают себя, сволочи», — подумал Франц. Для него, как и для Роберта, каждая минута, проведенная в бездействии здесь, перед воротами лагеря, становилась невыносимой.

«Такой благоприятной для выполнения приказа подпольного центра ситуации больше не повторится, а мы все еще торчим здесь». Франц даже сплюнул от злости. Роберт предостерегающе толкнул друга локтем. Сейчас и у эсэсовцев нервы были напряжены до предела. Любой неосторожный жест мог закончиться трагически для заключенных.

Пулеметная стрельба с лагерных вышек оборвалась так же внезапно, как и началась.

Запыхавшись, к унтершарфюреру подбежал один из охранников, посланных за узниками.

— При попытке к бегству убиты шесть кадетников из груп-

пы, которую мы собрали по вашему приказу, герр унтершарфюрер. Остальных ведут сюда.

«Жаль ребят, теперь эсэсовцы возьмут на прицел каждого из нас», — с тревогой подумал Роберт.

— Шнеллер! Шнеллер! — донеслись резкие, как удары хлыста, выкрики эсэсовцев, гнавших к лагерным воротам группу людей в разодранных и полуобгорелых полосатых куртках и брюках — «курортных пижамах», как с издевкой называли одежду узников эсэсовцы из лагерной охраны.

— Всех в машину! — приказал унтершарфюрер, вскакивая на подножку кабины. — Если кто вздумает бежать, стрелять без предупреждения!

Подталкиваемые эсэсовцами узники один за другим поднимались в кузов автофургона. Франц и Роберт устроились у задней стенки, где на откидных металлических скамьи сели оба эсэсовца из охраны, сопровождавшей унтершарфюрера.

«От лагеря до полигона пять, максимум десять минут езды, — напряженно работала мысль Франца, воскрешая детали приуроченного к подобной ситуации плана операции. — Если там не погибнем под бомбами, расстреляют после отбоя, как только ликвидируют пожары... Начинать нужно сейчас».

Когда в подпольном центре было решено включить обоих австрийских товарищей в лагерную «вспомогательную команду», Францу и Роберту прямо было сказано, на что они идут. В секретной инструкции к лагерному распорядку, хранившейся в сейфе коменданта, предписывалось: «Подлежат безусловной ликвидации все без исключения заключенные, привлекаемые к устранению последствий налетов вражеской авиации на объекты секретного характера, с целью не допустить осведомления противника о размерах ущерба, нанесенного секретным объектам в результате бомбардировок».

Об этом секретном приказе случайно стало известно одному из подпольщиков, который работал писарем в канцелярии лагерной комендатуры.

Узники концентрационного лагеря специального назначения, обозначенного на карте берлинской РСХА * секретным грифом «КЦ-А4», догадывались, что рано или поздно их ждет один конец. Беспроволочный лагерный телеграф — от одного узника к другому — передавал «эстафету смерти» — точную информацию о судьбе, постигавшей всех кадетников, работавших в лагерях «КЦ-А4».

Требовались исключительное мужество, непоколебимая преданность делу общей борьбы с ненавистным фашизмом, готовность к безусловному самопожертвованию и смертельному риску, чтобы добровольно вступить в «команду смертников», как прозвали подпольщики «зондер-брандкоманду». Но именно эта группа узников во время воздушного налета, воспользовавшись паникой, растерянностью гитлеровцев, когда оказались подавленными взрывами бомб узлы внутренней охраны и ПВО непосредственно на полигоне, могла проникнуть в «мозговой центр» секретного объекта, туда, где были расположены жилые блоки

---

* РСХА (нем.) — Рейхсзихерхейтсхауптamt — главное управление имперской безопасности.

и конструкторское бюро, где хранилась секретная документация, связанная с производством нового оружия.

В конечном итоге успех тщательно продуманной и спланированной операции зависел от личной инициативы, смелости, мужества и бесстрашия подпольщиков-антифашистов — членов «лагерной пожарной команды». Именно эти качества и воспитывал в своих боевых товарищах русский коммунист капитан Загорный. Он знал и верил: тот, кто прошел испытания Маутхаузена, тот сумеет бросить вызов смерти и победить!

Водитель то и дело швырял грузовик из стороны в сторону, словно эсэсовец был пьян и никак не мог совладать с крутившейся в его руках баранкой. Те, кто сидел в кузове, поняли: шоссе от лагеря к полигону изрыли оспины бомбовых воронок, сброшенных «ланкастерами» на подлете к Пенемюнде.

Эсэсовцы площадно ругались, стараясь удержаться на узкой бортовой скамье, содрогавшейся от бешеной тряски. То и дело охранникам приходилось снимать пальцы с взведенных курков автоматов и цепляться за металлические стойки фургона. Это не ускользнуло от настороженного взгляда Роберта в тот миг, когда один из охранников случайно осветил фонарем своего чертыхавшегося напарника.

До последнего поворота шоссе оставалось несколько сот метров, за ним была уже первая эсэсовская застава у внешней ограды полигона. Внезапно машину тряхнуло так, словно колеса перескочили через ствол поваленной сосны. Отчаянно взвизгнули тормоза, и, резко накренившись, грузовик завалился в кювет...

— Унтершарфюрер, сюда скорее! — услышал над своей головой Роберт чей-то требовательный и властный зов. В первое мгновение Роберт не сообразил, что кричали именно ему: он не успел освоиться с обликом эсэсовца, в которого превратился бывший узник КЦ. Ведь не прошло и получаса после катастрофы там, на шоссе, когда, действуя скорее инстинктивно, — в темном, переворачивавшемся, словно бетономешалка, чреве автофургона на обдумывание просто не было времени, — Роберт метнулся к охранникам и, падая, пристукнул одного эсэсовца его же автоматом...

Шофер-эсэсовец и унтершарфюрер были убиты на месте двигателем, протаранившим переднюю стенку кабины от лобового столкновения с каменной глыбой в кювете, куда запрокинулся грузовик.

Несколько узников погибло во время катастрофы. Другие получили ранения от ударов лопат, кирок, топоров, обрушившихся на людей в кузове перевернувшегося грузовика.

Узникам нельзя было терять ни секунды драгоценного времени. В любой момент на шоссе могла появиться автомашина или мотоцикл с летучим патрулем. У гитлеровцев сразу бы вызвало подозрение, почему при катастрофе целиком погибли все эсэсовцы из конвоя. Да и тела обох охранников, приконченных в кузове грузовика, носили слишком бросающиеся в глаза следы насильственной смерти...

Решение, как действовать дальше, созрело мгновенно. Роберт и Франц сняли с убитых эсэсовцев форму, а трупы оттащили к песчаным дюнам, начинавшимся сразу же за небольшим перелеском, прикрывавшим шоссе.

Пока Роберт и Франц торопливо натягивали на себя форму эсэсовцев, остальные узники лопатами и кирками, извлеченными из-под остова грузовика, рыли в песке яму. Убитых эсэсовцев облачили в полосатые лагерные робы, сброшенные Робертом и Францем, и быстро закопали трупы.

Двое заключенных, залегших с автоматами, подобранными в разбитой кабине грузовика, по обе стороны дороги, прикрывали товарищей. Вскоре они дали сигнал опасности: со стороны моря быстро приближалась цепочка огней.

В колонне было несколько военных грузовиков. На борьбу с пожарами командование полигона срочно перебрасывало дополнительные силы из близлежащих пограничных гарнизонов. Шоферы, спеша к полигону, пренебрегли светомаскировкой, высвечивая дорогу, испещренную воронками крупнокалиберных бомб.

Только сейчас Роберт заметил, что рука Франца повисла безжизненной плетью.

— Кажется, перелом, — преодолевая мучительную боль, ответил Франц.

— Попробуй прорваться к морю. Все-таки у вас три автомата, — сказал Роберт. — Выводи людей, иначе нам всем тут будет крышка... Один из нас должен живым вырваться отсюда и сообщить товарищам на свободе, ради чего мы боролись все эти годы. Так нужно, пойми же, дружище, — обняв Франца, горячо продолжал Роберт, заметив, как вздрогнули плечи друга. — Тебе здорово досталось и там, в бараке, и здесь, на шоссе... Давай быстрее, пока фашисты не очухались.

В прощальном порыве Франц приник головой к груди Роберта.

— Поберегись, постарайся... — только и смог он выдать из горла, которое сжала острая спазма рыдания.

Роберт обнял друга и быстро отполз к разбитому грузовику.

Головная машина поравнялась с местом, где произошла авария, и, резко затормозив, остановилась на обочине.

Из кювета, размахивая электрическим фонариком, к грузовику с солдатами вышел эсэсовец, держа автомат наготове.

— В чем дело, что тут у вас стряслось? — встревоженно спросил молодой обер-лейтенант, высунувшись из окна кабины.

— Попали под бомбежку. Взрывной волной сбросило в кювет, господин обер-лейтенант... — ответил Роберт подчеркнутым тоном снисходительного превосходства, каким позволяли себе разговаривать эсэсовцы с офицерами вермахта чуть повыше их чином.

— Кто-нибудь убит? Ранен?

— Мы везли кацетников, господин обер-лейтенант.

— Туда? — офицер махнул рукой, затянутой в серую замшевую перчатку, в сторону полигона.

— Яволь*, господин обер-лейтенант.

---

* Яволь (нем.) — так точно.

— Садитесь в машину! — приказал офицер Роберту. — Да, черт возьми, забирайте с собой и ваших кацетников.

— В грузовике остались тела нашего командира и шофера, господин обер-лейтенант. В кювете лежат раненые кацетники...

— Ими займутся позже, когда кончится вся эта дьявольская кутерьма, — не дав Роберту закончить фразу, оборвал его обер-лейтенант. — Эй, Вильгельм! — крикнул он в хвост колонны, высунувшись почти по пояс из окна кабины. — Возьми двоих солдат и останься тут, пока за вами не приедут.

Франц и остальные узники затаив дыхание следили из своего укрытия, в кустарнике соснового перелеска, за тем, что происходило на дороге.

Когда Роберт выскочил на подножку головной машины и, набирая скорость, грузовики помчались к полигону, узники бесшумно отползли к песчаным дюнам...

— Что вы там мешкаете, унтершарфюрер? Или, быть может, боитесь обжечь пальцы? — снова окликнули Роберта со второго этажа горевшего дома.

Роберт бросился в подъезд. Его сразу же охватил раскаленный жар. Огнем уже занялись перила и стены лестницы. Глаза разъедал дым. Он предательски выползал из боковых коридоров, выходящих на лестничные клетки. Со второго этажа доносились возбужденные голоса. Роберт устремился на них, уверенный, что немцы рискнули задержаться только в тех комнатах, где хранилась самая важная документация, за которую они отвечали собственной головой.

Роберт почти ощупью продвигался по коридору, задыхаясь в дыму. Он боялся только одного: как бы огонь не опередил его у самой цели и не преградил путь к сейфам...

То и дело он натывался на опрокинутые столы. Под ногами крошились и тлели чертежные доски, листы ватмана, стеллажи, папки с какими-то досье... На остатках чертежей еще виднелись следы конструкторских замыслов, контуры нового оружия нацистской Германии, еще не покинувшего чрева конструкторских бюро, но уже испытываемого гитлеровцами на секретном полигоне.

Двери из коридоров во внутренние комнаты были сорваны. Ориентируясь по голосам, доносившимся сквозь треск горевших стропил и грохот падавших перекрытий, Роберт проник в главное конструкторское бюро. Несколько немцев образовали цепь вдоль уцелевшей стены к окну, другая обрушилась, зияя провалом, откуда в комнату прорывались клубы дыма. Немец в штатском, стоявший у открытого сейфа, непрерывно передавал коллегам тяжелые скоросшиватели.

— Унтершарфюрер, рядом, в соседней комнате, еще один сейф. Попытайтесь выбросить его в окно, — приказал Роберту немец в штатском, продолжая вынимать папки с документами из огромного бронированного сейфа.

Роберт успел заметить, что сейф был уже почти пуст.

Неужели их отчаянный риск оказался напрасным самопожертвованием? Не верилось, что операция закончится бесплодно в самой цитадели полигона, после того как ему удалось совершить

почти невероятное. Ведь позади остались и лагерная бомбежка и катастрофа на шоссе, и, наконец, усиленно охранявшиеся въездные ворота сюда — в расположение главного конструкторского центра полигона.

— Всем — наружу! Немедленно! — закричал штатский, когда в соседней комнате за стеной что-то рухнуло, осветив всех ярким оранжевым пламенем.

Роберт отпрянул в темный туннель коридора, пропуская мимо себя четырех немцев и штатского, бросившихся к лестнице — последнему пути из этого огненного капкана. Он не стал терять времени, ибо знал: сейчас все решают секунды.

Вернулся в комнату к раскрытому сейфу. Пустой? Быстро обшарил правый отсек, центральный, наконец, последний, в самом низу. Ничего! Несмотря на нестерпимый жар, Роберт вдруг почувствовал, как холодная испарина выступила на лбу.

«Неужели успели все вынести?» — почти в отчаянии подумал Роберт. Боль обожженного лица, ушедшая было в глубину, захлестнутая нечеловеческим нервным напряжением этой бурной ночи, возвратилась к узнику с новой силой. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Роберт напряг все силы. «Нужно найти хотя бы один документ. Он даст ключ ко многим звеньям, быть может ко всей цепи. Найти, найти...»

Из коридора, откуда он только что вошел, в комнату ворвались языки пламени. Путь к отступлению был отрезан...

Роберт начал лихорадочно прощупывать глубинные отсеки сейфа. И тут его пальцы наткнулись на металлическое кольцо. Он рванул его и вытащил небольшой металлический ящик.

В нем оказались связка ключей, сургуч, маленькая круглая печать, щипцы для заклепки пломб и два листка текста, проложенные копиркой...

«А что, если эти ключи от сейфа в соседней комнате? — озарила Роберта догадка. — Ведь они не успели его открыть, раз приказали выбросить сейф в окно...» Но туда уже было поздно.

Внезапно Роберт заметил на листке бумаги, который он чуть было не швырнул на пол, надпись, подчеркнутую пунктиром. «Господину рейхслейтеру, обергруппенфюреру СС Борману. Совершенно секретно».

Из первых же строк текста — копии первого экземпляра, видимо уже посланного в гитлеровскую ставку Борману, — Роберт понял: речь шла о важнейшем секретном документе, который, быть может, раскроет многое из того, что замышлялось и здесь, в Пенемюнде, и там, в восточно-прусском логове Гитлера...

У самого окна, выходящего на противоположную от главного подъезда сторону, Роберт несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоить бешено стучавшее сердце. Спасти документ и себя можно было только одним путем — через окно, прыжком с семиметровой высоты.

ГЛАВА II. ЛИСЫ В „ВОЛЧЬЕМ ЛОГОВЕ“

Адъютант протянул Борману черную папку. На ее обложке тускло мерцала тисненая серебром надпись: «Гехайме рейхсзахен» — «Секретные имперские дела».

Стоя навтыжку перед массивным, точно саркофаг, письменным столом, адъютант не отрывал глаз от рейхслейтера.

Каждый раз, когда, повинувшись резкой трели звонка, он спешил в кабинет начальника канцелярии национал-социалистической партии, к его горлу подкатывал тошнотворный страх. Адъютанту удавалось подавлять это мерзкое ощущение и, вытянув руки по швам, преданно смотреть в глаза Борману, зная, что вся нацистская элита, ненавидя и завидуя, трепетала перед властью этого человека, ставшего живой тенью фюрера. Даже такие нацистские главари, как рейхсмаршал Геринг, имперские министры Геббельс и Риббентроп, между собой называли обергруппенфюрера СС Мартина Бормана «Мefистофелем фюрера», «большим интриганом» и «грязной свиньей».

Вот и сейчас, проходя через приемную в кабинет Бормана, адъютант заметил, как томительное нервное напряжение сковало лицо начальника разведки имперской службы безопасности Шелленберга, прилетевшего из Берлина в гитлеровскую ставку «Вольфшанце»* — по распоряжению Гимmlера — и неожиданно вызванного к Борману.

...Борман раскрыл папку. В ней лежал один-единственный документ, специально подготовленный канцелярией НСДАП** по личному распоряжению Гитлера.

Прежде чем поставить свою подпись, Борман перечитал строку за строкой все секретное предписание, адресованное имперским руководителям, гаулейтерам и фербандерфюрерам фашистского рейха. Для Бормана это был не просто машинописный текст. Он держал в руках оружие беспощадного террора.

Сжав толстыми пальцами «вечное перо», Борман прищурил левый глаз, он словно целился во врагов нацистской Германии, готовясь скрепить своим именем документ, подлежащий хранению только в сейфе.

Взгляд Бормана упал на титульный гриф первой страницы документа, составленного в главной ставке фюрера. Орел, распластавший крылья и зажавший в когтях фашистскую свастику, казалось, хищно вцепился в готический шрифт.

«...По поручению фюрера и принимая во внимание особо разительный пример халатного разглашения государственной тайны, — беззвучно шевелил губами Борман, — вновь приказываю неукоснительно выполнять нижеследующее распоряжение и безусловно соблюдать предписание о правилах хранения в сейфах документов НСДАП.

Телеграфистка одного промышленного предприятия, обязанная по роду своей работы соблюдать государственную тайну, закончив передачу служебной телеграммы другому предприятию, приобщила к ней и свое личное сообщение. Она сообщила по телеграфу между прочим, что ее фирма слишком перегружена из-за «большого дела», «могущественного против врага», и что подготовка этого «дела» уже завершена. Позже она сообщила, что в городе «полным-полно всяких вещей». Вещи, пи-

* «В о л ь ф ш а н ц е» (нем.) — «Волчье логово». Название главной ставки Гитлера, находившейся в Восточной Пруссии.

** НСДАП — название гитлеровской партии.

сала она, заготавливаются там... Под «большим делом», — разъяснял далее бормановский циркуляр, — подразумевался агрегат возмездия. На основании содержания этого дела суд приговорил телеграфистку к смерти по обвинению в измене стране. Фюрер приказал довести приговор до сведения всех телеграфов рейха, военной промышленности и НСДАП в качестве внушающего страх предостережения».

Борман закрыл папку и опустил на нее свои тяжелые кулаки. «Жестокость. Беспощадная и холодная. Злопамятная. Караящая и подчиненных и начальников — невзирая на чины и заслуги перед национал-социалистским движением, рейхом и фюрером, — вот что оградит тайну готовящегося возмездия. Наше новое оружие огненным смерчем внезапно и ужасающе обрушится на врагов Германии и повернет ход войны в нашу пользу». Мысленно Борман повторял эти слова, сказанные Гитлером с фанатичной убежденностью всего несколько часов назад, здесь, в ставке ОКВ*, сразу же после секретного совещания в самом узком кругу лиц, сосредоточивших в своих руках огромную власть над судьбами миллионов имперских немцев и самого фашистского рейха.

Адъютант заметил, как сдвинулись на переносице редкие белесые брови рейхслейгера. Это был верный признак того, что Борман задумался над каким-то ходом в своей новой политической комбинации. Обергруппенфюрер и впрямь раздумывал над последними событиями в ставке фюрера, участником которых ему довелось быть...

В августе 1943 года, сразу же после налета английских бомбардировщиков на Пенемюнде, в гитлеровской ставке «Вольфшанце» прошла серия экстренных совещаний верховных правителей рейха.

Перед началом совещания прилетевший из Берлина начальник технической службы имперского министерства вооружения и снаряжения Карл Отто Зауэр вместе со своим шефом — главой военной индустрии нацистской Германии рейхсминистром Шпеером направились в личный поезд рейхсфюрера СС Гимmlера, стоявший на специальной железнодорожной ветке неподалеку от ставки Гитлера.

Час, проведенный ответственными руководителями военной кузницы рейха с главой «черного ордена» СС, имперской службы безопасности и гестапо Гимmlером в закрытом купе его вагона-кабинета, оказался важной прелюдией к совещаниям в бункере фюрера.

Массированный налет на Пенемюнде хотя и причинил полигону ущерб, но далеко не в таких масштабах, чтобы это серьезно отодвинуло сроки завершения программы создания «оружия возмездия» — ракет «ФАУ-1», беспилотных самолетов «летающих бомб» — «ФИ-7». «Вольфшанце», однако, тревожили другие последствия бомбардировки — гитлеровцы терялись в догадках:

---

* ОКВ (Оберкомmando вермахт) — верховное командование фашистскими вооруженными силами было сосредоточено в гитлеровской ставке «Вольфшанце».

что же было известно британской разведке и разведкам союзников по антигитлеровской коалиции вообще об «оружии возмездия»? И насколько их осведомленность становилась опасной для реализации сверхсекретного проекта?

Гитлеровская ставка оказалась на перепутье: предстояло решить, что предпринимать дальше, как гарантировать завершение программы создания нового «секретного оружия» и надежно обезопасить его от контрударов со стороны авиации и разведок союзников по антигитлеровской коалиции.

Всеми этими обстоятельствами и решил воспользоваться для усиления своей личной позиции Гиммлер в скрытом ожесточенном соперничестве с ближайшими подручными фюрера из сфер высшего генералитета, в особенности же из среды партийной верхушки нацистской НСДАП, министерства иностранных дел, пропаганды и главного командования ВВС.

Гиммлер действовал простым, но «пробивным» методом: он бросал на весы закулисной борьбы за власть, привилегии и благосклонность фюрера всю мощь «черного ордена» СС в самые критические для рейха моменты и на участки, где обнаруживался провал или надвигалась угроза крушения проектов, одобренных самим Гитлером.

Рейхсфюрер СС спешил выложить на стол предстоящего совещания свои главные козыри: ткнуть носом конкурентов из ОКВ в их неспособность форсировать осуществление гениального замысла фюрера, базировавшегося на использовании «оружия возмездия», и со своей стороны предложить помощь СС для завершения всей программы создания нового секретного оружия.

Рейхсминистр вооружений и боеприпасов Шпеер отлично понимал: стоит только Гиммлеру и его СС просунуть лапу в проекты «А-4», «ФИ-7» и «Хохдрукpumпе»*, как они уже не останутся, пока не возьмут в свои руки всю полноту власти в деле производства «оружия возмездия». В свою очередь, Шпеер рассчитывал на поддержку своих проектов со стороны СС. И когда после часовой беседы с Гиммлером Шпеер и Зауэр вышли из вагона рейхсфюрера СС, магистр «черного ордена» мог быть вполне уверен: со стороны фюреров военной индустрии возражений на его предложения не последует.

Вечером того же дня Шпеер, Зауэр, а чуть позже и Гиммлер проследовали в бункер фюрера.

...Застекленные фонари, стилизованные под средневековые чугунного литья светильники, освещали продолговатый столовый зал — шпейсехалле. Бетонные стены наполовину были скрыты под облицовкой из дубовых плит. Пол был покрыт таким же паркетом. К столу придвинуты двадцать дубовых кресел.

За сервированным для ужина столом прибывших принимал Гитлер. Он занимал место посреди стола, напротив стены, где висела большая карта. Рядом с Гитлером, как обычно, сидел рейхслейтер Борман.

Никакого протокола и никаких записей в ходе сверхсекрет-

---

* «А-4», «ФИ-7», «Хохдрукpumпе» (нем.) — под таким шифром гитлеровцы закодировали различные проекты конструирования своего нового, секретного оружия.

ного совещания не велось. Борман и Шпеер сделали о нем только короткие пометки в своих записных книжках и дневниках.

Всю ночь напролет главари фашистского рейха выскивали пути и методы еще более надежного засекречивания своего террористического плана и максимально быстрого ввода в действие нового оружия против густонаселенных городов держав — союзников по антигитлеровской коалиции.

Наступившее утро не могло проникнуть ни одним лучом в шпейзехалле гитлеровского бункера, под многометровую железобетонную толщу его стен, прикрытых многотонными бренированными плитами. Здесь, словно под непроницаемым черепом гигантского монстра, навсегда был убит солнечный свет. В зловещих лабиринтах мозгового центра верховного командования нацистской Германии о ходе времени можно было судить лишь по передвижению часовых стрелок.

Угрюмая роща мохнатых елей цепкими корнями впивалась в многометровую земляную шапку, выращенную поверх железобетонной глыбы бункера, на несколько этажей зарывшегося в глубину скальных пород. Казалось, ели прячут от взора посторонних могильный курган, где притаились лишь ползучие гады...

«Фюрер отдал приказ, — отметил той же ночью в своей записной книжке министр вооружений Шпеер, — принять все меры, чтобы совместно с рейхсфюрером СС и при самом энергичном привлечении его сил из концентрационных лагерей заново продвинуть вперед строительство соответствующих сооружений и изготовление агрегатов «А-4».

Гиммлер торжествовал. Отныне «черный орден» и он, его кровавый магистр, брали в свои руки судьбу секретного оружия, а вместе с ним и судьбу фашистского рейха!

Гитлер одобрил еще одно предложение своего имперского папача: по рекомендации Гиммлера осуществление плана укрытия под землей, в малонаселенных районах нацистской Германии и оккупированных вермахтом территорий Европы, заводов, конструкторских бюро и испытательных полигонов было возложено на бригаденфюрера СС инженера Ганса Каммлера. Он спроектировал нацистские лагеря смерти, и он же сконструировал газовые камеры в концентрационном лагере Освенцим, где были зверски замучены миллионы узников фашизма.

Отныне Каммлер становился правой рукой Гиммлера — первоначально по координации технических усилий, связанных с реализацией программы «оружия возмездия», а вскоре и верховным надсмотрщиком и управляющим огромного аппарата нацистских ученых, инженеров, конструкторов, техников, советов и директоратов фирм, концернов, работавших над всеми типами секретного оружия. В подчинении Каммлера оказались даже части особого назначения ВВС, принявшие на вооружение (в самом конце войны) реактивные истребители-бомбардировщики «мессершмитт-262».

Этой же ночью Гитлер распорядился и судьбой подвергнутого бомбежке полигона Пенемюнде. Приостанавливалось какое бы то ни было расширение испытательных объектов и монтажных цехов. Завершение строительства тех объектов, где происходила сборка агрегатов «А-4», рассматривалось как временная

мера — до той поры, как отметил в записной книжке Шпеер, «пока не будет полностью завершено строительство заводов в надежных местах, при максимальном использовании пещер, приспособленных для массового, серийного производства секретного оружия и гигантских железобетонных бункеров — для ввода его в действие».

— Зовите Шелленберга, — глухо приказал Борман, передавая адъютанту подписанную директиву.

Мысли Бормана уже переключились на другого «врага». Болтливая телеграфистка была всего лишь пылинкой. Ее он уничтожил росчерком пера... Самый опасный для рейхслейтера противник и соперник вел против Бормана скрытую, упорную, иезуитскую коварную борьбу не по ту сторону фронтовых окопов, не за колючей проволокой концентрационных лагерей и даже не в подпольных ячейках Сопротивления... Взаимная вражда и ненависть магистра «черного ордена» и начальника партийной канцелярии давно уже были секретом полишинеля и в имперской канцелярии, и в ставке Гитлера, и в РСХА.

По мере того как на восточном фронте дела шли все хуже и хуже, все настойчивее и энергичнее подбирались СС ко всем ключевым позициям в рейхе, тесня генералов вермахта, люфтваффе, абвера, накладывая свою руку на важнейшие рычаги власти. Подкапывался «черный магистр» и под его, Бормана, пока что незыблемую позицию самого близкого к фюреру человека.

«Может стать, — тревожно размышлял Борман, — теперь слово имперского фюрера СС, а не начальника партийной канцелярии НСДАП явится тем «последним словом», к которому будет прислушиваться фюрер, принимая важнейшие решения...» «Кто первый нажмет кнопку запуска «А-4», тот откроет для себя дверь к безраздельному доверию, почету и власти у фюрера...» — вспомнилась Борману короткая, сказанная полусепотом фраза министром Шпеером его коллеге Зауэру при выходе из шпейзехалле.

Парируя эту потенциальную угрозу, Борман и сделал внезапный ход. Рейхслейтер намеревался заполучить и свою долю соучастника в произведенном дележе власти и разграничении сфер влияния на сверхсекретном участке военных усилий фашистской Германии.

— Хайль Гитлер! — Шелленберг выбросил руку в фашистском приветствии сразу же, как только переступил порог кабинета начальника партайканцля.

Борман ответил стоя, но не выходя из-за стола. Шелленберг должен был и здесь почувствовать, какое недостижимое для всех остальных имперских немцев занял на пути к глазам, сердцу и ушам фюрера его личный секретарь, рейхслейтер и обергруппенфюрер СС Мартин Борман!

Шелленберг поймал себя на мысли, что в эту первую минуту встречи лицом к лицу, быть может, с самым могущественным приближенным фюрера он вновь ищет ответ на вопрос: в чем же, собственно, тайна феноменального взлета бывшего управляющего юнкерским имением в Мекленбурге на самую вершину нацистской партийной иерархии?

«Проклятая картотека — вот тот рычаг, которым Борман, словно мощным домкратом, поднимал себя все выше и выше по ступенькам фашистской лестницы к стопам фюрера...» — подумал Шелленберг, быстро окинув взглядом кабинет начальника канцелярии нацистской партии. Где-то здесь, в стенах, был спрятан потайной сейф.

«На моей судьбе — отпечатки этих грязных и жестоких рук», — внутренне содрогнулся Шелленберг, заметив, как растопыренными толстыми пальцами уперся Борман в край стола.

Шелленберг хорошо знал: Борман при любом назначении, повышении, перемещении высших имперских чиновников и генералов вермахта или высокопоставленных членов нацистской партии давал свою характеристику данному лицу на основании своей секретной картотеки (в том числе и при назначении Шелленберга на пост начальника VI отдела СД, зарубежной разведки нацистской партии). И его, Бормана, характеристика играла решающую роль. Рейхслейтер умел блестяще использовать в своих целях этот инструмент власти. «С помощью своей картотеки, — предостерег однажды Шелленберга шеф абвера адмирал Канарис, когда они вдвоем совершали традиционную верхнюю прогулку по аллеям берлинского Тиргартена, — Борману удавалось не только оказывать соответствующее давление на высшие партийные инстанции, но и держать их, в известном смысле, под угрозой шаха. Тем самым Борман одновременно приобрел влияние на общую кадровую политику всех имперских министерств и ведомств. Не исключая моего абвера и вашей СД, мой дорогой Шелленберг», — с горькой усмешкой добавил Канарис.

— Я вас вызвал по приказу фюрера, — прервал затянувшееся молчание Борман. — В общих чертах вам должно быть известно об агрегате «А-4». Работы над проектом вступают в завершающую стадию. Сегодня ночью фюрер принял исторические решения, — напыщенно продолжал Борман, выйдя, наконец, из-за стола и вплотную приблизившись к Шелленбергу. — До полудня о подробностях намеченных в ставке мер вас проинформирует рейхсфюрер.

Шелленберг отметил про себя, что Борман предпочел не упоминать имя Гимmlера, назвав лишь его чин.

— Не мне вам говорить о том повышенном интересе, который проявляют к нашему секретному оружию разведки врагов рейха. После налета на Пенемюнде они захотят, конечно, узнать, над какими типами оружия мы будем продолжать работать, где разместим новые секретные заводы, испытательные полигоны, где будем сооружать подземные бункеры для предстоящего ввода в действие агрегата «А-4». Англосаксы дорого бы сейчас заплатили, лишь бы узнать, пока окажется для них не поздно, день и час нашего первого страшного удара...

В разгар своего монолога Борман напомнил Шелленбергу боксера. Он как бы подстерегал противника, наклонив вперед верхнюю часть туловища и быстро фиксируя взглядом его реакцию. А затем внезапно обрушился на него. Это сходство еще больше подчеркивали округлые, выдвинутые вперед плечи и бычий затылок рейхсleiterа, вся приземистая, плотная фигура начальника партайканцлей.

— Это агентурное донесение получено только что ставкой фюрера, — Борман вынул из кармана мундира и протянул Шелленбергу сложенный вчетверо небольшой плотный листок бумаги.

«Шифровка, наверно, передана по каналам абвера, иначе он не стал бы мне ее показывать», — подумал Шелленберг, напряженно следя за тем, к чему же клонит Борман.

«Командование американскими военно-воздушными силами предостерегает: если немцы начнут бомбардировку с помощью беспилотных самолетов, то это могло бы привести к полному срыву операции вторжения», — дважды прочел агентурное донесение Шелленберг. Начальник разведки СД сразу же оценил, какое решающее значение придадут этой шифровке в гитлеровской ставке, планируя место и час для нанесения удара «особым оружием».

Шелленберг еще не мог знать, что Гитлер приурочил ввод в действие «оружия возмездия» именно к началу планировавшейся союзниками операции «Оверлорд»*. «Возмездие, — записал в своем дневнике Геббельс, — должно быть связано с началом вторжения, сказал мне вчера фюрер». О тайных планах Гитлера, разумеется, был осведомлен и Борман.

...Рейхслейтер не спешил раскрыть Шелленбергу все контуры своей тщательно продуманной комбинации. Он остерегался недооценивать столь сильную фигуру в «черном ордене», каким стал за последние годы начальник зарубежной разведки СД. Ему протезировал сам Гиммлер. А это много значило! Даже непосредственный начальник Шелленберга — Гейдрих — так и не смог подставить Шелленбергу ножку, хотя и методически вел под него подкоп.

— Наш удар по армаде вторжения может иметь решающее значение для рейха только в той мере, в какой последствия ее скажутся на восточном фронте, учтите это, Шелленберг!

— Имеется в виду военный или психологический эффект? — осторожно спросил Шелленберг.

— И то и другое. «Оружие возмездия» — козырный туз! Его мы бросим на стол мировой политики в самую критическую для рейха минуту...

Борман замолчал, пристально и изучающе смотря в глаза Шелленбергу. Он еще и еще раз взвешивал необходимый риск осведомления другого лица о тайных замыслах правителей третьей империи, лихорадочно метавшихся в поисках собственного спасения и чудодейственного спасения своих зашатавшихся фашистских тронов. Помедлив, Борман произнес только одну фразу, но она мгновенно вызвала в голове Шелленберга целый вихрь ошеломляющих догадок, пугающих предположений и самых фантастических надежд.

— После этой войны, — Борман преднамеренно подчеркнул слово «после», — миру будет диктовать свою волю тот, в чьи руки провиденье вложит наше новое оружие — меч будущего. Вам, надеюсь, не надо специально разъяснять, какую политическую ценность в глазах англосаксов приобретают теперь наши патенты, чертежи, расчеты и формулы. По подсчетам герман-

---

* «Оверлорд» — кодовое название операции по высадке войск союзников на побережье Европы, осуществленное в июне 1944 года.

ских ученых, мы опередили англосаксов в области создания самых современных средств борьбы по меньшей мере на десять-пятнадцать лет.

«...И каждый час из этих десяти-пятнадцати лет, — мысленно добавил Шелленберг, — аккумуляровал миллионы рейхсмарок в золотом исчислении, напряженную, многолетнюю работу и труднейший поиск лучших ученых, конструкторов, инженеров рейха, тысячи удачных и закончившихся безрезультатно лабораторных экспериментов, опытов, сотни успешных и безуспешных испытаний на полигонах. Заполучить все это — все равно, что наткнуться на сотни тонн чистого золота...»

— Прицелы «оружия возмездия» наведены на Лондон, — проделжал Борман, — а удар мы нанесем по русскому, большевистскому колоссу. Такова, как говорят господа марксисты, диалектика борьбы... Мы не позволим украсть ни одной минуты, ни одной секунды из этих накопленных рейхом опережающих лет! — в голосе Бормана внезапно послышались визгливые нотки.

«...Ты не стал бы меня перехватывать по дороге к Гиммлеру только лишь для того, чтобы объяснить эту азбучную истину», — про себя отметил Шелленберг, настороженно следя за ходом мысли рейхслейтера.

— Главные заводы, производящие секретное оружие, мы надежно укроем под землей. Это решено. Испытательные полигоны перенесем в районы, недосыгаемые для бомбардировщиков врага. Соответствующие планы одобрены фюрером. Общий надзор за осуществлением имперской «программы возмездия» фюрер передал СС.

Борман взял Шелленберга за локоть и подвел его к большой настенной карте нацистского рейха и всех территорий Европы, оккупированных гитлеровской Германией.

Вся карта была испещрена пометками и знаками, нанесенными Борманом цветными карандашами. Значение каждой из бесчисленных пометок было понятно только самому рейхслейтеру. Обладая феноменальной памятью, он постоянно держал в уме этот «топографический шифр», который сам составил для своей служебной карты.

— С этой минуты, Шелленберг, где бы вы ни были и какую задачу ни решали, вам придется постоянно помнить вот об этих оранжевых пирамидах, — Борман протянул руку и ткнул пальцем в несколько пунктов на карте фашистского рейха.

«...Похоже, Борман предлагает мне сделать выбор. Не между ли им и... Гиммлером?» — подметил Шелленберг нотки приказа, зазвучавшие в голосе Бормана. А ведь пока что он давал начальнику разведки СД только рекомендации...

Лишь одна из пирамид находилась в хорошо знакомом Шелленбергу районе. Он неоднократно участвовал в инспекционных поездках руководителей СС и СД на полигон в Пенемюнде и знал, что до сих пор там были сосредоточены основные научно-исследовательские центры, работавшие над созданием «оружия возмездия» — ракет и беспилотных самолетов.

Остальные географические пункты, указанные Борманом, воскресали в памяти Шелленберга лишь живописные ландшафты австрийских Альп, леса немецкого Граца да поросшие буком холмы Краковщины... Ему вспомнились уютные австрийские

пансионы, крутые горные тропы, зеркальная гладь студеных «форельных» озер, не потревоженных любопытными туристами.

— Непосредственную охрану секретных объектов обеспечивают отряды СС специального назначения, — жесткий и властный голос Бормана вернул Шелленберга к суровой прозе тотальной войны. — Дело поставлено так, что ни один имперский немец даже из самых ближайших к объектам деревень не будет знать, что там происходит. Ваша задача, Шелленберг, перекрыть намертво все доступы к секретным объектам агентуре разведок наших противников и в первую очередь — большевистской!

Шелленберг весь напрягся, интуитивно почувствовал приближение того момента, ради которого его вызвал сюда Борман.

— Эти «пирамиды», как и монументы фараонов, воздвигают тысячи рабов рейха, — злобно осклабился Борман, отойдя от карты. — Фюрер отдал приказ создать специальные концентрационные лагеря «А-4». Оттуда мы будем направлять в подземные заводы и на полигоны столько кацетников, сколько нам понадобится.

— Для сохранения в абсолютной тайне характера работ на секретных объектах рейха рискованно привлекать иностранную рабочую силу, — заметил Шелленберг.

— Египетские пирамиды стоят и по сей день, а кто знает, сколько рабов легло костями у их ступеней... Сто тысяч? Миллион? Будьте спокойны, Шелленберг, СС позаботится о том, чтобы ни один кацетник не покинул живым ни одной из строительных площадок. Ни один!

— Допустим, хотя стопроцентной гарантии даже СС вам не даст. Но пока иностранные рабочие находятся на секретных объектах, существует потенциальная угроза, что с их помощью может просочиться информация, интересующая вражескую агентуру, даже если шансов на это — один из тысячи! — возразил Шелленберг.

— Чтобы у врагов не осталось и этого последнего шанса, Фюрер возложил на вас, Шелленберг, ответственнейшую миссию, — Борман снова вплотную подошел к начальнику разведки СД. — Вам придется, дорогой Шелленберг, вести работу на два фронта, — медленно произнес Борман, наблюдая за реакцией на свои слова во взгляде Шелленберга. — Против русских большевиков и... на западных рубежах... Мы считаем, русская агентура предпримет все, чтобы попытаться заглянуть к нам в карты здесь, в тылу рейха, и на ближайших и дальних европейских подступах к нашим секретным объектам. А если Советам удастся, то и попытаться спутать нашу игру, сорвать наши ставки... Кстати, Шелленберг, вы, кажется, предпочитаете британский покер нашему немецкому скату? — с усмешкой, от которой покоробило Шелленберга, спросил Борман.

— Все часто решает, у кого из игроков окажутся крепче нервы, играет ли он в покер или скат, все равно... — уклонился от прямого ответа Шелленберг, чувствуя, как упорно и настойчиво рейхслейтер прокладывал всю ту же подспудную канву своей беседы.

— Противник может струсить, спасовать, даже отказаться от намеченных ходов, дорогой Шелленберг, только лишь подозревая, что в наших руках уже есть решающая комбинация козы-

рей, хотя мы их еще не получили в окончательном, готовом виде. Блеф, Шелленберг, это сильное оружие, особенно когда за ним скрывается реальная угроза! Англосаксы уже сейчас в замешательстве, хотя они и опытные игроки в... покер, — снова усмехнулся Борман. — Они по сей день сбрасывают тысячи бомб на площадки, где мы первоначально подготавливали старт нашего будущего «оружия возмездия». Так что, Шелленберг, мы уже сейчас получаем дивиденды под нашу ставку на секретное оружие.

— Но ведь англосаксы в самых общих чертах знают, что мы уже несколько лет работаем над различными типами секретного оружия, — прервал Бормана Шелленберг.

— Но они понятия не имеют, какому из них мы отдадим предпочтение, каковы радиус действия, точная конструкция, вес, горючее, убойная сила нашего нового оружия, где мы его сосредоточим, когда, в каких масштабах введем в действие, — запальчиво парировал Борман. — Все эти неизвестные икс и игрек для них столь же грозны, как если бы это были наши новые, свежие пехотные дивизии, танковые корпуса, воздушные эскадры, подводные лодки... Англосаксы реально приняли угрозу со стороны нашего «оружия возмездия» в расчет своей бухгалтерии войны и... политики, — торжествуя, как показалось Шелленбергу, завершил Борман столь необычную для рейхслейтера длинную тираду.

— Придет час, Шелленберг, и мы прижмем англосаков к стенке, приставим к виску «оружие возмездия». Фюрер заставит их повернуть фронт борьбы против русских, против мирового коммунизма. И этого мы добьемся с помощью нашего «оружия возмездия». Такова непреклонная воля фюрера! — Борман распался все больше, возбуждая себя, точно наркотиками, цитатами из застольных речей-монологов Гитлера, которые ночи напролет фюрер произносил в «Волчьем логове» в избранном кругу верховных правителей рейха.

Мысленно Шелленберг синтезировал все, что Борман развил перед ним как начальником разведки имперской службы безопасности.

Характер избранной им еще в студенческие годы профессии (Шелленберг начал свою карьеру с осведомителя-шпики) приучил Шелленберга без всяких сантиментов оценивать побуждения людей, в особенности облеченных огромной властью. Начальник разведки СД видел, как неумолимо приближалась развязка для Гитлера, Бормана, Гимmlера, как, впрочем, и для него самого. В уже зияющую за линией фронтовых окопов пропасть сползал все быстрее фашистский рейх, увлекая за собой всю гитлеровскую камарилью, судорожно цепляющуюся за власть. Единственный шанс на спасение Шелленберг видел в том, чтобы попытаться успеть перебросить мост через эту страшную пропасть тотального банкротства гитлеровского режима и нацистских бонз, связавших свою судьбу с кровавой фашистской диктатурой, а друг друга — круговой порукой преступного заговора против мира и человечества... Шелленберг знал, что его имя наряду с именами других фюреров нацистской партии и СС занесено в союзнические списки главных нацистских преступников, подлежащих аресту и преданию суду. Вот почему все высказанное

ему Борманом Шелленберг оценивал в первую очередь с точки зрения возможности наведения «моста» для своей личной переправы на спасительный «западный берег».

«...Борман этого не сказал, но, по сути дела, он предложил мне связать свою судьбу с ним. Что ж, Гиммлер — грозная фигура, но ее бесжалостно сбросят с шахматной доски, как только партия будет окончательно проиграна... Борман не таков. Он сумеет вывернуться, глубоко нырнуть, чтобы выплыть уже после кораблекрушения», — расчетливо и теперь уже хладнокровно прикидывал начальник разведки СД.

По некоторым косвенным данным еще задолго до прилета в «Волчье логово» Шелленберг пришел к выводу: Борман через зарубежные организации нацистской партии начал заблаговременно подготовку к переброске «в послевоенное будущее» всего того, что намеревались гитлеровцы спасти из обломков третьей империи — кадры, деньги, связи, — с тем чтобы создать тайные плацдармы (в Европе, Латинской Америке, на юге Африканского континента) для послевоенного возрождения нацистского движения, для нового реванша.

Шелленберг был в курсе и начато гитлеровскими главарями тайного зондажа в тех сферах англосаксонских держав, где были склонны предотвратить полный разгром и безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии, с тем чтобы превратить вчерашнего врага в союзника против Советской России, оказавшейся способной в единоборстве сокрушить гитлеровскую военную машину и освободить Европу от фашистской тирании.

«...Кто знает, не станет ли германское секретное оружие и впрямь последним оставшимся в арсенале нацистской камарильи козырем в закулисной торге с западными державами, — взвешивал мысленно Шелленберг и свои шансы, — спасительным для нацистской верхушки «мостом» через пропасть тотального поражения? На рейхслейтера не похоже, чтобы он ставил на дохлую лошадку».

— Всю техническую документацию, касающуюся секретного оружия во всех главных стадиях его производства, необходимо сфотографировать на микро пленку. Вы, Шелленберг, организуйте все это и доставьте микро пленку сюда, в «Вольфшанце». О принятых мерах доложите мне лично и больше никому.

— Так точно, господин рейхслейтер, — поспешно ответил Шелленберг, мгновенно оценив все практическое значение «запасного хода» Бормана в той крупной комбинации, которую задумал шеф имперской партайканцляй.

«Даже если все планы рухнут, секретное фотодосье может стать для нас обоим пропуском в послевоенную жизнь, — озарила Шелленберга догадка. — Кто знает, может, именно «А-4» и спасет нас от суда и виселицы?»

— Мне нет необходимости специально предупреждать вас, Шелленберг, с тем, что наш разговор должен остаться между нами, — с нескрываемой угрозой сказал Борман, — и он не предмет для задушевной беседы даже в будуаре вашей очаровательной супруги...

Шелленберг внезапно почувствовал, как холодный пот проступил на висках, точно перед ним разбилось стекло в терраприуме, ограждавшее от готовых к смертельному укусу кобр.

ГЛАВА III. НОВЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

С утра у директора Шисля было отличное настроение. Его «тонизировало» ясное осеннее утро, обласканное нежарким солнцем, яркий ковер листьев, покрывших дорожки сада — Шисль даже попросил садовника пока их не подметать, — великолепно сваренный кофе из натуральных зерен, которые Клерхен могла поджаривать как никто другой. В общем причин для какого-то беспокойства не было. И вдруг этот проклятый звонок из Вены: бросай все — теплую перину, сонную Уши в ее великолепном французском пеньюаре, — наскоро глотай кофе и мчись сломя голову в бывшую столицу бывшей империи...

В ведомстве вооружения было тихо. Пожилой вахтер bravо вытянулся при виде Шисля и сообщил, что господин руководитель ожидают господина директора в своем кабинете. Медленно поднимаясь по темной лестнице — лифт из-за экономии электроэнергии не работал, — Шисль перебирал в уме возможные причины вызова в столь необычное время.

Руководителя ведомства вооружения дипломированного инженера Отто Корнмайера Шисль знал уже много лет. Это был высокий представительный мужчина с чуть седоватыми редкими волосами, небольшими залысинами на лбу — «уголками тайного советника» — и крупным носом. В Корнмайере Шислю не нравилось только одно: тот всегда смотрел мимо своего собеседника, куда-то вправо, и невольно возникало желание повернуть голову в том же направлении.

При виде входящего Шисля Корнмайер вежливо встал. Они приветливо пожали друг другу руки без традиционного «хайль Гитлер» — наедине это можно было себе позволить — и прошли к глубокой нише у окна, где вокруг невысокого столика стояли мягкие кресла. Пригласив Шисля поудобнее располагаться и раскурив свою обычную сигарилло — тонкую длинную сигару, — Корнмайер в нескольких словах изложил суть дела.

— Дорогой директор, — сказал он, попыхивая сигарилло, — как вам известно, союзники недавно нанесли чувствительные удары по нашим сверхсекретным объектам на севере рейха, на которых велись работы над новыми видами оружия. Несколько дней назад фюрером было принято решение рассредоточить центр по разработке и производству оружия «А-4», что исключало бы возможность для наших противников как-то помешать осуществлению известной вам программы.

Корнмайер не спеша встал, подошел к узкому шкафу, стоявшему у противоположной стены, и достал оттуда бутылку с горькой настойкой «Магенбиттер», к которой Шисль, как ему это было хорошо известно, питал определенную симпатию. Налив «Магенбиттер» в высокие стаканы и добавив туда немного минеральной воды, Корнмайер продолжал:

— Согласно распоряжению фюрера увеличивается объем работ и соответственно повышается значение подчиненного вам объекта. Поэтому господин рейхсфюрер СС Гиммлер отдал распоряжение направить к вам специального уполномоченного СС. Прошу не воспринимать это как какой-то акт недоверия: такие

же уполномоченные выезжают и на другие ключевые объекты. Перед ними поставлена задача обеспечить совместно с руководителями объектов максимальное выполнение всех разработок и подготовку в кратчайшие сроки технической документации для производства. Вполне естественно, что им вменяется в обязанность добиться абсолютного сохранения секретности работ...

Уже под вечер, перекусив в одном небольшом итальянском ресторанчике, который он всегда посещал во время приездов в Вену, Шисль возвращался к себе домой и только теперь наконец-то вспомнил, что же ему так не понравилось в беседе с Корнмайером. Да, тот сказал: «Подчиненный вам объект», а следовало бы говорить: «Ваш объект, ваше предприятие». Ведь Шисль уже пять лет был его собственником, владельцем. Конечно, он выполняет исключительно важные заказы. Ему вне очереди и конкуренции выделяют стратегически важное сырье и рабочую силу из лагерей. Его старые проверенные кадры освобождены от службы в армии, не нюхали фронтowego пороха. В конструкторском отделе у него оставили даже одного инженера, бабка которого была еврейкой. Все это ясно говорит о том, насколько он и его объект важны для рейха и фюрера. И все-таки он — хозяин, владелец! Корнмайеру не стоило бы это забывать.

Сама весть о приезде уполномоченного СС не очень взволновала Шисля. На своем веку он их повидал достаточно. Обычно приезжали или «альте кэмпфер» — «старые бойцы», вступившие в нацистскую партию еще до 1933 года, или сынки высокопоставленных родителей, которые примазывались к секретной программе, чтобы не идти на фронт. И те и другие ограничивались тем, что перечитывали личные дела персонала, допущенного к секретным работам, вызывали к себе на беседу несчастного инженера, чья бабка была еврейкой, в коридорах бросали жадные взгляды на молоденьких чертежниц и, наконец, перед отъездом охотно соглашались на приглашение Шисля отправиться в какое-нибудь «уютное местечко».

Всех уполномоченных, контролеров и проверяющих, партийных бонз и функционеров из имперского «рабочего фронта» Шисль обычно возил в ресторанчик на самом верху горы Шнееберг. Оставив автомашину у подножья горы, они в маленьком вагончике, неторопливо карабкавшемся по зубчатой железной дороге, поднимались на вершину Шнееберга. Как правило, Шисль возил туда своих нахлебников в будние дни. В ресторанчике бывало пусто, и его хозяин, не опасаясь постороннего глаза, предлагал своим гостям невиданное по военным временам меню.

Официантки — крестьянские девушки, одетые в деревенские платья «дирндль» с цветастыми фартуками, молча ставили на стол холодную буженину, маринованный лук и соленые корнишоны, тарелки с тонко нарезанной венгерской колбасой «салими». Все это сдабривалось отличным сухим вином «Флохаксн». И наконец, сам хозяин с таинственным видом приносил поднос с цыплятами, зажаренными на вертеле.

Отощавшие на берлинских пайках гости Шисля приходили в восторг, расхваливали умение хозяина ресторанчика и гостеприимство Шисля и для видимости порывались лезть в карман,

чтобы расплатиться. Шисль успокоительно делал жест рукой, и гости уезжали в Берлин с сознанием выполненного долга и с приятными воспоминаниями о горе Шнееберг.

Вернувшись на объект, Шисль собрал к себе в кабинет всех руководителей производства — научного консультанта доктора Гржимека, ведущего инженера Петерса, начальников лабораторий, коменданта охраны и начальника секретной части Штумпфа. Директор Шисль вкратце сообщил своим подчиненным о разговоре с Корнмайером, попросил привести в порядок бумаги и отпустил всех, добавив на прощанье: «Прошу трудиться в обычном ритме. Причин для беспокойства нет. У нас все идет нормально».

Новый уполномоченный приехал через два дня после разговора Шисля с Корнмайером. Подойдя к окну своего кабинета, Шисль увидел, как внизу, у входа в здание, остановился «опель-капитан», окрашенный в зеленый полевой цвет. Шофер в эсэсовской форме быстро выскочил из машины и открыл заднюю дверцу. Шисль сверху не мог рассмотреть лица уполномоченного. Но судя по тому, как тот с трудом выбирался из машины, он был довольно высокого роста. Аккуратно поправив черный форменный пиджак, вновь прибывший подошел к постовому и показал свои документы.

Через несколько минут секретарша Шисля фрейлейн Вегенер доложила своему шефу о прибытии «господина из Берлина». Шисль сам вышел в приемную и пригласил гостя в кабинет.

— Хозяин и руководитель объекта инженер Шисль.

— Доктор-инженер Линдеман.

Директор Шисль был вдвойне удивлен. Во-первых, он не ожидал, что Линдеман окажется довольно молодым человеком. Ему наверняка не было еще тридцати пяти лет. Во-вторых, среди уполномоченных доктор-инженер ему еще не встречался.

Линдеман достал из большого портфеля желтый конверт с пятью сургучными печатями и передал его Шислю.

— Здесь мои полномочия.

Шисль вскрыл конверт, быстро пробежал письмо, подписанное бригаденфюрером СС Каммлером, и положил его к себе в письменный стол. Затем Шисль попросил Линдемана сесть и придвинул к нему большую инкрустированную коробку с сигаретами разных сортов.

Доктор Линдеман закурил болгарскую сигарету и задумчиво посмотрел на портрет фюрера, висевший на стене позади директора Шисля. Оба не торопились начинать разговор. Шисль внимательно, но стараясь делать это незаметно, разглядывал своего гостя. У Линдемана было худое, несколько вытянутое лицо с чуть-чуть выдающимися скулами, крупный добротный нос и резко очерченный подбородок, который, как думалось Шислю, свидетельствовал о твердости и упрямстве Линдемана. Взгляд светлых глаз был несколько усталым.

Наконец, Линдеман притушил сигарету.

— Я немного осведомлен о характере работ на вашем объекте, — сказал он. — У вас отличные кадры, неплохая дисципли-

лина. Но результаты могли бы быть более значительными, если учесть, какое решающее время для судеб рейха и германской нации мы переживаем. Разумеется, у вас свой ритм, традиции, давно установившиеся отношения между людьми. В общем машина хорошо подогнана и функционирует нормально.

«Начинает лыстить, но сейчас пойдут неприятности», — подумал Шисль.

— Я не хотел бы лезть к вам со своими законами и превращаться в обычного уполномоченного-демагога, бросающего кста-ти и некстати высокопарные фразы. («Это верно. Многие из них демагоги», — про себя согласился Шисль.) Просто мне очень хотелось бы вместе с вами еще раз проверить организацию работ на объекте и определить, каким образом можно добиться оптимальных для военного времени результатов.

— Учтите, — продолжал Линдеман, — отсюда мне придется выехать на объекты, где дела обстоят не так хорошо, как у вас. Я не собираюсь вам лыстить, но на недавнем совещании у рейхсфюрера СС министр Шпеер неплохо отозвался о вас лично и вашем объекте. («Все-таки зря я сердился на Корнмайера. Видимо, он мне не пакостит», — задним числом подумал о своем приятеле Шисль.) В Берлине приятно удивлены вашим умением максимально использовать рабочую силу, предоставленную командованием «кацет». («Да, это у меня получилось неплохо. А парень-то он ничего. Опасно только, что не дурак.»)

Когда Линдеман перешел к обсуждению технических деталей, Шисль сделал вывод, что уполномоченный СС отлично разбирается в проблеме дистанционного управления по радио. «От этого парня, — мрачно подумал он, — одной поездкой в ресторан на Шнееберге не отделаешься».

Линдеман говорил на обычном «бюенендойч», как и все образованные немцы, но иногда вставлял в свою речь некоторые слова, типичные для венского диалекта, — очевидно, чтобы сделать приятное Шислю, явному австрийцу, или жителю Остмарк, как после аншлюса называли Австрию. Поэтому по окончании деловой части разговора Шисль поинтересовался, откуда гостю известны венские обороты речи. Линдеман рассмеялся и охотно рассказал, что до июля 1934 года он учился в высшем техническом училище в Вене. Завершить учебу, добавил он, пришлось, правда, в Германии, куда он вынужден был бежать из-за «увлечения политикой».

Шислю не надо было растолковывать, что означала эта фраза. В его памяти были еще свежи события июля 1934 года, когда национал-социалисты попытались совершить переворот в Австрии, убив австрийского канцлера Дольфуса. После провала многие нацисты бежали в Германию.

Дверь в кабинет неожиданно распахнулась, и фрейлейн Вегенер внесла поднос с кофейником и маленькими чашками из майсенского фарфора. Разливая бурюю жидкость в чашки, Шисль извиняющимся тоном сообщил, что, как понимает гость, в военное время кофе, увы, не может быть натуральным.

Линдеман улыбнулся:

— Откровенно говоря, я уже и забыл вкус настоящего кофе. А помните старое доброе время, «Оперн-кафе»? И аромат. Незабвенный аромат кофе по-венски!

Линдеман мечтательно закрыл глаза. Шисль уже с меньшей настороженностью присматривался к уполномоченному. Сам Шисль, как настоящий венец, высоко ценил хорошо сваренный кофе. Линдеман, очевидно, тоже. И тут господин директор решил на героический, по его убеждению, поступок: он пригласил «господина доктора сегодня вечером к себе домой на чашку действительно отличного кофе». Линдеман и не подозревал, какая борьба происходила в душе Шисля.

Дипломированный инженер Ганс Теодор Шисль, которому только что исполнилось пятьдесят пять лет, ходил в молодоженах. Со своей прежней женой, урожденной Леви, он срочно развелся в 1938 году, сразу же после аншлюса. О тех днях Шисль до сих пор вспоминал с некоторым стыдом. Ведь он прожил с Фридой восемнадцать лет. В апреле 1938 года, вскоре после триумфального приезда Гитлера в Вену, Шисль срочно встретился со своим тестем — Паулем Леви, единоличным владельцем завода «П. Леви. Радиодетали» в ста километрах от Вены.

События тех дней как-то сразу сломили Леви. Перед Шислем сидел не энергичный, тертый-перетертый предприниматель, каким прежде был его тесть, а исковерканный судьбой старый человек. Леви безразлично воспринял сообщение Шисля о том, что тот решил развестись с Фридой. После этого Шисль с некоторой дрожью в голосе сообщил старику Леви, что по совершенно надежным данным для евреев в Остмарке наступают трудные и опасные времена. Поэтому он, Шисль, мог бы купить у тестя завод — его все равно будут аризировать, а затем помочь тестю, его жене и Фриде выехать за границу.

Тесть на все реагировал с полной апатией. С Фридой Шисль развелся за какую-то неделю. Продажа завода также была оформлена в кратчайшие сроки. И уже в конце мая Шисль с чувством большого облегчения отправил семью Леви в Швейцарию. Старика Леви он заплатил сто тысяч имперских марок — примерно в семь раз меньше того, что на самом деле стоил завод. Тем не менее Шисль считал себя благодетелем. Ведь в случае настоящей аризации старик Леви вообще не получил бы ничего и вряд ли сумел бы уехать из рейха с такой большой суммой денег...

Четыре года Шисль ходил в холостяках. Красавцем он никогда не был (невысокий крепыш с брюшком и красноватой физиономией любителя поесть и выпить), но успехом у женщин пользоваться умел. Он долго и не спеша подбирал себе будущую спутницу жизни. Урзель, или, как он ее ласково называл, Уши, стала его женой год назад — в сентябре сорок второго. Уши была чистокровной арийкой (уж это Шисль проверял особо тщательно) со стандартными белокурыми локонами и голубыми глазами.

После женитбы Шисль потерял душевный покой. Неожиданно для себя самого он стал испытывать чувство ревности. Шисль срочно перевез Уши из своей венской квартиры в коттедж рядом с объектом. Он ревновал Урзель буквально ко всем: ведущим инженерам и начальнику охраны, офицерам из соседнего «кацет» и даже к своему садовнику — молодому парню, которого не брали на фронт из-за сильного косоглазия. Раньше берлин-

ские уполномоченные останавливались в доме Шисля. Теперь он их отправлял в гостиницу «Вальдкроне» в соседний городок. К себе в гости Шисль приглашал знакомых не моложе пятидесяти лет. И вот теперь, глядя на Линдемана, он уже почти жалеет, что позвал такого крепкого молодого человека к себе на чашку кофе.

Наблюдая за чуть растерянной физиономией Шисля, Линдеман про себя посмеивался: в Вене в управлении СС ему рассказывали о болезненной ревности хозяина объекта. Поэтому еще по дороге сюда он решил соблюдать крайнюю щепетильность, чтобы не обидеть Шисля.

— Простите, господин директор, — сказал Линдеман, — надеюсь, вы не сочтете меня невежливым, но я хотел бы сегодня отдохнуть. Последнюю неделю я не высыпался — приходилось много работать. Ради бога, не обижайтесь на меня, господин директор, тем более что я здесь не последний день.

Шисль изобразил на лице легкое разочарование, но в душе был рад и даже тронут чуткостью своего гостя.

Хорошо отдохнув в тихой чистенькой гостинице «Вальдкроне», Линдеман с утра приступил к осмотру всего объекта.

За прошедшие годы завод основательно разросся, но его внешний вид и размеры остались прежними: все новое производство было тщательно спрятано под землю.

Когда в начале столетия Пауль Леви строил здесь в горном, покрытом лесами месте завод, он, разумеется, не искал уединения и скрытности: просто ему удалось купить большой участок земли и по очень дешевой цене. При этом Леви учел, что недалеко от будущего завода находилось несколько деревень с избытком рабочих рук. Деревенские бедняки и стали первыми рабочими завода Леви. Для специалистов — инженеров, механиков, рабочих высшей квалификации был построен небольшой поселок прямо в лесу.

С началом войны производство на заводе Шисля стало резко расширяться. По правде говоря, даже Шисль толком не знал, как используются радиодетали, изготавливаемые на его предприятии: их тщательно упаковывали и отправляли по разным адресам в Германию и оккупированную Голландию. Однако, Шислю стало известно, что эти адреса были фиктивными. В пути адрес назначения изменялся, и радиодетали поступали на заводы окончательной сборки. Количество заказов армии и авиации настолько увеличилось, что все заводские помещения к лету сорок первого года уже не могли вместить новых станков. Свободных средств на строительство нового помещения у Шисля не было, а брать кредиты он не хотел.

Случайно от друзей охотников Шисль узнал, что рядом с заводом сохранилась старая заброшенная соляная шахта. В пятидесяти метрах от входа шахта расширялась в громадную пещеру, по дну которой бежала небольшая речушка. Пришлось сделать запруду и пустить речушку по трубам. В пещере было прохладно, но сухо. Правда, все это значения не имело, так как работали здесь заключенные из «кацет», находившегося в 25 километрах от завода. Заключенных ежедневно привозили на громадных армейских грузовиках.

Побывал Линдеман и в подземном цехе. Он особенно придирчиво проверял систему охраны, расположение скрытых постов и сигнализацию на случай тревоги. Сопровождавший Линдемана Шисль доверительно сообщил уполномоченному, что здесь, в цехе, ему удалось отменить телесные наказания. «Конечно, — добавил он, — у себя в концлагере мои друзья из СС могут делать что им заблагорассудится. Но здесь самое главное — производство».

За прошедшие несколько дней пребывания Линдемана на объекте Шисль успел к нему хорошо присмотреться. Для себя он окончательно решил, что с этим уполномоченным приятно иметь дело. Линдеман не лез в мелочи, хотя прекрасно разбирался во всех деталях производства. Он старался делать все без всякой назойливости и высокомерия. В отличие от своих предшественников Линдеман не подчеркивал, что он из Берлина, и не кичился своими высокими связями, а они у него были. Шисль успел навести справки в отношении Линдемана и узнал, что тот вхож в ближайшее окружение рейхсфюрера СС Гиммлера. Конечно, эта скромность и воспитанность могли быть показными, рассчитанными на простаков. Но на этот раз Шисль решил для самого себя не усложнять и без того неимоверно сложные отношения между людьми. Он всячески давал понять Линдеману, что им обоим, как воспитанным, образованным господам, разбирающимся в жизни и отлично знакомым с производством, незачем хитрить друг перед другом... Линдемана такая игра вполне устраивала.

Срок пребывания уполномоченного Линдемана на объекте приближался к концу. За две недели он сумел ознакомиться практически со всеми сторонами работы важного предприятия. Особое внимание он уделил охране объекта, системе шпионажа среди обычных сотрудников завода и заключенных, работавших в подземном цехе. Необходимость этого была вызвана тем обстоятельством, что в Берлине имелись некоторые первичные, пока что ничем не подтвержденные данные о возможном существовании на заводе Шисля группы саботажников.

Уполномоченный два дня провел с начальником службы безопасности СД на заводе майором полиции Раттенбергом, который в категорической форме отрицал возможность существования на объекте какой-то группы подпольщиков. Разгорячившись, Раттенберг, упрямый баварец, в прошлом мюнхенский парикмахер, распорядился принести все дела на агентуру СД среди работников завода и списки осведомителей гестапо среди заключенных с краткими характеристиками на них. Линдеман внимательно просмотрел все дела. И действительно, ни в одном из донесений агентов не было никакого намека на то, что здесь орудуют саботажники.

В ходе разговора Раттенберг давал конкретные характеристики на руководителей объекта. По его словам выходило так, что все они крайне неприятные субъекты чисто в личном плане, но каких-либо сомнений в их лояльности и преданности фюреру у Раттенберга не было. Во всей его интонации чувствовалась большая неприязнь к австрийцам. Слушая этого вспыльчивого баварского парня, Линдеман невольно вспомнил один из извест-

ных афоризмов Бисмарка о том, что баварец — это переходная ступенька от австрийца к человеку.

Бывший парикмахер сохранил, судя по всему, большой интерес к личной жизни своих подопечных. Ведущего инженера объекта Петерса он назвал старым бабником. Научный консультант доктор Гржимек был, по словам Раттенберга, наоборот, умственным и физическим импотентом. Чувствовалось, что Раттенберг с удовольствием рассказал бы Линдеману все заводские сплетни, если бы тот не перевел разговор на другую тему.

Единственный, о ком Раттенберг отозвался с нескрываемой похвалой, был комендант охраны объекта Франц Штумпф, который одновременно отвечал за соблюдение секретности, опечатывание сейфов, строгий учет секретных документов и чертежей.

— Вель вот возьмите Штумпфа, — несколько успокоившись, продолжал Раттенберг. — Тоже австриец, но, очевидно, без примеси этой богемской крови, да к тому же скачет на одной ноге — вторую он потерял в боях с большевиками на Украине после их революции. Вы сами понимаете, коменданту охраны приходится передвигаться очень много, и Штумпф со своим протезом успевает ежедневно проверить все посты, осмотреть сейфы, пройтись по кабинетам, где работают наши тузы, и убедиться в том, что они не забыли абсолютно секретные документы на своих столах. Штумпф — это отличный работник и стопроцентно надежный пеге*. Я уже представил его к награде и попросил бы вас, господин уполномоченный, поддержать мое ходатайство.

Со Штумпфом Линдеман встретился в тот же день после обеда. Штумпф бодро вошел в кабинет, выделенный временно Линдеману, и застыл у двери, вытянув руки в гитлеровском приветствии.

Штумпф был уже немолодым человеком с грузной фигурой и несколько одутловатым лицом. Уже с первого взгляда было видно, что это исполнительный служака, старой закалки, привыкший беспрекословно подчиняться приказаниям начальства. Штумпф четко и подробно, не сбываясь, рассказал Линдеману об охране объекта, сложности расположения постов в горной и лесной местности. Чувствовалось, что он тщательно подготовился к разговору с берлинским уполномоченным.

Линдеман внимательно рассматривал лицо коменданта охраны. Да, оно было ему, безусловно, знакомо, но точно припомнить, где он его видел, Линдеман не мог. Незаметно для Штумпфа он перевел разговор и, как бы между прочим, спросил коменданта охраны, где тот потерял ногу. Штумпф, очевидно, уже устал от служебного разговора и оживился, почувствовав, что теперь можно просто поговорить с уполномоченным на обычные житейские темы.

— Из моего личного дела вы, господин уполномоченный, уже, наверное, знаете, что всю первую мировую войну я провоевал на восточном фронте, — сказал Штумпф. — Был в Галиции, Эстляндии, а после русской революции попал на Украину. Скажу вам прямо: это было неплохое время. Мы отъелись тогда

---

* Пеге — немецкое сокращение слова «партайгеноссе» — член гитлеровской партии.

за всю войну. У большевиков еще не было силенок, чтобы портить нам жизнь. А потом появились партизаны... Простите, господин уполномоченный, но вы еще сравнительно молоды и, наверно, не знаете, что в России уже тогда были партизаны, а не только сейчас.

— Да, — улыбнулся Линдеман, — я немного слышал о том, что у нынешних русских бандитов были предшественники еще во времена Наполеона и русской революции.

— К счастью, господин уполномоченный, вы только слышали о них. Но не дай бог вам с ними столкнуться! Партизанская пуля и сделала меня калекой на всю жизнь. Поэтому я знаю, в каких трудных условиях приходится воевать нашим солдатам на восточном фронте.

— А где случилось с вами это несчастье?

— Вы, быть может, слышали об одном городе — недалеко от Киева, на реке Десне? Он называется Чернигов. В самом городе было тихо. Я вспоминаю тамошние яблоки. Черт возьми! Но однажды нас послали усмирять одну партизанскую деревню, а после мы попали в засаду, и так я стал обладателем этой деревяшки, — Штумпф похлопал своей протез.

После ухода Штумпфа Линдеман долго сидел в своем кабинете, глубоко задумавшись. Потом он вскочил в маленький двухместный «форд», любезно предоставленный ему Шислем, и поехал на объект. В гостиницу он вернулся поздно вечером.

ГЛАВА IV. ВЫХОД ОДИН — ВЗРЫВ!

Хотя уполномоченный СС Линдеман и оказался корректным человеком и пребывание его на объекте прошло спокойно, без придирок и неприятных разговоров, все же директор Шисль вздохнул с облегчением после того, как лично отвез Линдемана в Вену. По традиции перед отъездом он свозил Линдемана в ресторанчик на Шнееберге.

Через несколько дней после отъезда Линдемана коменданта охраны Штумпфа срочно вызвали в Вену. Как он и ожидал, речь пошла о том, что почти все охранники объекта должны быть направлены на фронт. Вместо них на объект собрались прислать пожилых крестьян, давно вышедших из призывного возраста. Штумпф был не в восторге. Но приходилось мириться: дела на фронте обстояли так, что, казалось, скоро туда станут направлять и пожилых крестьян.

Выйдя из управления, Штумпф медленно зашагал к автобусной станции. Машины ему не полагалось, и обычно он добирался в Вену и обратно на объект автобусом. Неподалеку от центрального мясного рынка неожиданно его кто-то окликнул. Штумпф посмотрел влево и увидел, как рядом с ним, у самого края мостовой, притормозила машина. Из нее выглядывал улыбающийся уполномоченный Линдеман. Он гостеприимно распахнул дверцу, приглашая Штумпфа сесть рядом с ним.

— Господин уполномоченный, — сказал Штумпф. — Нам, наверно, не по пути. Ведь я возвращаюсь на объект.

— Вот и отлично. Я как раз еду в том направлении и смогу довести вас почти до самого объекта.

Дорога была совершенно безлюдной, и Линдеман вел машину на большой скорости. Неожиданно он свернул влево на узкую дорогу и, проехав метров четыреста, остановился.

Опережая вопрос Штумпфа, пояснил:

— Здесь отличное место для отдыха, я хочу вам его показать...

И действительно, здесь было удивительно красиво. Величавые дубы сбрасывали осеннюю листву. Деревья стояли не густо. Было хорошо видно, как они поднимаются в гору, к самой вершине. Из-под упавших багряно-желтых сухих листьев проглядывала нежная зелень травы.

Линдеман взял с заднего сиденья портфель, достал из него два стакана и две бутылки — с минеральной водой и вином, смешал то и другое и протянул один стакан Штумпфу. Тот молча взял и кивнул головой в знак благодарности.

И вроде бы случайная встреча с Линдеманом в Вене, и поездка по пустынной дороге, и, наконец, непонятная остановка в лесу — все это показалось теперь Штумпфу подозрительным. Он выжидательно посмотрел на Линдемана, спокойно сидевшего рядом и как будто поглощенного созерцанием природы. Линдеман тоже посмотрел на Штумпфа, и, поняв беспокойные мысли, бродившие под хмурым лбом Штумпфа, сказал:

— Господин Штумпф, вы совершенно правы в своих предположениях: мы с вами встретились сегодня далеко не случайно. Я хотел бы рассказать вам о некоторых своих умозаключениях. А вы мне потом скажете, прав я или нет. В Берлин поступили сигналы — правда, не в гестапо, а непосредственно в канцелярию рейхсфюрера СС — о том, что на вашем объекте предполагается наличие саботажа. Заметьте — пока единичные сигналы... Они ни на чем не основаны, не подтверждаются какими-либо фактами, более того, сообщения о неполадке на объекте были анонимными... Я не имею права говорить, для чего используется продукция вашего завода. Однако могу сообщить, что малейшая неточность в качестве деталей, выпускаемых на объекте, может привести к срыву программы производства сверхсекретного оружия! Большие неполадки уже имели место. Однако авторитетная комиссия установила в качестве причины этих неполадок конструкторские недоработки. Скажу вам откровенно, что я позволил себе не согласиться с выводами комиссии и добился, чтобы меня направили на ваш объект. Я не ошибся в своих предположениях. На заводе действительно существует тщательно законспирированное подполье. Я почти уверен, что вы имеете к нему определенное отношение...

Сидя вполоборота к Штумпфу, Линдеман заметил, как у того лицо стало наливать кровью и густые брови полезли вверх.

— Успокойтесь, господин Штумпф, — по-прежнему мягко сказал Линдеман. — Хотя мы с вами и не на судебном процессе, но вот вам некоторые факты. В деталях, производимых на вашем заводе, имеются микроскопические изменения, которые обычный контроль не в состоянии установить. Но именно эти изменения в деталях имели столь пагубные последствия для испытаний сверхсекретного оружия. Рабочие — обычные или из

числа заключенных — должны были бы иметь специальные штампы для того, чтобы при поточном производстве так незаметно портить детали. Эти штампы могли быть доставлены только извне. Возникает вопрос: кто это сделал? С другой стороны, я узнаю, что господин Штумпф очень бдительный человек и каждый день проверяет, как заперты сейфы, что оставлено в корзинах для бумаг и не забыты ли на столах чертежи. И наконец, последнее, господин Штумпф: только вчера мне стало известно, что вы действительно потеряли свою ногу в 1918 году на Украине, но только не из-за партизанской, а из-за немецкой пули...

Штумпф судорожно вздохнул. Его правая рука как бы автоматически потянулась к карману.

— Господин Штумпф, — почти весело сказал Линдеман. — У вас нет никаких причин для беспокойства. Вы должны были бы подумать, для чего я выбрал столь безлюдное место, а не, к примеру, здание гестапо в Вене.

Советской власти шел только второй год, а Андрею было всего восемь лет, когда его родное село заняли немцы. Все утро Андрей рыбачил на Десне и отправился домой лишь к обеду. Он быстро взобрался по кругому песчаному склону и увидел, что у края села стоит группа людей в странной форме. Один из них, заметив Андрея, оживился и поманил мальчика пальцем. Когда Андрей подошел, немец одобрительно протянул: «Гут, гут», а потом забрал у Андрея рыбу и слегка подтолкнул его в спину — уходи, мол, пока цел.

Но самое страшное случилось на следующий день. Кто-то донес, что отец Андрея комиссар у «москалей» под Брянском, и в маленькую хатку ворвались три дюжих гайдамаки, пришедших в село вместе с немцами. Они молча схватили мать Андрея и потащили ее к церкви. Туда уже согнали всех жителей села.

На маленьком пятачке перед церковью стояла кучка людей, Андрею, прибежавшему вслед за матерью, все они были хорошо известны. Когда вскоре после революции отец вернулся с фронта, в их хату набивались бывшие солдаты — такая же гольтыба, как и отец Андрея, — курили жестокий самосад, о чем-то спорили и расходились по домам только под утро.

Немцы, оцепившие пятачок, стояли с безучастными лицами, Грязную работу делали гайдамаки. Они не спеша секли шомполами людей, согнанных на пятачок. Когда очередь дошла до матери, Андрей, наконец, понял весь ужас того, что должно было случиться. Он не кричал, а лишь отвернулся в сторону и стал смотреть на равнодушно-сытые физиономии немцев. Правда, один из них вел себя как-то странно. Лицо его побагровело и покрылось испариной, а рот судорожно кривился. Может быть, Андрей и забыл бы этого немца, но через неделю после того страшного дня верные люди доставили Андрея и его мать в густые придеснянские леса к партизанам. Вот там-то у партизан Андрей снова встретил того странного немца. Оказалось, что немец за два дня до этого сам пришел к партизанам, все время повторяя, пока его вели к землянке командира: «Золидаритэт» и «Зоциаль-демократ». Немецкого языка в отряде

никто не знал, но эти два слова были понятны всем. Правда, командир отряда не знал, что делать с немцем. А пока что тот помогал на кухне и даже приготовил картофельные галушки, которые он называл «кнедель».

Сомнения командира рассеялись в первом же бою. Немец, которого звали Ганс, выпросил у повара винтовку и так лихо стрелял по гайдамакам и своим же немцам, что повар снова оказался в одиночестве. Его помощник превратился в заправского партизана. Ганс научился пить горилку, курить корешки и есть украинское сало, запивая молоком.

В одном из боев немецкая пуля раздробила кость на правой ноге Ганса, и он мучительно и громко стонал, когда отрядный фельдшер пилил ему кость ниже колена...

Все эти воспоминания снова пронеслись в голове Артура, когда он увидел, что лицо господина Штумпфа побагровело и покрылось испариной, как в тот день, когда гайдамаки избивали мать Андрея. Линдеман незаметно вздохнул, вспомнив тот солнечный день и тихую рыбалку, глаза матери, ее искривившийся от боли рот.

Летом 1934 года профессор физики Венской высшей технической школы Хаккерт лишился своего лучшего студента: подобно многим другим пассивным и активным участникам неудавшегося фашистского путча, Артур Линдеман бежал в Германию. В Зальцбурге были усилены посты австрийских пограничников, и нацистам пришлось пробираться через маленький пограничный городок Браунау.

Рольф Драйэкк, главарь национал-социалистов на факультете Артура, хорошо знал эти места и повел студентов тихим переулком. Неожиданно он остановился у довольно большого двухэтажного дома. По торжественному выражению на лице Рольфа все догадались, что они находятся там, где родился фюрер.

Артур твердым шагом вышел вперед и прерывающимся от волнения голосом предложил поклясться на верность идее у дома, о котором вечно будут помнить все народы! Студенты подняли руки в гитлеровском приветствии, а Рольф порывисто обнял Артура и прошептал ему, что теперь они навеки связаны братской клятвой.

Перейдя границу, все парни оказались в полицейском участке. Командант и какой-то немолодой человек в штатском («Наверное, из гестапо», — подумал Артур) долго говорили с Рольфом и время от времени поглядывали на Артура, одобрительно кивая головой.

Для Артура, пострадавшего в Австрии за национал-социалистскую идею, не составило большого труда поступить в Берлинское высшее техническое училище. Правда, он дал подписку, что по первому приказу готов будет снова выехать в Австрию...

Артур старательно учился, посещал все лекции и вовремя сдавал экзамены. Линдеман чувствовал, что к нему присматриваются, проверяют: то небольшая дискуссия на острую политическую тему со случайным соседом на лекции, то таинственные намеки на предстоящие изменения, которые невинно бормотал

подвыпивший бургер, как бы невзначай севший рядом с Артуром в маленьком пивном погребе, то назойливые расспросы квартирной хозяйки Артура фрау Бретшайд относительно источников его существования...

По приказанию из центра Артур свел до минимума встречи в Берлине со своим руководителем — они виделись не чаще одного раза в полгода. Для передачи денег и заданий использовались незаметные места в разных частях огромного города. Руководителю, которого Артур про себя называл «стариком», хотя тому было всего сорок лет, приходилось тяжело с Артуром — парень все время рвался в бой, требовал, чтобы его направили в Испанию, предлагал сколотить подпольную группу из числа студентов, клялся, что у него есть на примете отличные ребята.

Но «старик» проявлял железную выдержку и требовал от Артура соблюдения строжайшей дисциплины и конспирации. Он подробно анализировал все действия Артура, детально расспрашивал о всех его знакомствах и ставил перед Артуром совершенно конкретные, строго ограниченные задачи. «Вот ведь стал педангом, совсем как немец», — думал про себя Артур, но тщательно выполнял все указания «старика». Много позднее Артур понял, какую великолепную школу разведчика он прошел под руководством этого опытнейшего подпольщика-революционера.

«Не зарывайся, — не уставал повторять руководитель Артуру на их редких встречах. — Твое время еще придет. У Гитлера достаточно крикунов, умеющих только похвалиться тем, как они пришли к власти. Но этой громадной машине нужны в первую очередь знающие люди: специалисты и партийные фанатики одновременно. Ты должен стать таким человеком. Знакомства, связи среди адвокатов, экономистов и особенно предпринимателей — все это тебе понадобится как воздух. Именно эти люди делают политику».

Среди студентов восьмого семестра Артур считался общительным парнем. Он находил время и для занятий в «гимнастическом союзе», и для посещений альпинистской секции, и для прогулок верхом на лошади в берлинском парке Тиргартене. Богачом Артур не был. Поэтому лошадь он нанимал в компании с одним приятелем — сыном известного авиаконструктора, который держал своего наследника в ежовых рукавицах и выдавал на карманные расходы строго ограниченную сумму. Во время подготовки к летним Олимпийским играм, которые состоялись в Берлине в 1936 году и которым Геббельс придавал колоссальное значение для пропаганды Третьего рейха и фюрера, Артур был направлен партайляйтером технического училища в специальный студенческий комитет, отвечавший за организацию досуга участников Олимпиады.

Вот здесь-то Артур и познакомился с Элизабет Бингель, студенткой философии Берлинского университета. После долгого спора членов комитета о том, куда вести американских спортсменов — в цирк «Буш» или в варьете «Фридрих-штадтпаласт», — Артур и Элизабет вышли на улицу. Начинало темнеть, но фонари на Унтер-ден-Линден еще не зажигали. Идя рядом с Элизабет, Артур незаметно рассматривал девушку. Элизабет по-

чувствовала его взгляд и улыбнулась. В ее улыбке было что-то задорное, но доверчивое. Темно-голубые глаза тепло смотрели на Артура. От легкого ветра ее светлые с каштановым отливом волосы рассыпались по плечам. Элизабет была стройной рослой девушкой — немного ниже Артура. Одета она была в простое серое платье, но видно было, что эта простота стоила больших денег. Свое платье Элизабет наверняка сшила у очень дорогого портного.

Весело болтая об Олимпиаде, потрясающем успехе американских легкоатлетов-негров, Артур и Элизабет медленно шли по Унтер-ден-Линден. Как и всегда, проходя мимо здания советского посольства, Артур отвернулся в сторону. Свыше его сил было видеть, как из посольства выходят такие близкие и такие далекие теперь для него люди. В эти минуты Артур чувствовал страшную зависть к ним и громадное желание вбежать в посольство, скинуть с себя личину немецкого бурша, вдоволь поговорить по-русски, поиграть в волейбол во дворе посольства (он почему-то был уверен, что дипломаты играют в волейбол), а потом не спеша пить чай вприкуску, наливая в большую чашку крепкую заварку.

Они миновали Бранденбургские ворота, «Зигесзойле» — «Колонну победы», воздвигнутую кайзером в честь победы над Францией в войне 1870 года, и Тиргартен. На Курфюрстендамм, одной из главных улиц Берлина, Элизабет иногда останавливалась у витрин ювелирных магазинов, любуясь блеском камней. Неожиданно рядом с ними заскрипели тормоза машины. Из черного «хорьха» с гофрированным багажником торопливо выскочил шофер в форменной фуражке и открыл заднюю дверцу. Пожилой плотный господин во фраке и цилиндре не спеша вылез из машины и направился прямо к Элизабет. На Артура он не обратил ни малейшего внимания. Лишь мельком взглянул на него холодными рыбьими глазами.

— О фати! * — радостно вскрикнула Элизабет. — Разреши тебе представить моего нового...

— Я еду на прием в чилийскую миссию, — перебил ее отец. — Мать осталась дома. У нее мигрень, поэтому не опаздывай.

Отец Элизабет молча повернулся, снова бросил подозрительный взгляд на Артура и направился к машине. Лицо Элизабет пылало от смущения.

— Ради бога, не обижайтесь на моего отца. Он все еще считает меня маленькой девочкой и был страшно шокирован, когда узнал, что у меня появились знакомые мужского пола и даже, — она заодно взглянула на Артура, — поклонники.

Но все же настроение было испорчено, и они молча дошли до Груневальда, аристократического района Берлина, где жила Элизабет.

Следующее воскресенье Элизабет и Артур решили провести на озере Мюггельзее. В поезде электрички они доехали до остановки Фридрихсхайн и лесом прошли к самому озеру. На берегах громадного Мюггельзее царил «хохбетриб» **. Артур с трудом раздобыл лодку, и они долго катались по крошечным зали-

* Фати (нем.) — папочка.

** Хохбетриб (нем.) — горячее время, часы «пик».

вам, каналам, к которым со всех сторон примыкали небольшие дачи, принадлежащие бюргерам среднего достатка.

После катания они отправились закусить и чего-нибудь выпить на открытой веранде ресторана «Шультхайс», расположенного рядом со знаменитой вышкой «Мюггелтурм». Артур заказал светлое слабое пиво со сладким сиропом «берлинер вайсе мит шусс» и сосиски с маленькими булочками — шриппе.

За соседним столиком сидели два молодых парня в форме штурмовиков. Судя по их мокрым от пота коричневым рубашкам, выпили они не один литр пива. Вначале Артур не обратил на них внимания. Но штурмовики, увидев Элизабет, стали возбужденно переговариваться, делая руками совершенно недвусмысленные движения, которые должны были изображать фигуру девушки.

— Пойдем отсюда! — сказала Элизабет, заметив злое выражение на лице Артура. Он оставил деньги на столе, и, не дожидаясь кельнера, они направились к выходу. Элизабет шла впереди.

Неожиданно один из штурмовиков, ражий детина с совершенно бесцветными волосами, крошечным носом и дегенеративной верхней губой, встал и загородил дорогу Элизабет. Она свернула вбок, стараясь его обойти, но он протянул руку, покрытую рыжими волосами, чтобы похлопать ее по спине.

У Артура из головы вылетели все уроки «старика». На этот раз выдержка изменила ему. Он бросился вперед и с силой ударил штурмовика под ложечку. Тот согнулся от боли, и Артур тут же нанес ему страшный удар двумя сцепленными руками по спине, чуть выше поясницы. Молодчик рухнул рядом со столом, за которым сидел его напарник.

Тот тупо и пьяно моргал осовелыми глазами и, видимо, никак не мог сообразить, что, собственно говоря, произошло. Из кухни выбежал испуганный хозяин. Проходивший мимо ресторана парень в белой морской фуражке весело свистнул: «Ну, жди теперь поленте»*.

И действительно, буквально через несколько минут на месте происшествия появились два штурмана, а вскоре оба штурмовика, Артур и Элизабет оказались в полицейском участке. Элизабет пыталась что-то объяснить ревиринспектору, но пришедший в себя штурмовик разра-

* Поленте (жаргон) — полиция.

зился такой бранью, что полицейский попросил девушку выйти в коридор.

В душе Артур клял себя за то, что «сорвался», хотя, с другой стороны, ему было ясно, что иначе поступить он не мог.

Эпилог «ресторанной истории» оказался гораздо лучше, чем опасался Артур. Выйдя в коридор, Элизабет сразу же позволила собой. Вскоре в участок торопливо вбежал ее отец в сопровождении мрачного типа в черной эсэсовской форме со знаками различия обершарфюрера. Тот молча подошел к обоим штурмовикам, хотел было ударить одного из них, но, видно, передумал и только угрожающе пробормотал: «Мало вам дали в тридцать четвертом!»*

Очевидно, Элизабет рассказала отцу обо всем случившемся еще в коридоре, потому что на этот раз он сам подошел к Артуру, поблагодарил за «защиту дочери от пьяных хулиганов» и, наконец, назвал себя: «Коммерциальрат** Бингель!»

На следующий день Артуру позвонил его приятель по Вене Рольф Драйэкк. После бегства из Австрии он бросил учебу и теперь быстро делал карьеру в СС.

— Ну и хитер же ты, парень! — весело кричал он в телефонную трубку. — Подцепил такую курочку!

— Не понимаю, — сдержанно ответил Артур.

— Ну как же, пеге Бингель солидный финансист и промышленник и далеко не беден. Но самое главное — его кузен, генеральный директор «Сименс-Шуккерт» Рудольф Бингель является членом «кружка друзей рейхсфюрера СС Гимmlера!» Думаешь, почему вчера тебя прибежал выручать один из наших ребят? Все из-за кузена. В общем доучивайся и иди к нам в СС. Карьера будет обеспечена.

Как бы там ни было, но после этой загородной прогулки Артур стал желанным гостем в доме родителей Элизабет.

Летом 1937 года Артур стал дипломированным инженером. Еще через полгода он завершил свою докторскую работу, а в марте 1938 года, когда фюрер под вопли ошалевшей толпы ехал в открытом «мерседесе» по улицам Вены — столицы захваченного нацистской Германией государства, доктор-инженер Артур Линдеман торжественно обвенчался с Элизабет Бингель.

Так началось его движение вверх, о чем мечтал, к чему готовил его «старик», незадолго до этого срочно выехавший в Москву.

Штумпф все еще недоверчиво смотрел на Артура. В его голове царил полный беспорядок. Маленький украинский мальчуган, мать которого умерла через две недели после того, как ее избил шомполами, и этот лохотный, с надменной физиономией офицер-эсэсовец, перед которым трепетал директор Шисль! Можно было сойти с ума от всех совершенно диких мыслей, которые лихорадочно проносились в голове Ганса Штумпфа.

И все-таки он поверил, поверил, когда Артур в мельчайших

---

* В 1934 году Гитлер с помощью СС расправился с руководителями штурмовых отрядов Ремом, Гайнесом и другими.

** Коммерциальрат (нем.) — советник коммерции.

деталей описал трехмесячное пребывание его, Штумпфа, в партизанском отряде, вплоть до того дня, когда ему ампутировали ногу.

Они снова налили по стакану вина и выпили по-русски залпом, дружески и даже с любовью поглядывая друг на друга.

— У нас очень мало времени, — сказал Артур, посмотрев на часы. — Довольно воспоминаний. Перейдем к делу. Значит, у тебя в группе три человека (Ганс утвердительно кивнул головой). Для будущих действий этого мало, но выход мы найдем. Теперь слушай внимательно: к вашей группе подбирается провокатор. Ты его знаешь: это помощник главного конструктора Зепп Эшмюллер. — Артур сделал паузу, увидев, как Штумпф вздрогнул. — Я пошел на грубейшее нарушение конспирации, напрямую устанавливая с тобой связь. Это должен был сделать кто-нибудь другой из наших. Но времени не было.

По донесениям Эшмюллера в канцелярию Гиммлера, — продолжал спокойно говорить Артур, — чувствовалось, что он вот-вот нападет на след подпольщиков...

— Черт побери, — перебил Штумпф Артура, — но это действительно так. Я собирался с ним переговорить относительно сотрудничества в следующий четверг. Ах, проклятая скотина!

— К счастью, в своих доносах Эшмюллер не назвал ни одного имени. Поэтому, — твердо сказал Артур, — его нужно убрать в ближайшие два дня. Кстати, не забудь проверить, что там у него в сейфе и письменном столе — может быть, останутся какие-нибудь опасные для твоей группы бумаги. Лучше всего, если с Эшмюллером произойдет несчастный случай. Он, кажется, заядлый охотник... Но в общем ты сам, товарищ Штумпф, найдешь, как лучше разделаться с опасным провокатором. А теперь самое главное: изменение конфигурации деталей с помощью штампов вы придумали неплохо. Но долго продолжаться это не будет. Дураков сейчас мало. Максимум еще две-три недели, а потом все полетит к черту. Поэтому нужно готовить серьезную операцию. Твоя группа должна уничтожить подземное производство, а наземные цехи — это уже работа авиации.

Заметив, что Штумпф хочет что-то сказать, Артур вопросительно посмотрел на него, но тот молчал.

— Я, разумеется, понимаю твои сомнения: как силами трех человек осуществить такое крупное дело? Людей вы получите. — В ответ на недоверчивую улыбку на лице Ганса Линдеман добавил: — Я еду сейчас в «кацет» Маутхаузен. Мне поручено отобрать наиболее толковых заключенных для работы на оборонных заводах, так как от директоров предприятий на имя Гиммлера идут жалобы на то, что им все время подсовывают самых bestолковых кацетников. Один директор в письме Гиммлеру вполне резонно жалуется, что среди русских заключенных не могут быть только одни «безграмотные мужики», а к нему на завод присылают именно таких. — В глазах Артура промелькнула лукавая усмешка. — Вот я и буду теперь подбирать для них «интеллигентных славян». Тебя я, разумеется, тоже не обижу.

— Артур, позволь два вопроса. Первый. Как мы доставим на подземный объект такое количество взрывчатки — при нашей

охране и контроле? И второй. Никто из нас четверых в минирувании не разбирается. Как и где следует размещать заряды, чтобы получить наибольший эффект? Сам понимаешь, смерти мы не боимся. Но жаль идти на такой риск и не добиться никакого результата. — Штумпф вопросительно посмотрел на Артура.

— Сейчас я тебе все подробно объясню. О дамбе, которая отвела в сторону ручей, протекавший в пещере, ты уже, конечно, подумал. За дамбой образовалось небольшое озеро. Вы уничтожаете дамбу, и вода из озера зальет пещеру. Но это не радикальное решение. Воды не очень много, и ее будет легко откачать, а станки от этого не пострадают. Так что производство будет прекращено максимум на неделю. Мне кажется, решение нужно искать в другом. Я тут на днях нашел в библиотеке университета любопытную книжку, изданную в конце прошлого века: «Структура почвы Вены и окрестностей». Автор утверждает, что на определенной глубине как раз под объектом находится подземное озеро. Если сделать концентрированный взрыв, направленный в глубину, то произойдет смещение почвы, и тогда... директору Шнслию придется заниматься садоводством вместе со своей женой. Дополнительные расчеты я тебе пришлю в ближайшее время. Связь будем поддерживать через Вену.

Они тепло распрощались. Артур довез Штумпфа до первой же остановки междугородного автобуса, а затем, не заезжая в Вену, отправился в Маутхаузен.

ГЛАВА V. ТЕНЬ ИДЕТ ПО ПЯТАМ

В Берлин начальник разведки СД возвратился под впечатлением неожиданной встречи с Борманом в ставке ОКВ «Вольфшанце» и последовавшей вслед за ней доверительной беседы — с глазу на глаз — со своим шефом рейхсфюрером СС Гиммлером.

На берлинском аэродроме Темпельгоф Шелленберг сел в поджидавшую его служебную машину. До самой Принц-Альбертштрассе шофер-эсэсовец из личной охраны Шелленберга гнал машину на предельной скорости, какую только позволяли свежерасчищенные от бомбовых руин улицы и переулки имперской столицы.

Шелленбергу казалось, будто машина ползет черепашьям шагом: он чувствовал себя подобно раку-отшельнику, покинувшему свою раковину и пробирающемуся по океанскому дну, где таилась бесчисленные опасности и в любую секунду на него мог напасть и пожрать более сильный и свирепый хищник.

Шелленберг кончиком языка непроизвольно коснулся искусственного зуба, насаженного на одну из золотых коронок. Дантисты из СД вложили в протез яд — цианистый калий, способный за тридцать секунд превратить начальника зарубежной разведки СД в бездыханный труп...

В соответствии с секретным приказом Шелленберг вставлял этот «зменный клык» (так окрестили его зубные техники в РСХА) всякий раз, отправляясь в многочисленные заграничные командировки, чтобы в случае опасности, как разъяс-

няла инструкция, простым движением челюсти «ускользнуть из рук врагов».

В последнее время Шелленберг вставлял зуб с ядом даже в тех случаях, когда совершал поездки по рейху. Все чаще шеф разведки СД — сам мастер тайного и коварного похищения негодных рейху людей — испытывал болезненное, граничащее с манией преследования подозрение к любому неизвестному человеку, который попадался ему на глаза.

Зуммером подал сигнал радиотелефон, адъютант снял трубку и передал ее Шелленбергу. Звонила секретарша Шелленберга из главного управления имперской безопасности, куда прямо с аэродрома направился начальник разведки СД. Фрейлейн спросила, приготовить ли шефу сандвичи к вечернему кофе, или он будет ужинать у себя дома.

— Благодарю, не надо, — раздраженно буркнул в трубку Шелленберг, бросив ее на рычаги аппарата, связывавшего служебную машину с кабинетом во дворе Принц-Альберт в радиусе 25 километров.

Меньше всего сейчас Шелленбергу хотелось есть. Он стремился быстрее укрыться в своем кабинете, единственном месте во всем нацистском рейхе, где начальник зарубежной разведки СД чувствовал себя в относительной безопасности.

Наконец, машина подлетела к подъезду главного корпуса РСХА. Торопливым шагом, почти бегом, Шелленберг миновал отсалютовавших эсэсовцев наружного караула и в сопровождении адъютанта поднялся к себе наверх.

— Принесите мне досье «Пенемюнде» и срочно вызовите хауптштурмфюрера Кройцера, — приказал Шелленберг адъютанту. — И пожалуйста, двойное мокко по-венски, фрейлейн, — впервые за последние двое суток позволил себе улыбнуться Шелленберг, чуть-чуть дрогнув губами.

Когда, тихо закрыв за собой двойную дверь кабинета, подчиненные вышли, Шелленберг устало опустился в глубокое кожаное кресло, стоявшее в углу напротив окна. Он вытянул тощие ноги и безжизненно свесил руки-плети, худобу которых не могла скрыть даже тщательно выутюженная генеральская форма.

Только здесь, в привычной обстановке, оставаясь в окружении великолепно продуманной замаскированной техники его персональной защиты, которой был насыщен буквально каждый предмет обстановки кабинета и каждый квадратный метр площади, Шелленберг позволял себе расслаблять, как он доверительно признавался жене, «внутреннюю пружину сверхконцентрации»: он утопал в удобном кресле и старался думать о чем-нибудь совершенно не относящемся к делу — например, о прелестных ножках и не менее великолепном бюсте фрейлейн секретарин.

Но на сей раз пружина нервов начальника разведки СД оказалась накрепко сжатой двумя страшными тисками — Борманом и Гиммлером. Шелленберг взглянул на небольшой столик на колесах, стоявший перед огромным письменным столом. Столик был заставлен телефонами и микрофонами. Золотистого цвета аппарат связывал кабинет начальника зарубежной разведки СД прямым проводом с гитлеровской ставкой. Белый аппарат был подключен к кабелю, конец которого за сотни или даже тысячи километров от Берлина подключался к коммутатору

специального поезда рейхсфюрера СС Гиммлера, размещавшего свой «штаб на колесах» в непосредственной близости от ставки Гитлера.

Тонкие шнуры телефонных проводов, змеившиеся от аппаратов, напомнили Шелленбергу о том, что и нити его собственной судьбы могут быть в любой момент безжалостно оборваны, стоит лишь ему допустить непоправимый промах либо оплошность в маневрировании между двумя смертельно ненавидящими друг друга соперниками — Борманом и Гиммлером...

Шелленберг зябко пожегился, вспоминая, как подозрительно буравили его лицо зрочки Гиммлера за бритвенно поблескивающими стеклами пенсне, когда начальник разведки СД обстоятельно информировал своего шефа о разговоре с Борманом.

«Если вы с Борманом переиграете, дорогой мой Шелленберг, — сказал в конце его доклада Гиммлер, — вам не сносить головы...»

В тайных замыслах магистра «черного ордена» Шелленберг играл ту же примерно роль, которую предназначил ему и Борман. Еще в августе 1942 года, когда начальник зарубежной разведки СД прилетел из Берлина в штаб Гиммлера, находившийся в оккупированном фашистами Житомире, рейхсфюрер СС поручил Шелленбергу начать подготовку — через каналы зарубежной агентуры СД — тайного зондажа англосаксонских держав. Гиммлер намеревался достичь с ними приемлемый для фашистской Германии компромисс, а впоследствии сплотиться в единый антибольшевистский фронт, повернутый против Советской России. Самого себя Гиммлер уже тогда прочил в преемники Гитлера, мечтая занять место единоличного диктатора и полновластного хозяина нацистского рейха...

«Если Борман подхлестнет рвение Шелленберга и тот преуспеет в сговоре с англосаксами, то в конечном счете выиграю я. Если же Шелленберг вздумает продать мою голову, сговорившись с Борманом, то его голова покатится раньше», — подумал Гиммлер, выслушав начальника разведки СД. Шелленбергу же приказал изготовить и доставить в его специальный поезд точно такой же комплект микропленок с заснятыми чертежами секретного оружия, какой Шелленберг должен был передать Борману.

Еще в самолете, пролетая над Восточной Пруссией, Шелленберг мысленно перебрал картотеку своих наиболее доверенных и способных сотрудников VI отдела РСХА, подбирая кандидата для выполнения секретной миссии, связанной с приказом, полученным в «Волчьем логове» из уст Мартина Бормана и своего непосредственного шефа — Гиммлера. По пути с аэродрома Темпельгоф в РСХА Шелленберг окончательно принял решение поручить хауптштурмфюреру Кройцеру парировать возможный удар по «оружию возмездия» со стороны антифашистского подполья и русской разведки. По мнению начальника VI отдела РСХА, хауптштурмфюрер Кройцер обладал для успешного выполнения своей новой секретной миссии двумя важными качествами: doskonaльным знанием той социальной среды в фашистской Германии, которая, по многолетним наблюдениям гестапо, отличалась стойкими антинацистскими убеждениями. И вот вторых, Кройцер не без успеха специализировался по проникно-

нению в ряды антифашистского Сопротивления на оккупированных гитлеровской армией территориях Европы.

Первое качество, полагал Шелленберг, поможет хауптштурмфюреру нащупать нити, протянувшиеся от немецких антифашистов-подпольщиков к концентрационным лагерям специального назначения «А-4». Обширный же опыт Кройцера по засылке провокаторов в организации движения Сопротивления, как рассчитывал Шелленберг, облегчит задачу выявления разведывательной агентуры держав — союзников по антигитлеровской коалиции, нацеленной на секретные объекты рейха.

— Хайль Гитлер!

Шелленберг заметил, как чуть небрежно Кройцер выбросил в приветствии наци правую руку.

— Садитесь, Густав, — жестом указал Шелленберг на кресло рядом с тем, где он только что безуспешно пытался «размагнититься».

Кройцер сразу оценил это любезное приглашение как свидетельство особого расположения, которое лишь в исключительных случаях проявлял к своим подчиненным шеф.

— Я только что подписал ходатайства о награждении вас Железным крестом первой степени за успешную операцию, проведенную в Париже, — сказал Шелленберг.

— Благодарю вас, группенфюрер, — вскопчил было Кройцер.

— Сидите, сидите, — пресек благодарственный порыв хауптштурмфюрера Шелленберг.

Хотя Шелленберг давно уже зафиксировал в своей цепкой памяти всю биографию «агента по особо важным поручениям» VI отдела РСХА, тем не менее, прежде чем снова встретиться с глазу на глаз с Кройцером, Шелленберг тщательно просмотрел заведенную на хауптштурмфюрера СС секретную персональную карточку.

До сих пор Кройцер медленно, но упорно поднимался со ступеньки на ступеньку в РСХА, начав с нижнего эсэсовского чина и буквально кровью и потом вырвав у судьбы знаки отличия майора СС, а вместе с ним — пост руководителя одного из специально созданных Шелленбергом отделов, специализировавшегося на провокационных операциях за рубежом.

Долгие годы тайный агент СД, провокатор Кройцер, оставался для знавших лишь его внешнюю оболочку людей «кадровым кацетником», с 1933 года чередовавшим тюрьмы и концлагеря с работой в антифашистском подполье. И только секретная персональная карточка в гестапо и РСХА, заведенная на контрразведчика и профессионального провокатора Густава Кройцера, скрупулезно фиксировала имена выданных им подпольщикам-антифашистам, списки нелегальных организаций, накрытых и разгромленных гестапо при непосредственном содействии Кройцера.

Когда же в пределах рейха гитлеровцам удалось потопить в крови, расправиться с основной массой антифашистов, казнив и заточив в концлагерях сотни тысяч лучших сынов и дочерей Германии, ее рабочего класса, ее талантливой интеллигенции, Кройцера, повысив в чине, передали в отдел зарубежной разведки СД.

Учитывая предыдущий опыт провокатора Кройцера, начальник зарубежной разведки СД и направил его в специальный отдел, нацеленный на проникновение гитлеровской агентуры в среду демократических левых сил стран, по которым гитлеровская Германия собиралась нанести свой внезапный военный удар. На опыте подавления антифашистского Сопротивления в нацистском рейхе руководители имперской службы безопасности, в первую очередь Гейдрих, понимали, что именно левые демократические и патриотические силы в капиталистических странах Европы могут стать хребтом возможного сопротивления победоносному маршу вермахта и развернуть борьбу не на жизнь, а на смерть против режима фашистского «нового порядка». Помешать этой консолидации антифашистских национальных сил, парализовать их усилия изнутри — такую задачу ставила нацистская РСХА, планируя засылку специальных агентов-провокаторов в определенные страны. Эти агенты и должны были проникнуть в левые прогрессивные партии и организации стран — будущих жертв вероломной агрессии гитлеровской Германии.

Шеф-инструктором группы провокаторов-шпионов стал хауптштурмфюрер Кройцер. Параллельно Шелленберг поставил перед ним и другую задачу. Заранее предвидя, что разведки держав — потенциальных противников нацистской Германии попытаются опереться в своей работе на захватываемых вермахтом территориях европейских стран также и на антифашистское Сопротивление, начальник зарубежной разведки СД требовал от агентуры Кройцера установления связей и с резидентами англосаксонских разведывательных служб.

Многочисленные фашистские награды, украсившие с начала войны эсэсовский мундир Кройцера, говорили о том, что хауптштурмфюрер стал тем, кого не без зависти, преклоняясь и льясь даже за глаза, гитлеровские разведчики называли «мастером контршпионажа». Но Кройцер в глазах Шелленберга стоял даже выше: хауптштурмфюрер приобрел поистине уникальный опыт контактирования со средой антифашистского Сопротивления. Он стал незаменимым и неизменным участником в разработке и планировании многих ответственных операций зарубежной разведки СД. За спиной хауптштурмфюрера протянулся длинный кровавый след совершенных им чудовищных преступлений. Вот почему в безусловной преданности нацистским фюрерам майора СС Кройцера у Шелленберга не было ни малейшего сомнения.

Все это мысленно взвесил и отмерил Шелленберг, выводя Кройцера на поле задуманной Борманом и перехваченной втайне Гиммлером большой и опасной игры.

— Просмотрите пока вот это досье, — Шелленберг протянул хауптштурмфюреру объемистую папку, помеченную грифом «Совершенно секретно». — Обратите внимание не только на работу подпольщиков, но и на характеристики некоторых наших соотечественников, офицеров вермахта, люфтваффе и СС, занятых в Пенемюнде. Не горюйтесь с выводами. Их сделаете на месте. Советую, Кройцер, проявить всю вашу оригинальность и мас-

терство. Найдите новый подход. Трафарет в этом деле равносильно поражению. А его вам не простят!

Шелленберг поднялся с кресла и вернулся за свой письменный стол. Еще недавно он чувствовал себя за ним как за неприступным бастионом крепости.

В письменный стол были скрытно вмонтированы два автомата, пристрелянные с таким расчетом, чтобы буквально прошивать смертоносными очередями все пространство кабинета. Стоило только Шелленбергу нажать кнопку, и автоматы открыли бы убийственный огонь. Нажав на вторую кнопку, Шелленберг мог поднять на ноги всю охрану СД. Она немедленно блокировала бы все входы и выходы...

Но теперь Шелленберг чувствовал себя в своем кабинете скорее комендантом осажденной со всех сторон крепости, капитуляция которой была лишь вопросом времени — ведь в пропасть тотальной катастрофы сползал весь нацистский рейх!

— Вашим основным противником скорее всего будут русские и их люди в подполье. Действуйте крайне осмотрительно, не торопитесь, не спугните их преждевременно. Но и не упустите. Звено ко всей цепочке вы должны найти в Пенемюнде. Там был наш особый концентрационный лагерь. Его почему-то вдребезги разбомбили англичане. Ваша миссия — не одиночная акция. Предстоят следующие, тесно связанные друг с другом. О результатах вашей работы в Пенемюнде непрерывно информируйте лично меня. Хайль Гитлер!

Когда, четко повернувшись через плечо кругом, Кройцер шелкнул каблуками и, печатая шаг, вышел из кабинета, Шелленберг в изнеможении откинулся на спинку кресла. Теперь ему предстояло обдумать вторую часть приказа Бормана — Гимmlера — съезку на микропленку и укрытие в надежном месте чертежей всего производственного комплекса сверхсекретного оружия.

Выйдя из кабинета Шелленберга, хауптштурмфюрер Кройцер расписался в получении секретного досье «Пенемюнде» в специальном журнале.

Кройцер проставил дату и точное время, когда он взял досье: документы он обязан был сдать в специальное хранилище, перед тем как покинет здание имперской службы безопасности, вторично расписавшись при этом в журнале чиновника, ведавшего приемом и выдачей секретной документации от сотрудников VI отдела СД.

Пройдя в свой кабинет, хауптштурмфюрер распорядился не отвлекать его абсолютно ничем, разве только его вызовет сам шеф. Кройцер отключил телефоны и удобно расположился за небольшим письменным столом, окруженным со всех сторон стеллажами с книгами. Это была преимущественно справочная литература: словари, последние выпуски толстых сборников «Ху из ху?» («Кто есть кто?») на английском языке, содержавшие биографические подробности наиболее крупных политических и государственных деятелей всех стран мира, экономические обзоры, специальные публикации ведущих академий наук Старого и Нового Света и масса других изданий. Они помогали опытному разведчику быстро ориентироваться в сложнейших политико-

экономических проблемах, в особенности же облегчали заочное знакомство с дипломатами, промышленниками, военными, которые, собственно, и делают политику на своей отечественной и международной арене.

Пробежав взглядом стеллажи и не найдя нужные ему книги, Кройцер отметил в своей записной книжке: «Ракетостроение в Англии, США, Советской России?»

Хауптштурмфюрер собирался заготовить соответствующими справочниками и закрытыми рефератами германских институтов, работающих по заданиям РСХА, и проштудировать их во время командировок в Пенемюнде. Это был его испытанный метод «подключения» к главному направлению поиска предполагаемого противника и операций его разведывательных служб в той сфере, где предстояло вступить в дело его группе.

Кройцер не пренебрегал при этом никакими мелкими деталями, в особенности когда речь шла о высказываниях ученых, компетентных специалистов, их личных взаимоотношениях, соперничестве, в особенности же межведомственных интригах и тайных пороках. Часто именно такие неприметные мелочи давали ему возможность подобрать ключ к решению сложнейших вопросов, а нередко заставляли заново и круто повертывать острие удара, наносимого по заранее намеченной цели.

Кройцер никогда не повторялся в своих продуманных и коварных действиях. Он любил внушать подчиненным древнее, как человечество, изречение: «Добро везде и всюду одинаково, зло же бесконечно многообразно». И никогда слепо не копировал приемы гитлеровских разведчиков, пусть даже самых авторитетных, озаренных ореолом блестяще проведенных операций. Это качество являлось одним из самых опасных для противников, которым приходилось сталкиваться с Кройцером и как с гитлеровским контрразведчиком и как с природным провокатором.

...Тщательно перечитав все документы, подшитые в досье, Кройцер отобрал несколько донесений, рапортов и сводок, отправленных из Пенемюнде в Берлин вскоре после бомбежки секретного полигона английской стратегической авиацией.

Красным карандашом хауптштурмфюрер поставил большой вопросительный знак перед абзацем в донесении начальника охраны полигона, где в графе «Потери личного состава СС» наряду с цифрами убитых и раненых во время бомбардировки значились и двое пропавших без вести нижних чинов СС.

Второй вопросительный знак Кройцер поставил на рапорте службы морской пограничной охраны, доносившей в Берлин командованию ВМС — в штаб адмирала Деница (копия была направлена в РСХА).

«...На рассвете 14 августа катером береговой охраны был обнаружен в 15 милях от района Пенемюнде вельбот, шедший курсом норд-вест. На приказ остановиться с вельбота по катеру был открыт автоматный огонь, после чего вельбот предпринял попытку скрыться в тумане. В результате нашего орудийного огня вельбот затонул. На борту вельбота было замечено несколько человек в полосатых куртках (возможно, заключенные). Из команды вельбота удалось подобрать лишь одного тяжело раненного, одетого в форму солдата СС, прочие утонули. Ника-

ких документов при задержанном обнаружено не было. Несмотря на принятые меры, подобранный неизвестный ничего на допросе не сказал. Он скончался и был захоронен на берегу сразу же по возвращении катера на базу...»

«Идиоты!» — мысленно выругался Кройцер.

И еще один знак вопроса, обведенный двумя красными кругами, Кройцер поставил на полях сводки в РСХА из концентрационного лагеря особого назначения Трассенхейде. Извещая о потерях среди заключенных в результате ночной бомбардировки, лагерное начальство доносило, что при последовавшей проверке наличного состава цифры «прихода» (наличия заключенных перед налетом) и «расхода» (наличие заключенных после налета) сходились с точностью до одного заключенного. Столько было убито, столько-то ранено и ни одного пропавшего без вести.

«Н-да, — Кройцер даже присвистнул от удивления. — Хотя выскочить чистенькими и спрятать концы в воду! Нет уж, этой тыловой сволочи придется на брюхе ползти по следу «пропавших без вести» эсэсовцев, и тех, кто их прикончил...» Хауптштурмфюрер взглянул на настольный календарь. Со времени августовского налета английских бомбардировщиков на Пенемюнде прошло уже несколько недель. «Медлить нельзя, — озабоченно подумал Кройцер. — Затеряются последние следы...»

— А, черт! — хауптштурмфюрер, что случилось с ним крайне редко, громко выругался: в последней серии подшитых к досье документов он натолкнулся на копию приказа, отданного группенфюрером СС Каммлером о «полной эвакуации всех иностранных рабочих из района Пенемюнде».

«Из моих рук выбит главный козырь, — подумал хауптштурмфюрер, — на допрос кацетников ведь я возлагал основные надежды».

Кройцеру было ясно, что ликвидация концентрационного лагеря Трассенхейде влекла за собой переброску заключенных кацетников в другие спецлагеря «А-4». Часть из этих заключенных во время транспортировки могла быть ликвидирована охраной, что случалось нередко при следовании узников из одного фашистского застенка в другой. Разыскивать потом среди них нескольких возможных участников подпольной лагерной организации было все равно, что искать иголку в стоге сена.

«Остается один выход — лагерный архив», — решил Кройцер.

Хауптштурмфюрер вставил телефонный шнур в розетку и заказал экстренный разговор с начальником охраны СС всего секретного объекта Пенемюнде.

Когда на другом конце кабеля зычный, раскатистый бас отрапортовал «берлинскому начальству», что весь архив КЦ Трассенхейде упакован, но еще не отправлен в центральный берлинский архив РСХА, Кройцер облегченно вздохнул.

Хауптштурмфюрер осведомился, не задержался ли кто-нибудь из бывших кацетников на территории полигона.

— Яволь! — прогрохотало в трубке с такой звенящей силой, что Кройцер на секунду даже отстранил от уха теплую мембрану телефона. — Один тяжело раненный люксембургский кацетник лежит в госпитале. Его посадили в лагерный карцер накануне налета англичан по доносу нашего осведомителя. Бомбеж-

кой карцер разрушен. Состояние люксембургца таково, что врачи не советуют применять обычные методы допроса — кацетник может испустить дух в любую минуту, герр хауптштурмфюрер...

— Вы лично отвечаете мне головой за этого заключенного. Какой у него лагерный номер? — Кройцер быстро занес в свою записную книжку восьмизначную цифру. — Примите все меры, чтобы состояние кацетника резко улучшилось... Разумеется, дело не в жратве, — с раздражением перебил пенемюндского эсэсовца Кройцер. — Предоставьте дело врачам: пусть колот глюкозу, витамины... Они знают, что вводить в кровь... Обеспечьте надежную охрану раненого. Все. Хайль Гитлер!

Сделав еще несколько выписок из досье, Кройцер сдал документы в спецхранилище, получил командировочные бумаги, подписанные самим Шелленбергом, и, не заезжая домой, прямо из РСХА служебной машиной выехал на аэродром Темпельгоф.

В дорожном саквояже рядом с пижамой, несессером, аккуратно завернутыми в целлофан сэндвичами (привычку к бутербродам Кройцер приобрел еще со студенческой скамьи) лежало несколько книг и публикаций по ракетной технике, которые ему подготовили в специальной библиотеке РСХА. В их чтение и углубился хауптштурмфюрер, как только под колесами трехмоторного «юнкерса» стремительно побежала бетонная взлетная полоса...

ГЛАВА VI. ТАЙНИК

В Пенемюнде Кройцера встретил постоянный представитель главной имперской службы безопасности лейтенант СС фон Борзиг, прибывший сюда на другой же день после ночного налета британских «ланкастеров».

По дороге в специальный отель для высокопоставленных гостей секретного полигона, где для Кройцера был отведен один из самых комфортабельных номеров (Шелленберг предупредил Кройцера, что отель постоянно находится под негласным наблюдением гестапо, и порекомендовал не вступать там в слишком откровенные беседы с его посетителями и теми учеными и инженерами, которые, несомненно, захотят встретиться с берлинским гостем), представитель РСХА проинформировал хауптштурмфюрера о наиболее важных результатах проведенного им расследования обстоятельств исчезновения во время бомбардировки двух нижних чинов СС.

— Установлено, господин хауптштурмфюрер, что оба они сопровождали автомашину, выехавшую за кацетниками в лагерь Трассенхайде в самый разгар налета...

— Машина, конечно, не вернулась на полигон, — не скрывая усмешки, проронил Кройцер.

— Грузовик перевернулся в нескольких сотнях метров от внешней ограды полигона...

— И оба парня с перепугу прямо поднялись на небо? — иронически спросил Кройцер.

— Когда я прибыл к месту катастрофы, оставленный там фельдфебель доложил: их колонну грузовиков остановил вооруженный автоматом эсэсовец, которого командир фельдфебеля — обер-лейтенант взял в свою машину. Фельдфебелю приказали

караулить у разбитого грузовика, где оставались трупы погибших при катастрофе эсэсовцев и несколько тяжело раненных кацетников.

— Почему в донесениях к нам, в РСХА, ничего не было сказано об этом случае? — резко спросил Кройцер.

— К сожалению, господин хауптштурмфюрер, на месте аварии я обнаружил одни только трупы...

— Я вас не понимаю! — Кройцер повернулся всем корпусом к фон Борзигу.

— Видите ли, фельдфебель признался мне, что он пристрелил раненых кацетников, чтобы они не попытались сбежать...

— Но ведь тяжело раненные кацетники были не способны даже двигаться?

— Господин хауптштурмфюрер, приходится учитывать состояние наших солдат той ночью: нервы у них были на взводе, к тому же вид погибших товарищей и уцелевших, хотя и раненых, врагов рейха извиняет излишнюю горячность фельдфебеля, повсюде расквитавшегося с кацетниками за смерть солдат фюрера!

— Глупее поступить было нельзя. Хотя в ваших объяснениях есть своя логика. Фельдфебель мог опасаться, что английской очередной бомбой его так стукнет по тупоумной башке, что тяжело раненные кацетники и впрямь уползут в кусты. И тогда бы наш braveйший фельдфебель оказался нерадивым лопоухим олухом, подлежащим немедленному преданию военнополовому суду и смертной казни через повешение, пусть даже посмертно! А вместо бравого Железного креста на грудь его мундира сослуживцы водрузили бы березовый на могиле...

— Заметил ли фельдфебель хотя бы какие-нибудь приметы у того эсэсовца, что остановил их автоколонну? — оставив насмешливый тон, спросил Кройцер.

— Была ночь...

— Ну, а вам хотя бы известно, что один из «пропавших без вести» эсэсовцев пытался бежать на вельботе с группой кацетников? — Кройцер чуть скосил глаза в сторону фон Борзига.

Лейтенант чувствовал, как тяжелые тучи все больше сгущались над его до того безоблачным служебным горизонтом. Ему уже начинала мерещиться роковая отправка на восточный фронт, от которого его до сих пор ограждала высокая протекция там, в Берлине, в РСХА... Но теперь столько промахов! И вдобавок еще этот дотошный «ясновидец» в чине майора СС, вооруженный до зубов полномочиями самого Шелленберга.

«Черт бы его побрал вместе с его полномочиями!» — со страхом и злобой подумал фон Борзиг. Ответил же Кройцеру с понимающей, льстивой улыбкой:

— Господин хауптштурмфюрер изволит шутить... Того мерзавца кацетника мы похоронили, разумеется, не в украденной негодяем форме войск СС, а в чем сукина мать родила!

— Почему вы решили, что он кацетник?

— На правой руке отсутствовала татуировка арийской крови*, зато на запястье правой руки была лагерная метка!

---

* Эсэсовцы в знак принадлежности их к «чистокровной арийской расе» в гитлеровской Германии делали специальную татуировку.

— Надеюсь, хоть номер-то вы записали?

— Не только номер кацетника, герр хауптштурмфюрер. У меня есть фотографии этой грязной скотины. Не хотите ли взглянуть? — И, не дожидаясь ответа, эсэсовец торопливо извлек из кармана мундира целую пачку снимков.

Схваченного фашистской пограничной охраной тяжело раненного узника — это был Франц Штайнер — фон Борзиг сфотографировал в фас и профиль, даже с затылка. В эсэсовской форме, в которой Штайнер дал свой предсмертный бой преследовавшим вельбот гитлеровцам, и раздетым догола, перед тем как умерший под зверскими пытками Штайнер был закопан гитлеровцами в вырытой тут же на берегу глубокой яме.

— Недурно сработано, — процедил сквозь зубы Кройцер, спрятав всю пачку снимков в свой саквояж.

Фон Борзиг не мог понять, относится неожиданная похвала хауптштурмфюрера к фотографиям, или Кройцер попросту издевается над его неудачей с допросом вытащенного из воды кацетника. Но предпочел промолчать.

— Немедленно отыщите в лагерном архиве все данные, относящиеся к этому кацетнику, — приказал Кройцер. — Там же подберите все и о раненом люксембуржце. А теперь быстрее в госпиталь! — неожиданно приказал Кройцер, когда их машина притормозила у подъезда подземного бункера, где размещался отель.

...Набросив белый халат, Кройцер в сопровождении дежурного врача и охранника-эсэсовца быстро прошел к палате, где лежал тяжело раненный люксембуржец.

Кройцер, оставаясь невидимым для лежавшего на койке заключенного, внимательно рассматривал его в специальное зеркало, установленное над матовой половиной половиной стеклянной стены, отделявшей палату от коридора.

— Каков характер ранения? — спросил Кройцер врача.

— Осколочное. В голову, грудь, ноги...

— Очень хорошо, — медленно произнес Кройцер.

— Но малейшее сотрясение или психическая нагрузка могут повести за собой быстрый и непоправимый фатальный исход, герр хауптштурмфюрер, — недоуменно пожал плечами врач, как и другие его коллеги по госпиталю получивший строжайшую инструкцию «поднять на ноги раненого в кратчайший срок».

— Когда я смогу приступить к его допросу, разумеется, без риска вызвать смертельный исход? — быстро спросил Кройцер.

— Не раньше чем через неделю.

— Но и не позже, герр доктор, — тоном приказа, не подлежащего дискуссии, ответил Кройцер.

Перед тем как покинуть госпиталь, хауптштурмфюрер провел четверть часа с глазу на глаз с главным врачом, поставив у двери его кабинета часового и приказав никого не впускать.

Фон Борзиг нетерпеливо поглядывал на циферблат настенных часов старинной кузнечной чеканки, выполненных в форме огромной медной сковороды. Это была точная копия кухонной утвари, на которой жарили свиные котлеты — швайнцибротен еще тевтонские псы-рыцари.

В соседней с холлом шпейзехалле официанты в белых фраках сервировали стол на шесть персон. Судя по целой батарее коньячных и ликерных бутылок, пестревших этикетками знаменитых подвалов Франции, изысканной закуске — черной икре, семге, салагам из креветок и другой снеди, с большим вкусом и мастерством украшенной зеленью, ягодами и всевозможными сладкими и солеными кремами, на ужин ожидалась высокопоставленные господа.

Фон Борзига все больше раздражал тихий перезвон серебра и хрустальных бокалов. Лейтенанту не терпелось выложить перед Кройцером результаты его поиска в лагерном архиве и как-то сгладить то неприглядное впечатление, которое вынес берлинский эмиссар Шелленберга, ознакомившись с более чем жалкими итогами предварительного расследования, проведенного фон Борзигом. Он не знал, что Кройцер прямо из госпиталя отправился в главное конструкторское бюро, где встретился с Вернером фон Брауном и другими ведущими специалистами германского ракетостроения. Не знал фон Борзиг и того, что командир полигона и высшие офицеры СС пригласили хауптштурмфюрера «поужинать по-солдатски» в отеле, где они принимали не раз самого фюрера, Гимmlера и Шелленберга...

Когда, наконец, Кройцер появился в холле отеля, одновременно служившего и бомбоубежищем, защищенным многометровой железобетонной толщей от самых тяжелых и разрушительных бомб, фон Борзиг чуть не бегом устремился к нему навстречу.

— Вы чем-то взволнованы, лейтенант? — сразу же осадил фон Борзига хауптштурмфюрер. — На нас обращают внимание...

— Я разыскал все, что вам нужно, господин хауптштурмфюрер...

— И даже «пропавшего без вести» однополчанина? — Кройцер не смог отказать себе в удовольствии поддеть этого отпрыска кичливой юнкерской семьи.

Еще со студенческой скамьи Кройцер в глубине души мучился непоборимой завистью к студентам, не скрывавшим своего сословного превосходства над ним — сыном бюргера, мещанина. И, как ни стремился выработать в себе Кройцер философски-стоическое, презрительное отношение к архаичному, как он был глубоко убежден, в XX веке чванливому дворянству, все же недостижимая для нациста «из мещан» Кройцера частица «фон» оставалась предметом его тайных мечтаний...

— Сейчас, господин хауптштурмфюрер, для РСХА важны не эти остопопы, позволившие себя так бездарно ухлопать, а каскетники, поднявшие руку на СС!

— Ого! Вы уже даете мне советы, — иронически заметил Кройцер.

— Я заинтересован в нашем успехе не меньше, чем вы, герр хауптштурмфюрер! — чувствуя, что он взял верную ноту по отношению к эмиссару Шелленберга, продолжал фон Борзиг.

— Докладывайте, — сухо, подчеркнуто официальным тоном приказал Кройцер фон Борзигу, когда они прошли в номер, отведенный хауптштурмфюреру.

Лейтенант раскрыл блокнот и, помечая карандашом пункт за пунктом в своих записях, быстро прочел:

«Франц Штайнер, заключенный КЦ-А4 Трассенхейде, персональный номер 18037. Год рождения — 1912. Национальность — австриец... Уроженец Вены. Член Австрийской компартии с 1937 года. Воевал в Испании в составе интернациональной бригады. В 1939 году был интернирован и помещен в лагерь под Марселем. Бежал и нелегально вернулся в Остмарк. До ареста в марте 1942 года работал по своей профессии механиком по электроприборам на заводе в Винер-Нойштадте. Возглавлял подпольную группу, занимавшуюся саботажем и пораженческой пропагандой. Холост. Приговорен к 20 годам каторжных работ. С мая 1942 по январь 1943 года находился в КЦ Маутхаузен. Оттуда перебросен в КЦ-А4 Трассенхейде...»

— Особые пометки? — спросил Кройцер штурмфюрера.

«...Дисциплинирован, исполнитель, включен во вспомогательную «брандкоммандо».

— Кто рекомендовал?

— В архивных документах об этом нет данных.

— Хорошо. Продолжайте...

— «Люсьен Бенуа, лагерный номер 14596, 1920 года рождения. Холост. Партийная принадлежность не установлена. Подданный Люксембурга. Уроженец местечка Мату. Профессия — радиотехник. По мобилизации был направлен летом 1941 года в рейх. Арестован гестапо осенью 1942 года за участие в саботаже на заводе «Телефункен» в Берлине. В КЦ-А4 Трассенхейде поступил в декабре 1942 года».

— Что сказано в доносе агента-осведомителя на Бенуа?

— «...После отбоя я слышал, как Бенуа шепнул своему земляку: «Томми очень довольны последним письмом. Обещали скоро прислать рождественские подарки...»

— И это все?

— К сожалению, да, герр хауптштурмфюрер.

Негромко, но явственно прострекотал зуммер телефона.

— Хауптштурмфюрер Кройцер у аппарата...

Фон Борзиг с напряжением ждал, чем закончится этот внезапный телефонный разговор.

— Благодарю, зиг хайль! — явно с удовлетворением громко произнес в трубку телефона хауптштурмфюрер, многозначительно посмотрев в сторону фон Борзига.

— «Пропавшие без вести» солдаты объявились!

— Что? Живые? — от неожиданности фон Борзиг даже вскочил с кресла.

— Мертвые не воскресают, господин лейтенант. Неподалеку от места автокатастрофы, в дюнах найдены трупы обоих эсэсовских солдат. К счастью, кацетники вынуждены были захоронить их в песке, а это, как вам должно быть известно, отличный материал для бальзамирования. Оба трупа сличены с прижизненными фотографиями и опознаны сослуживцами. Врачебная экспертиза установила причину смерти: в обоих случаях они были убиты кацетниками...

— Кто обнаружил могилы?

— Не могилы, а закопанные трупы. Нам приходится адресовать комплименты гестапо, герр фон Борзиг. Мой же шеф любит сам получать комплименты!

Кройцер сел за изящный секретер лимонного дерева, достал блокнот и, вырвав лист, набросал шифровку в главное управление имперской безопасности:

«Срочно, на месте, в местечке Мату (Люксембург) уточните семейные обстоятельства Люсьена Бенуа. Результаты немедленно сообщите лично мне, в Пенемюнде».

— Направьте в Берлин немедленно! — приказал Кройцер фон Борзигу, протянув шифровку.

В тот день фон Борзигу пришлось вторично посетить отель. Портье, стоявший за стойкой в холле, сообщил ему, что хауптштурмфюрер вместе с господами ужинает в шпейзехалле.

Лейтенант предпочел бы встретиться с Кройцером у него в номере. Но шифрованная телеграмма, только что принятая из Берлина, вынуждала его незамедлительно доложить об этом хауптштурмфюреру.

Обер* провел лейтенанта к тому самому столу, который фон Борзиг запомнил еще днем.

Пиршество было в самом разгаре. Покрасневшие физиономии генерала и нескольких офицеров СС свидетельствовали об изрядном количестве выпитых ими спиртных напитков.

Заметив появившегося вслед за обером фон Борзига, несколько охмелевший Кройцер удивленно поднял брови. Лейтенант щелкнул каблучками и, извинившись перед господами, попросил Кройцера на пару слов.

Кройцер сдернул салфетку, прикрывавшую его парадный мундир, и прошел в холл.

Лейтенант достал записную книжку и вынул из нее четверо сложенный небольшой листок. Кройцер подошел к торшеру, мягко освещавшему холл оранжевым полусветом, и осторожно развернул записку.

«Ставлю вас в известность, что Луи Бенуа связан с «Интеллидженс сервис». Из достоверных источников сообщили, что он и еще один люксембуржец — заключенные лагеря Трассенхайде систематически информировали британскую разведку об объекте Пенемюнде. Шелленберг».

— Знаете, лейтенант, — изобразив нечто подобное улыбке, обратился к фон Борзигу Кройцер, — у вас есть большие шансы заработать Железный крест!

Лейтенант вздрогнул. Он никак не мог привыкнуть к неожиданным и язвительным репликам хауптштурмфюрера. Он не мог понять, что же имел в виду Кройцер: восточный фронт или ту операцию, к которой он был подключен.

— Да, Железный крест и, быть может, первой степени, — продолжал тихо Кройцер. — Вы принесли добрую весть. Спокойной ночи.

Полученная Кройцером из Берлина депеша была не та, которую ожидал хауптштурмфюрер в ответ на свою шифровку. Внимательно изучив донос тайного лагерного агента на люксем-

* Обер (нем.) — старший официант.

буржиа Луи Бенуа, Кройцер еще до этого пришел к выводу, что Бенуа должен был работать на англичан.

Берлинская шифровка уточнила его предположение и облегчила ему в известной степени выполнение плана операции, которую он задумал провести в отношении раненого кацетника-люксембуржца.

Примерно на третий день после прибытия Кройцера в Пенемюнде Берлин, наконец, ответил на его запрос: Луи Бенуа действительно проживал до своего ареста в маленьком местечке Мату, приблизительно в четырех-пяти километрах от столицы княжества. У Бенуа были еще живы мать и сестра шестнадцати лет. Опрошенные соседи рассказали, что Луи был единственным сыном вдовы старого почтового служащего, которая души не чаяла в своем сыне. Об их взаимной нежности и исключительном отношении друг к другу говорили во всей округе как о примере образцовой и добродетельной семьи. Через подставных лиц, говорилось далее в шифровке, направленной Кройцеру из Берлина, СД вошла в контакт с матерью Луи. Безмерно тосковавшей по пропавшему без вести сыну женщине сообщили, что Луи Бенуа «жив, здоров, но его возвращение задержалось по непредвиденным служебным обстоятельствам».

Матери Луи намекнули, что она во многом могла бы ускорить возвращение сына на родину, если бы повлияла на Луи в том смысле, чтобы он проявил больше рвения в той работе, которая была его профессией, — в радиотехнике.

Старушке подсказали, что она могла бы повлиять на прилежание сына в пользу рейха, сообщив о слабости своего здоровья, о трудностях в доме и о том, что нужно помочь его младшей сестренке.

Наконец, берлинская депеша информировала Кройцера — в ближайшее время он получит, возможно, письмо, адресованное матерью Луи ее сыну по адресу, проставленному на конверте в Берлине.

Сделав несколько пометок в своем блокноте, Кройцер перечеркнул почти все вопросительные знаки, поставленные им против выписок из досье «Пенемюнде». Невыясненным оставалось лишь одно обстоятельство, а именно — исчезновение второго кацетника, переодевшегося в форму убитого солдата СС. Никакие самые тщательные и энергичные меры, предпринятые Кройцером на полигоне, не дали пока ощутимых результатов. Казалось, что второй кацетник растворился в песках прибрежных дюн.

Поручив фон Борзигу продолжать поиск, Кройцер стал проводить большую часть суток, запершись в своем номере. На все вопросы посетителей отеля, желавших видеть «господина хауптштурмфюрера», портье отвечал невразумительным поднятием широких плеч, с которых, казалось, только вчера был сброшен кожаный гестаповский плащ.

Подходил к концу жесткий срок, отведенный Кройцером врачам на «приведение в годное для допросов состояние» раненого люксембуржца. Луи Бенуа уже мог сидеть на койке, облокотившись на заботливо подложенные медсестрой подушки. Он чув-

ствовал, как силы возвращаются в его молодой организм. Сознательно отгоняя от себя тревожный вопрос, чем вызвано столь необычно гуманное отношение к нему, кацетнику, со стороны гитлеровцев, аккуратно глотал таблетки, терпеливо сносил чередовавшиеся друг за другом уколы и усердно налегал на еду, которая сейчас казалась по сравнению с лагерным рационом пищей богов. Не заглядывая в завтрашний день, знал: предстоит тяжелые, быть может, смертельные испытания. Гитлеровцы ничего не делают зря. Быть может, послезавтра он увидит обратную сторону медали их подозрительного «добросердечного» отношения к нему, раненному осколками британской бомбы кацетнику. А для этой встречи ему нужно встать на ноги! Он, как боксер, брошенный нокаутом на пол ринга, хотел встретить новую атаку во весь рост. И потому целеустремленно помогал врагам «ремонтировать свою коробку», как про себя он шутиливо называл свое искромсанное осколками тело.

На шестой день после посещения Кройцером госпиталя в палату, где лежал Луи Бенуа, поместили только что доставленного в госпиталь обгоревшего летчика, извлеченного из обломков английского самолета-разведчика, сбитого над Пенемюнде огнем зенитной артиллерии. Об этом Бенуа узнал из коротких реплик, которыми полусшепотом обменялись санитары-эсэсовцы, укладывавшие летчика на койку рядом с постелью Бенуа.

Сердце люксембуржца взволнованно забилося. Рядом с ним оказался неизвестный боевой товарищ, соратник по общей борьбе с ненавистными фашистами! Узник уже не чувствовал щемящего душу одиночества. Кольцо психической блокады, замкнутое вокруг его койки гитлеровцами, оказалось прорванным вот этим забинтованным, как египетская мумия (был виден лишь кончик носа да закрытые глаза), парнем. Пусть хрипло дышавшим, что-то бессвязно бормотавшим в горячечном бреду, но с живым сердцем бойца, только что державшего штурвал фронтowego оружия, нацеленного и на его, Луи Бенуа, врага! Теперь их было двое в этой нацистской тюрьме под красным крестом. А значит, и силы их сопротивления удвоятся!

В первые сутки летчик так и не очнулся от бреда. Не помогли и уколы, которые ему делали дежурные врачи. Бенуа взволнованно вслушивался в тяжелые стоны, проклятья, слова каких-то приказов, целые монологи с неизвестными лондонскими генералами, торопливо, скороговоркой произнесенные реплики, вырывавшиеся из потрескавшихся от жара, пересохших губ летчика. Сперва Бенуа поразило, а потом несказанно обрадовало, что этот английский летчик говорит на его родном французском языке. «Должно быть, он из тех парней, кто не капитулировал перед бошами и улетел за Ла-Манш — под знамена сражающейся Франции...» — подумал Бенуа, мучаясь, что ничем не может облегчить страдания обгоревшего парня...

Под вечер раненого летчика увезли в операционную. Бенуа до утра не смыкал глаз. И когда в палату вкатили высокие, на колесах носилки, на которых, как на катафалке, безжизненным трупом лежал перебинтованный «француз» (так летчика про себя окрестил Бенуа), Луи в изнеможении закрыл глаза и тотчас провалился в пучину долгого, без сновидений сна.

Очнулся Бенуа от какого-то неосознанного, но крайне неприят-

ного ощущения, точно что-то холодное и скользкое прикослось к его лицу. Он открыл глаза, повернулся на бок.

В упор, не моргая, враждебно и подозрительно, его буравили шрапнельными черными зрачками два серовато-стальных глаза летчика.

— *Wer bist Du?* * — с трудом шевеля губами, спросил он Бенуа по-немецки.

— Бенуа, Луи. Из Люксембурга. Заключенный КЦ Трассенхейде, — стараясь придать голосу как можно больше приветливой выразительности, дружелюбно ответил Бенуа по-французски.

— Коллаборационистская свинья, вот кто ты! — с неожиданной силой и ненавистью выдохнул летчик и отвернулся к белоснежной стене.

Бенуа опешил. «Вот тебе и союзник!» — с горечью и обидой пронеслось в его голове. Но вскоре он овладел собой. «Только так он и должен был подумать, — рассуждал Бенуа. — Кацетников-антифашистов гитлеровцы не балуют образцовым госпитальным уходом. Газовые камеры, петля, пули в затылок, в лучшем случае — подземный, ледниковый карцер-одиночка — вот и весь набор их «лекарств» для таких, как я. Здесь же я «привилегированный больной», за которым ухаживают, как за самим фюрером! Чертовщина какая-то! Но как ему все объяснить? Чем доказать, что я свой?»

Бенуа искал и не находил выхода. А летчик не очень его и расспрашивал, лежал, все так же отвернувшись к стене.

— Послушай, друг, — наконец собрался с духом Бенуа, — нас, наверное, по ошибке разбомбили в лагере. Мне стукнуло в голову в карцере, куда швырнули по доносу какого-нибудь капо**.

Летчик повернул голову, и вновь Бенуа почувствовал на себе его цепкий, все еще враждебный и подозрительный взгляд.

— Там я и потерял сознание.. Как сюда попал и почему со мной так носятся боши — сам никак не пойму.

— Врешь ты все, провокатор! — судорога боли скривила рот летчика. И он снова отвернулся к стене.

Бенуа был в отчаянии. Он понимал, что чем больше он будет пытаться добиться доверия у «француза», тем больше будет навлекать на себя его подозрение, болезненно обостренное его физическими страданиями. «С бедняги, наверное, огонь содрал всю кожу», — с жалостью представил себе Бенуа, как должно выглядеть сейчас лицо пилота.

Прошло еще несколько дней, и началось то, о чем старался не думать заключенный КЦ-А4 люксембуржец Луи Бенуа. Рано утром, вскоре после того, как летчика увезли на перевязку, в палату вошли два эссовца.

— Одевайся, пойдешь с нами, — прозвучал холодный, бесстрастный приказ.

Бенуа накинул халат и, опираясь на костыли, заковылял к выходу. Эссовцы провели его длинным и совершенно пустым коридором к лестнице, спускавшейся в подвал, служивший одновременно госпитальным бомбоубежищем. Пройдя сквозь несколь-

* *Wer bist Du?* (нем.) — Кто ты?

** Капо — кличка «доверенных лиц» в гитлеровских концентрационных лагерях.

ко толстых бронированных дверей, они вошли в комнату, напоминавшую тесный трюмный отсек. В лицо Бенуа ударил слепящий яркий свет от мощной лампы, установленной на столе, за которым в глубокой полутьме чернела фигура незнакомого эсэсовца. Это был хауптштурмфюрер Кройцер...

С допроса, длившегося несколько часов, Бенуа вернулся потрясенным. Он буквально рухнул на койку, испытывая неимоверную усталость.

Направляясь на допрос, Бенуа готовился к побоям, пыткам, издевательствам — это было для него уже знакомо и испытано в гестаповских застенках, там, в Берлине, на Принц-Альбертштрассе. Но этот эсэсовец нанес Бенуа совершенно неожиданный удар. Уготованная им словесная пытка была в стократ мучительней физической, ибо она буквально разорвала душу и сердце люксембуржца воспоминаниями и тоской по родине, дому, любимой матери...

«...Ваша бедная мать все еще надеется и ждет возвращения своего сына, — вспомнились ему слова, услышанные там, в отсеке бомбоубежища. — Вы так нужны матери и вашей сестре... Подумайте и взвесьте, что важнее в их и вашей жизни, бессмысленная агония уже проигранной вами лично борьбы против нас или возвращение в родной дом, к матери, к сестре...»

Кройцер с первых же слов дал понять Бенуа, что гестапо и СД известно о его связях с английской разведкой, что за одну только его работу на «Интеллидженс сервис» его могут расстрелять в двадцать четыре часа.

— Знаете, Бенуа, как англичане оплатили и вам, и вашему напарнику Дюбуа, и сотням ваших товарищей по КЦ? — язвительно спросил хауптштурмфюрер. — 240 «ланкастеров» проложили «бомбовый ковер», или, как английские пилоты любят говорить, «отутюжили» всю территорию Трассенхейде...

— Не может быть! — помимо желания вырвалось из уст Бенуа.

— Вы в этом убедитесь сегодня же... А пока припомните, незнакома ли вам вот эта личность? — хауптштурмфюрер протянул фотографию размером восемнадцать на двадцать четыре сантиметра.

На снимке улыбался, видимо, подвыпивший эсэсовец в обнимку с двумя гитлеровцами в морской форме, поддерживавшими под руки позировавшего перед объективом эсэсмана.

«Да ведь это же Франц Штайнер!» — обожгла страшная догадка мозг Бенуа. И хотя он не произнес ни звука, наметанный глаз Кройцера зафиксировал нервную судорогу, искажившую на мгновение лицо узника.

«Я буду с вами вполне откровенен, Бенуа, — вновь всплыла в памяти люксембуржца финальная сцена этого мучительного допроса. — Ваша работа на англичан интересует меня лишь как сыгранная шахматная партия, где вы выполняли роль проходной пешки. К ее разбору мы вернемся позже, перед вашим отъездом к любимой матушке. Разумеется, — тут хауптштурмфюрер сделал паузу, — если вы поможете нам разобраться кое в каких деталях подпольной лагерной организации, общая картина кото-

рой нам хорошо известна. Не в последнюю очередь благодаря господину, портрет которого у вас в руках...»

— Что, здорово встряхнули? — впервые за эти дни обратился к Бенуа лежавший напротив него летчик-«француз» без всякой неприязни и нескрываемого презрения.

— Я им ничего не сказал, — устало ответил Бенуа.

— И правильно сделал! — сочувственно и вместе с тем одобряюще, как показалось Бенуа, произнес летчик.

Долго неподвижно лежал на своей койке люксембуржец, устремив взгляд в белый квадрат потолка. На нем, словно на экране немого кино, ему виделись сменявшие друг друга кадры лагерной жизни, их каторжного труда на полигоне, лица товарищей по подпольной организации. А в ушах звучал монотонно, настойчиво, неотвязно голос хауптштурмфюрера:

«Собственно говоря, вам, Бенуа, не придется испытывать свою совесть: весь состав вашей лагерной подпольной организации во главе с русским капитаном Загорным уничтожен... английскими бомбами! Наш общий друг Штайнер сообщил почти все, что представляло для нас интерес. Увы, немного поздно. Но смертный приговор, который вы столь доблестно заслужили, великолепно привели в исполнение английские пилоты! Помиловали же вас не ваши хозяева — надменные британцы, а мы — немцы, вылечившие ваши раны и даже сообщившие о блудном сыне вашей матери...»

— Ты знаешь, чего добиваются гестаповцы от меня? — неожиданно спросил летчика Бенуа.

— Предательства...

— Не совсем. Они просят, чтобы я уточнил, какая цель была поставлена перед вспомогательной лагерной «брендкоммандо».

И тут вместе с «французом» Бенуа вновь проанализировал все перипетии допроса, от первой до последней фразы.

— Провокатор, как его, Штайнер, должен был раскрыть эту цель, ведь он же состоял в команде? — предположил летчик.

— Он мог и не знать. Дюбуа как-то мне сказал, что русский капитан Загорный — мастер конспирации. Не думаю, чтобы Штайнер мог его обмануть...

— Почему же боши так заинтересовались именно этой командой?

— В ее составе было легче проникнуть в закрытые для кацетников зоны секретного объекта..

— Молодцы, здорово придумали! Видимо, головастый был этот русский капитан, — восхищенным шепотом подхватил летчик.

— Представляешь, Жан, как бы это было здорово, если бы нашим парням удалось во время бомбежки проникнуть в главный конструкторский корпус... — воодушевляясь вместе с летчиком, мечтательно сказал Бенуа.

— Наши парни, вернувшиеся той ночью с бомбежки, рассказывали: фугаски и зажигалки кучно легли точно по цели...

— ...И по нашему лагерю! — посуровел люксембуржец.

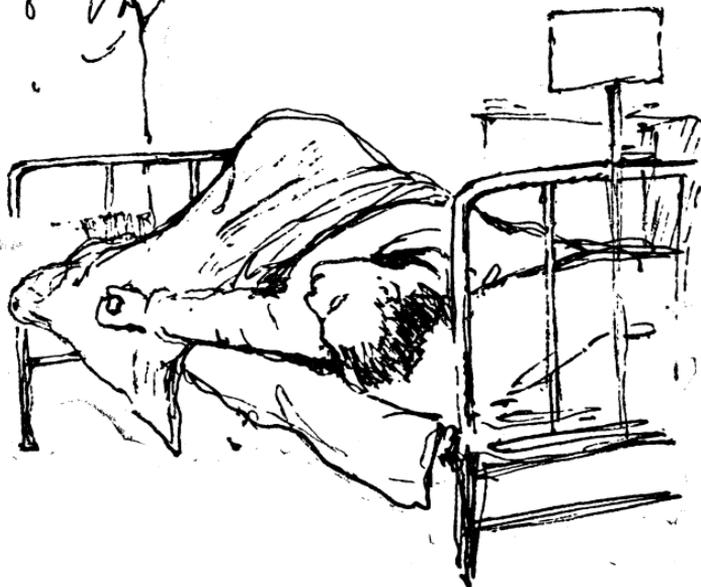
— Бывает и такое. На то и война, — с сочувствием произнес «француз». — Вот и я вместо своей базы попал сюда, прямо в их лапы...

— А все-таки напрасно вы посылали этих ребят из вспомогательной команды на верную смерть, — с сожалением добавил летчик.

— Почему же напрасно? — удивился Бенуа. — И почему на верную гибель?

— Наши контрразведчики там, на островах, рассказывали: боши ликвидируют всех кацетников из таких лагерных команд после наших налетов. Чтобы кацетники не сообщили нам точных данных о результатах бомбежек.

— И все же у них остается несколько

шансов из ста успеть передать раздобытую на объекте информацию за колючую проволоку.

— Гестапо и хочет, чтобы ты навел их на след этой «тайной почты», — убежденно сказал летчик.

— Но ведь они не требуют от меня никаких имен подпольщиков. Говорят, все они погибли при бомбежке, — возразил Бенуа.

— Смотря в какое время и от чего все они погибли, от бомбы или от пули... — сердито прошептал летчик. — Эта сволочь Штайнер ведь не погиб. А он тоже был в «брандкомmando»!

— Но я не знаю, где у русского капитана был «почтовый ящик», — так же шепотом признался Бенуа.

— А твой разве был раскрыт?

— Дюбуа мне сказал, что он предлагал русскому переправлять информацию через нас. Но я не знаю, передавали ли они все, или только частично.

— Разумеется, не все, — твердо сказал пилот.

— ???

— Это же элементарное правило конспирации.

— Пожалуй, ты прав.

— Эх! Вырваться бы отсюда да прихватить с собой все, что раздобыли этой ночью ваши славные парни, тогда бы мы с тобой, Бенуа, здорово отплатили бы проклятым бошам, — мечтательно сказал летчик, повернувшись на спину.

— Вспомнил, — настороженно прислушиваясь к шагам эсэсовского часового в коридоре перед палатой, зашептал Бенуа, прильнув к самому уху Жана. — Дюбуа как-то сказал мне, что русский просил его поинтересоваться фальшивыми бараками на окраине полигона. Но не сказал, для чего они ему нужны. А Дюбуа там монтировал электропроводку: боши этими бараками имитировали сборочные цехи для маскировки...

— Ну, знаешь ли, — разочарованно сказал летчик, — рыться в подвалах шести барakov боши, сдаются мне, нам не позволят. Самим бы впору выкарабкаться. Ведь твоя голова — это уже целый набитый интересными штуками тайник! Верно говорю, Бенуа?

В ответ Луи лишь с благодарностью улыбнулся. Он не знал, что у него не будет уже ни завтра, ни соседа по госпитальному заключению — летчика-«француза», ни возвращения в родной дом, к дорогой матери и сестре...

Фон Борзиг терпеливо ждал, когда хауптштурмфюрер примет ванну. Дверь в ванную комнату была раскрыта и в номер вместе с всплесками воды проникал аромат шампуня и хвойного экстракта.

— Докладывайте, лейтенант! — крикнул хауптштурмфюрер из ванны фон Борзигу, наслаждаясь взбитой душистой пеной, которая, пузырясь и шипя, обволакивала плечи и руки Кройцера.

— Согласно вашему приказу, господин хауптштурмфюрер, я посмотрел все до одной истории болезней, заведенные на ранних, поступивших в госпиталь начиная с ночи английской бомбежки. Подозрение вызвал эсэсман Вандермюле, У солдата оказался пулевое ранение.

— Какой степени? — поинтересовался офицер.

— Тяжелое: в грудь, руку и в голень.

— Ого! — воскликнул хауптштурмфюрер. — Должно быть, покусавшийся на жизнь вашего эсэсмана был опытным стрелком... Или, быть может, неудачливый солдат попал под обстрел английских авиационных пулеметов?

— Это исключено, — господин хауптштурмфюрер. — При обработке ран, проведенной вскоре после того, как эсэсмана доставили в бессознательном состоянии в госпиталь, из спины и голени раненого были извлечены две пули, точно соответствующие тем, которые загоняют в обойму парабеллумов, находившихся на вооружении охраны полигона.

— Очень, очень любопытно, — комментировал Кройцер доклад фон Борзига, продолжая нежиться в ванне.

— Я допросил эсэсмана, он уже на пути к выздоровлению, — докладывал между тем фон Борзиг. — Эсэсман дал мне обстоятельные ответы, каким образом под бомбежкой его угроздло наткнуться на пули! Оказывается, на рассвете той самой ночи, когда англичане отбомбились над Пенемюнде, эсэсман и его напарник прочесывали местность на северо-восточной окраине полигона, поблизости от фальшивых барakov.

— Где-где? — переспросил, насторожившись, Кройцер.

— Фальшивыми на полигоне называют шесть нежилых барakov, построенных специально в целях дезориентации авиаразведки противника, — пояснил лейтенант.

— Ну-ну, продолжайте, — поощрительно, как показалось фон Борзигу, фыркнул в ванне хауптштурмфюрер.

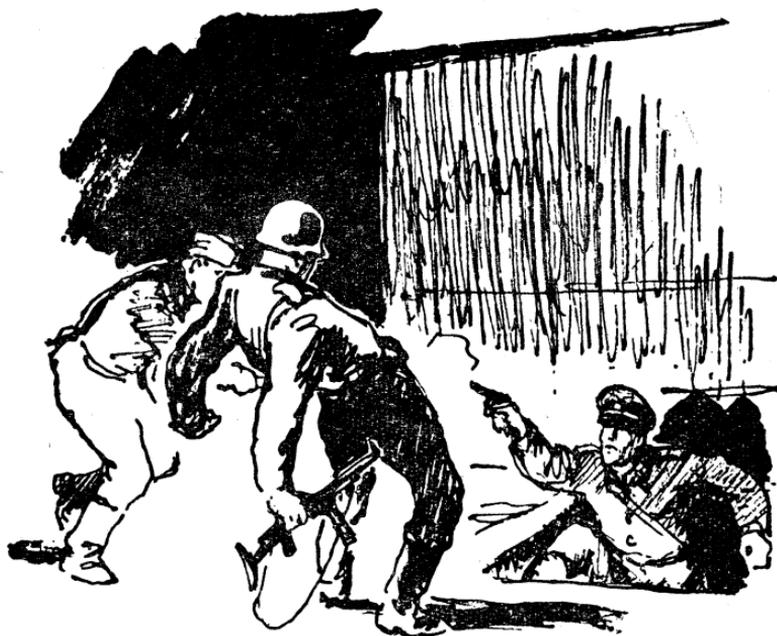
— Так вот, этот эсэсман рассказал: у подъезда барака номер шесть — он хорошо запомнил число, потому что подсвечивал фонарем номера на бараках, — их патруль неожиданно натолкнулся на человека в форме СС, который выползал из проема лестницы, ведущей в подвал котельной. Налет давно прекратился. Притаившийся в бараке эсэсовец показался подозрительным. Патрульные приказали ему встать и предъявить документы. К тому же лицо незнакомца показалось эсэсману похожим на лицо одного узника, которого за несколько дней до налета он лично конвоировал из концлагеря на объект Пенемюнде, в распоряжение пожарной команды полигона.

— Не померещилось ли все это вашему бравому солдату? — настороженно спросил Кройцер.

— Нет, он утверждает, что обладает отличной памятью на лица. В ответ на их приказ, — продолжал фон Борзиг, — неизвестный эсэсовец выхватил пистолет и в упор застрелил его напарника, тяжело ранив самого эсэсмана.

— Почему в таком случае он промолчал и не сообщил об этом чрезвычайном происшествии своему начальству? — спросил Кройцер.

— Эсэсман объяснил мне это так: накануне налета он снова проиграл своему напарнику крупную сумму денег, почти все месячное жалованье. В казарме было несколько свидетелей его крупного проигрыша... После налета напарника сочли погибшим при бомбежке и похоронили вместе с остальными убитыми солдатами и офицерами эсэсовской охраны со всеми воинскими

почестями. Если бы он сразу признался, что стал объектом нападения со стороны неизвестного в форме СС, то наверняка его заподозрили бы в том, что, воспользовавшись бомбежкой, он попросту разделался со своим напарником, избавляясь от карточного долга...

— Почему же он признался сейчас вам? — спросил Кройцер фон Борзига.

— Я пригрозил ему военным трибуналом и штрафной ротой.

— Да, — задумчиво протянул Кройцер, — кажется, цепь замыкается...

Фон Борзиг услышал, как хауптштурмфюрер спустил воду из ванны и открыл душ. Через несколько минут Кройцер вышел, запахиваясь в пушистый купальный халат. Легким жестом он пригласил лейтенанта к столику, сервированному к вечернему чаю. Хауптштурмфюрер в отличие от многих своих сослуживцев по VI отделу СД следовал старым английским традициям — после пяти часов пополудни пил крепкий и ароматный цейлонский напиток.

— Несмотря на все допущенные вами оплошности, я буду рад доложить в Берлин о вашем старании, фон Борзиг. Вам остается сделать еще один шаг на пути к заслуженной награде. Вы произведете самый тщательный обыск в этих фальшивых бараках. Если понадобится, в каждом. И не возвращайтесь без тайного «почтового ящика».

Заметив, как удивленно поднялись брови лейтенанта, Кройцер, усмехнувшись, добавил:

— Видите ли, фон Борзиг, иногда самые интересные вещи имеют самую заурядную упаковку. Когда будете прощупывать подвалы и котельную, не упускайте из виду никакой, даже самой мелкой, детали. Буду рад поздравить вас с успехом, с находкой и с Железным крестом, фон Борзиг!

Отпустив лейтенанта, хауптштурмфюрер погрузился в глубокое раздумье. Успех его плана сейчас висел на волоске — удастся или нет фон Борзигу обнаружить предполагаемый тайник подпольной лагерной организации? А ведь чтобы напасть на его след, самому Кройцеру пришлось сыграть психологически трудную и физически весьма напряженную роль в госпитале.

Кройцер пришел к выводу, что в общем он удачно справился со своей «маской» сбитого летчика-«француза». Психологический расчет Кройцера оказался верным. Чем глубже уходил в себя на допросах Луи Бенуа, тем больше он раскрывался в душевных беседах с глазу на глаз с пилотом, не подозревая, что доверялся... хауптштурмфюреру, которого с утра забинтовывали в кабинете главного врача, превращая в ходячую мумию... Кройцеру удалось спровоцировать на откровенность истосковавшегося по своим товарищам — борцам антифашистам, солдатам одного антигитлеровского фронта, заключенного Луи. Самое же главное — Кройцеру удалось выудить тонко подстроенными диалогами и наводящими вопросами предполагаемое место нахождения тайника лагерной подпольной организации. На этот тайник, как подсказывал ему многолетний опыт своей собственной работы в подпольных антифашистских организациях, должны были обязательно выйти курьеры нелегальных антифашистских организаций в самом рейхе, а может быть, даже связанные советской агентурой.

...На следующее утро резкий телефонный звонок разбудил Кройцера. Взволнованным, торжествующим голосом фон Борзиг сообщил хауптштурмфюреру, что его поиск увенчался полным успехом.

— Через десять минут я буду у вас, — отрапортовал лейтенант.

Кройцер приветливо и, как никогда, любезно встретил фон Борзига, предложив ему позавтракать вместе с ним.

Лейтенант поблагодарил и положил на стол рядом с чашками кофе, дымившегося нежным ароматом, солдатскую, чуть поржавевшую флягу.

Кройцер с интересом взял ее в руки и даже понюхал. Потом осторожно отвинтил пробку и сунул туда указательный палец.

Он нащупал внутри какой-то круглый и продолговатый металлический предмет, осторожно на ладонь перевернул флягу. Оттуда выпал обыкновенный металлический футляр, который применяют для хранения градусника.

Открыв металлическую капсулу, хауптштурмфюрер нашел свернутый в тонкую трубку лист бумаги. Когда он пробежал глазами первую строку машинописного текста, его лицо отразило целую гамму внезапно проявившихся чувств — удивления, радости и в то же время оттенков неожиданно возникшего затруднения.

Содержание спрятанного в солдатскую флягу документа было таково, что Кройцер понял: необходимо срочно проконсульти-

роваться с Берлином. Он заказал экстренный разговор по прямому проводу, и уже через минуту телефонистка соединила хауптштурмфюрера с кабинетом Шелленберга.

Доложив шефу о найденной копии сверхсекретного документа и в общих чертах об итогах своей уже подходившей к концу операции, Кройцер предложил вернуть тайник с его содержимым на старое место, в котельную фальшивого барака № 6, и установить за баракom тщательно замаскированное, круглосуточное, непрерывное наблюдение.

— Я уверен, господин группенфюрер, — немного волнуясь, подавляя нервозность в голосе, убеждал Кройцер, — что на тайник обязательно выйдет связной подпольщиков, не исключено — и по заданию русского резидента.

Шелленберг приказал Кройцеру немедленно переправить фотокопию найденного документа к нему в РСХА и ждать этим же вечером дальнейших указаний. Приказ действительно пришел в Пенемюнде около полуночи. Он гласил:

«...Завершать операцию согласно вашему предложению. Сами немедленно вылетайте в Берлин».

Подписал приказ Шелленберг.

ГЛАВА VII. ПЕРВЫЙ РАУНД

Артур быстро мчался на своем юрком, обтекаемом «ханоматге», не останавливаясь, миновал Санкт-Пельтен и переехал по мосту на другую сторону Дуная. Здесь начиналась знаменитая придунайская долина Вахау, где австрийские крестьяне испокон веков выращивали лучшие сорта винограда. В довоенное время сюда стекались тысячи туристов, чтобы отведать прославленные дюрнштайнские вина и полюбоваться великолепной природой. Слева медленно нес свои воды величавый Дунай, справа зеленели покрытые виноградниками склоны невысоких гор и курились белыми кирпичными трубами небольшие уютные города с домиками под красной черепицей. Все почему-то напоминало сказки братьев Гримм.

Вот здесь на скале видны остатки древнего замка. Когда-то в средневековом бурге отсиживались рыцари с весьма разбойничьими наклонностями. Однажды они, перекрыв русло Дуная длинной цепью, даже захватили в плен доблестного английского короля Ричарда Львиное Сердце, возвращавшегося из очередного крестового похода; и бедный король тосковал в замке, пока рыцари-разбойники не получили за него выкуп...

Артур проехал Перзенбойг, Дюрнштайн, Санкт-Николас. Но сейчас ему было не до красот природы. Мысли Артура были заняты новым испытанием. Ему не в первый раз предстояло въезжать в мрачные ворота концлагеря, увенчанного каменным орлом с фашистской свастикой в когтях. В свои тридцать три года он иногда чувствовал себя стариком... Бухенвальд, Заксенхаузен, Дахау — посещение каждого из этих лагерей смерти оставило незаживающие рубцы в сердце. Как хорошо он теперь понимал нетленные слова Уленшпигеля: «Пепел К्लाаса стучит в мое сердце!» И вот теперь — Маутхаузен!

Долина Вахау кончилась, Артур свернул по дороге вправо,

в сторону от Дуная. Машина с трудом взбиралась по крутому песчаному подъему на почти безлесную гору. Здесь, на небольшом плато, гитлеровцы и создали в 1938 году, после оккупации Австрии, лагерь смерти Маутхаузен. Вначале в нем находились коммунисты и социалисты, арестованные еще до 1938 года австрофашистами. Потом в концлагере оказался и кое-кто из австрофашистов, недалеко видно сделавших ставку на Муссолини, а не на Гитлера. Теперь, осенью 1943 года, здесь находились бывшие участники Сопротивления из разных стран, военнопленные, среди которых было много офицеров и генералов.

Артур медленно проехал мимо двух постов охраны, которые взыскательно проверили его документы, и остановился на мощеной площадке перед служебными помещениями.

Было уже довольно поздно. Заключенных только что пригнали с работ, и все лагерное начальство ушло на аппельплац, где проходила вечерняя переключка. В служебном корпусе остались только технические работники — писари, машинистки, учетчики и прочая тыловая шушера, укрывавшаяся здесь от фронта, — все те, кого солдаты-фронтовики презрительно называли «дрюккебергер».

Миновав еще одного часового, стоявшего у входа в здание, Артур неторопливо пошел по длинному коридору, внимательно читая прикрепленные на дверях таблички с фамилиями.

У одной из дверей он остановился и, не постучавшись, вошел в небольшую комнату. Сидевший за письменным столом пожилой грузный фельдфебель быстро вскочил и замер, вытянув руки по швам.

— Фельдфебель Клемпнер при исполнении служебных обязанностей, — четко доложил этот, судя по всему, выдавший виды старый армейский чиновник.

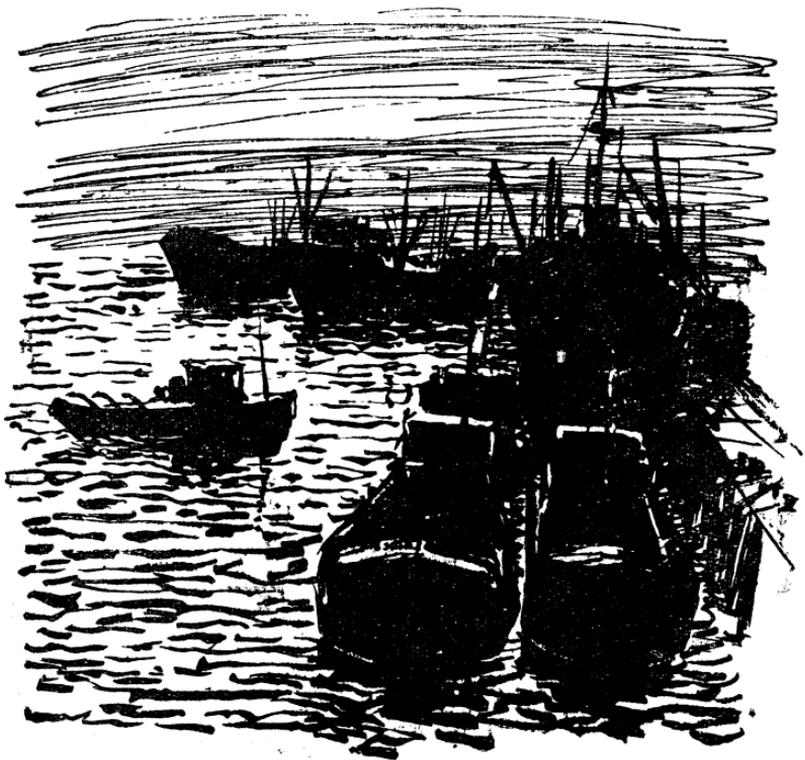
— Хайль Гитлер! Садитесь, — приказал Артур.

Артур протянул фельдфебелю тоненький листок папиросной бумаги. Клемпнер несколько раз прочитал содержание листка и тут же сжег его в пепельнице. После этого он встал, открыл сейф, достал оттуда небольшой конверт и передал его Артуру.

— Здесь списки, которые вас интересуют, и донесение одного новенького, — сказал фельдфебель и, заметив неодобрительный взгляд Артура, добавил: — Конверт находится в сейфе только пятнадцать минут. Я ждал вас сегодня вечером, а до этого все хранил в тайнике.

— Спасибо. Дальнейшая связь как обычно, — Артур встал, крепко пожал руку Клемпнеру и вышел в коридор.

(Окончание в следующем выпуске)

Рисунки В. НЕМУХИНА

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

ВТОРОЙ ПОСЛЕ БОГА

Рассказ

— В английском морском уставе записано, что на судне в плавании капитан — второй после бога, — сказал мне матерый морской волк Виктор Николаевич Гордин, безбородый, невысокий, подвижной человек лет чуть поболее тридцати. — А так как, естественно, в бога я не верю, то делайте отсюда сами вывод, кто есть я на судне. А говоря конкретно, каков капитан в рейсе, я впервые понял не так давно, в феврале шестьдесят шестого у скалистого мыса Фанзи-Несс, на который меня несло в бурю.

Мы сидели с Виктором в первом салоне, потягивая после обеда крепчайший кофе, специально для нас сваренный буфет-

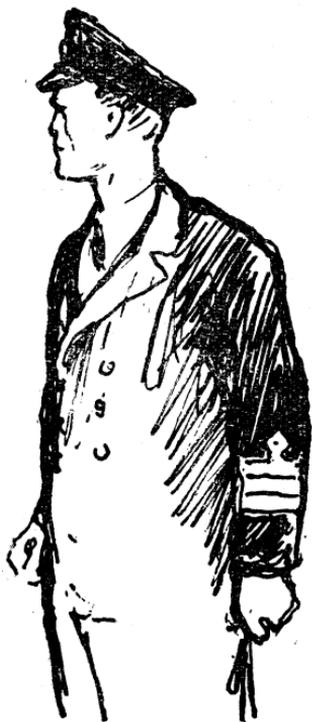
чицей Галочкой, или Галиной Фоминичной, как мы ее называли в глаза, ибо ей недавно исполнилось двадцать два года и она обижалась, если не замечала должного к себе почтения.

Я рассматривал Виктора, стараясь это делать так, чтобы его не беспокоил мой взгляд. Вначале Гордин, ныне старпом на плавучей рыбоперерабатывающей базе «Северная Слава», казался мне разбитным парнем, весельчаком и кинопоклонником, «травилкой», старающимся задурить мне голову страшными морскими рассказами, столь же правдивыми, как и охотничьи. После первого разговора я даже решил, что интересного в этом человеке не найду, слишком уж весь он был на поверхности. Второй разговор меня заинтересовал больше, третий увлек. Теперь я старался ловить каждую возможность, чтоб потолковать с Гординым о том, о сем, а чаще всего ни о чем. Меня интересовали не столько его истории, сколько он сам. Он был подобен айсбергу — поверхность открыта любому обзору, очень красочный вид, ничего не скажешь, но, кроме красот пейзажа, есть еще и темная глубина и в той подспудной глубине — девять десятых содержания.

Лицо его во время разговора быстро менялось, и так вре-

менами выражения были одно на другое не похожи, словно не один, а два человека разговаривали с тобой: добрый, насмешливый паренек, выглядевший до неприличия моложе своих лет, вдруг превращался в жесткого, сурового моряка, властного и быстрого; салатного цвета глаза темнели, он впивался ими так пронзительно, что не всегда я выносил их блеск, хотя в общем виноват перед ним не был и выговоры мне не грозили. Увлеченный, он уже не видел меня, он не просто передавал подробности происшествия, «снабжал информацией», как говорят газетчики и кибернетики, а сам заново переживал пережитое — события разворачивались перед ним живой картиной. В эти минуты я скорее ощущением, чем мыслью, понимал, почему этого человека в двадцать четыре года назначили капитаном и выпустили в океан, хотя, очевидно, многие анкетно-инструкционные рогатки стояли на этом его океанском пути, и почему в трудовой его книжке взысканий пока не имеется, а благодарностей — не одна.

— С шестидесятого по шестьдесят четвертый год я капитанил на танкере «Весьегонск», есть такой старенький водолей. Мотался на нем по всей Атлантике, снабжая суда водой.

Назову Юго-Западную Африку, Джорджес-Банку, неподалеку от Нью-Йорка, Большую Ньюфаундлендскую банку, Норвежское море — это все районы, где промышленляют наши суда, — так начал свой рассказ. — А в шестьдесят четвертом меня переводят на «Буран», производственный рефрижератор, строили в Штральзунде, отличный, между прочим, пароход, водоизмещение 3200 тонн, грузоподъемность 1000 тонн, морозилка на 80 тонн в сутки, все механизировано, многое автоматизировано, бытовые условия отличные — можно и поработать крепенько и отдохнуть прилично. Жаль, что в серию было заложено всего два судна такого типа, им бы бегать и бегать по морям.

За год плавания на «Буране» один недостаток все же нашли — цилиндрические втулки у главного двигателя оказались неважные, вскоре потребовалось их менять. Вначале на берегу решили, что молодой капитан придирается. Штральзунд — фирма, мол, солидная, брака у них не бывает. Но я стою на своем, задание в дальний рейс не принимаю, хоть списывайте меня немедленно с корабля. Начальник управления успокоил — заказали новые втулки, месяца через два придут, не раньше, а пока сбегай в Бремен, отвезешь заказанную кормовую муку, а кстати кое-что купишь у нашего агента, надо разжиться там запчастями для судов. Я прикидываю — рейс коротенький, за пару недель обернусь туда и обратно, погод скверных пока не предвидится, а набегит циклон — портов и укрытий навалом, на берегу стоимися. В общем побежали в Бремен.

А в Бременгафене — рождество, все магазины закрыты, гавань замерла, и религиозные и неверующие — все под хмельком, и ничего от них не добьешься. Делать нечего, подождали, потом разгужаемся, кое-что покупаем из заказанного и спешим назад в Приморск. В дороге меня настигает радиограмма с берега: из Норвежского моря сигналы тревоги — рыбы невпроворот, а баз не хватает, сутками простаивают промысловики. Как там у вас с цилиндрами, запрашивает начальство, не помогли бы товарищам, если, конечно, есть такая возможность? Посоветались на партбюро, потолковали с командой, механики между собой раскинули мозгами — есть, отвечаем, такая возможность, поможем товарищам, тем более втулки в Приморск еще не пришли, а стоять на приколе в самую горячую промысловую пору обидно. И тут же, на выходе из Везера, заворачиваем на север.

На промысел поспеваем в самый раз: морозим свежее, полноком набиваем трюмы — и обратно в Балтику. На выходе с промысла услышали «SOS», гибло одно латвийское судно, ринулись на выручку, не успели — команду сняли другие наши суда, что были поближе, а траулера спасти не удалось. Опять легли на курс, повстречали «Уральские горы», им еще не хватало для возвращения с тысячу тонн, сдали туда свой груз и обратно на промысел, но уже не к Фарерам, возле Исландии, а сюда же, где повстречали «Горы», к северным берегам Шотландии; обстановка здесь отменная, селедка так и валит, флоту нашего рыбацкого сбежалось — сила, как говорят матросы. Базы здесь стояли огромные, двадцатитысячетонники, эти машины если стададут якоря, так их неделями с места не сдвинешь. Впрочем, они больше дрейфовали. Я же, суденышко

верткое, бегаю туда-сюда, ко мне, естественно, тоже спешат с охотой, чтоб не тратить часы, а то и дни на выходы к другим базам. В общем не проходит и двух недель, как я опять полон по горло — или возвращаться в родной порт, или снова перегружаться на большие базы. А надо вам сказать, настоящего рыбака, когда идет большая рыба, азарт одолевает хуже охотничьего. В такие дни команду вызывай на аврал, на любую работу в любые часы, не считайся ни со сном, ни с отдыхом — слово не скажут, даже судком молчит, словно и нет его на судне. Короче, решаем — естественно, сообща — перегружаться на крупные базы. Начальник экспедиции Аникин не возражает, берег тоже присылает добро — идем к Шетландскому архипелагу, там, между островами Аут-Скеррис и островом Фетлар, стоят наши базы, среди них и «Тунец», на него и предстояло перегружаться, он шел в ГДР продавать нашу замороженную селедку.

Теперь я вам обрисую обстановку, чтоб вы поняли, что произошло. К югу островки Аут-Скеррис, и на них маяк того же наименования, а Фетлар севернее — нагромождение камней, отвесно спадающих в океан. В островок этот вдается бухта Уик-оф-Треста на северо-запад, а в той главной бухте еще одна бухточка, поменьше, мордочкой на север, и башней сторожит ее мыс Фанзи-Несс. «Тунец» стоял примерно посередине между Аут-Скеррис и Фетларом, мы к нему пришвартовались и стали перегружаться. Погода была беспокойная, но в январе и феврале здесь тихих дней почти не бывает. Мы уже привыкли работать в такие погоды. О шторме никто не помышлял, в синоптическом прогнозе нам пообещали ветерок с запада силой баллов на пять или шесть. Перегрузка шла к концу, когда ветер переменял направление и стал заходить с востока. Аникин передал по радио совет всем судам выбирать якоря и перебазироваться на западную сторону главного острова Мейнленд, чтоб защититься его скалами от восточного ветра. «Циклон накатывается серьезный, медлить нельзя!» — предупредил он. «Тунец» немедленно прекращает перегрузку, поднимает плавающие кранцы и отваливает на северо-восток. Еще другие суда шли на север, чтоб обогнуть маяк и защититься скалами от шторма, судов было много, не мы одни.

И вот уже милях в девяти от берега поршень в одном цилиндре заклинило, и механики остановили двигатели, чтоб разбраться в аварии. Ветер усилился до одиннадцати баллов, нас понесло на Фетлар, как раз на ту угловую скалу Фанзи-Несс, с которой начинается восточный вход в бухту Уик-оф-Треста. А скала — метров на сто, даже издали глядеть страшно. Третий помощник, Вася Поморный, паренек энергичный, неплохой штурман, но нервишки у него временами играли, говорит мне:

— Виктор Николаевич, дрейф у нас три мили в час, разобьет в отбивную, если дотянет до того мыска. Не кликнуть ли «SOS»? По-моему, надо бы заблаговременно...

— Подожди с «SOSом», — говорю. — Часа два у нас еще есть до знакомства со скалою, механики терять этого времени не будут.

Не так для своего, как для Васиного успокоения спускаюсь

в машинное отделение. А там шторм почище того, что на море. Поврежденный цилиндр вскрыт, механики копаются в его внутренностях, стармех командует подать ему то то, то это, помощники и мотористы не бегут — летят исполнять. Я спросил, управимся ли за два часа, больше сроку нам не дано, стармех сперва страшенно pokrыл небо и море, ветер и качку, потом сообщил, что умирать ему еще меньше хочется, чем мне, у меня один сынишка, а у него три дочери, и он собирается младшую, дошкольницу Верочку, при своей жизни выдать замуж. Я возвращаюсь в рубку.

— Может, аварийную радиogramму дадим? — спрашивает Поморный. — Хоть аварийную бы радиogramмку...

— Успеется. — Я хлопаю его по плечу — он очень бледен, надо бы приободрить человека. — У других людей хватает сейчас своих забот, а у нас пока сносно.

Смешно, если вдуматься: Вася меньше моего плавал по морям, но в обстановке разобрался хорошо, мог бы запальчиво заспорить — нет, промолчал, даже повеселел, так подействовала моя уверенность. А я в сто глаз всматриваюсь, что вокруг, и сейчас иногда закрываю глаза и вижу до мелочей и тогдашнее небо, грозное, с низко бегущими темными тучами, и волны, уже не короткие, частые, отороченные белыми барашками, а длинные, стеной, с кипящими козырьками наверху, на добрый метр или два летящими впереди волны. И особенно запомнился мне грохот ветра, звук его трудно вам передать — и воет, и гремит, и свистит, и даже визжит, но только визгом оглушительней грома. А из рубки нос то где-то далеко внизу, как в пропасть рушится, то, когда судно взбирается на волну, поднимается так высоко, что надо на него заирать голову. Картина, короче. Ураган явственный, мне такие шторма, сверх всяких баллов, два раза приходилось испытывать в тропиках — и радости не было. Хорошо еще, что дело происходило не ночью, а под вечер и без дождя.

По карте севернее Фетлара имелось затишное местечко между ним и островом Унст, сам я здесь не бывал, но слышал, что наши там иногда укрывались. И в первые минуты, когда нас потащило течением и ветром, я надеялся, что туда и внесет, мы как раз в момент аварии выворачивались к тому проливу между островами. Но ветер потянул нас к западу.

Уже до мыса Фанзи-Несс осталось мила три, а от механиков по-прежнему нет сообщений о ликвидации аварии. Я вызвал стармеха к телефону:

— Даю еще пять минут, а после вынужден запросить помощи.

— Ладно — запросить помощи! — кричит стармех. — Мы, Виктор, еще погуляем этим летом в Сочи. Могу запустить двигатель, но только малым, поршень в цилиндре ходит неважно.

— Давай что можешь! Хотя бы две мили к северу пройти, Степаныч, там есть спокойный проливчик.

— Две мили пройдем, — пообещал он.

Мы не прошли обещанных двух миль. Вывернули судно на север, иди носом на волну, на восток, я не осмелился при аварийном двигателе, пришлось двигаться лагом — наперерез ветру. Уже впереди, всего лишь в миле, я завидел слева спаси-

тельное укрытие, когда в машинном отделении грохнуло. Я кинулся туда. Дым и копоть окутывали машины, механики и мотористы были в противогазах, а я едва не потерял сознания, чуть дохнул их воздуха. Что-то взорвалось в картере двигателя, и сорвавшейся люковой крышкой ранило моториста. Надо было бы его отнести в лазарет, но было не до переноски раненых, сам он запротестовал, когда его пытались поднять на руки. Я вызвал в машинное нашего врача, Марию Антоновну, до сих пор не понимаю, как эта хрупкая женщина в такую качку могла добраться с тяжелым чемоданчиком, но она добралась, и на нее первым делом напялили противогаз, чтоб она сама не отправилась на тот свет.

— Плохо, Виктор! — прокричал мне в маску стармех. — Бойсь, Сочи отменяются. Как наверху?

— Несет на скалу, — ответил я. — Буду просить помощи.

— Проси помощи, Виктор. И, прости, но сам уходи — не вернуться. Когда крышка над нашим гробом начнет захлопываться, дай знать, но раньше, всех чертей ради, не беспокой!

Тогда я послал в эфир аварийную радиограмму. Первым на нее откликнулся «Туруханск», старенький транспортный пароходик, он как раз в это время заворачивал с юга на спокойную западную сторону острова Мейнленд. Услышав наш призыв, он повернул назад и взял курс на север, к Фетлару. После него еще несколько кораблей сообщили, что, меняя курсы, спешат к нам на помощь. Начальник экспедиции Аникин радировал, что вызвал из Лервика литовского спасателя «Чурленис», спасатель зашел туда перед бурей подремонтироваться, но, когда разразился шторм, мигом привел себя в положение «товьсь» и стал ожидать аварийных команд.

Я сообщил экипажу о серьезности положения и порадовал, что к нам со всех сторон торопятся на выручку. Каждый знал свое место во время аварии, паники пока не было. В рубке находились я, первый помощник Веретенников, Вася Поморный. Нас снова сносило на скалу Фанзи-Несс, а недалеко от скалы, кабельтовых в полтора, из воды торчал камень — по всему, если бы даже скалу удалось миновать, об этот камень ударило бы обязательно. Опустилась ночь, я зажег все люстры и прожектора, но полной видимости они не обеспечивали. Говорят, на миру и смерть красна. На свету она, во всяком случае, легче, чем во тьме.

Мы уже были милях в полтора от мыса, когда темноту прорезали ходовые огни «Туруханска». Он зашел с левого борта, мы на ходу подали ему буксир при помощи линометательного ружья. Штука эта стреляет до четырехсот метров, выстрел был удачный — линь зацепился за мачту. Закрепив трос, «Туруханск» стал выходить вперед, чтоб потащить нас за собою. И как раз когда он выдвинулся мимо нас на полкорпуса, шальная волна завалила нас на него. Тяжкий удар носа «Бурана» снес на «Туруханске» шлюпку, помял всю кормовую надстройку, а у нас срезало начисто левый якорь. «Туруханск» радировал: «Получил серьезные повреждения, вынужден уходить, помощи оказать не могу». Вскоре он исчез в темноте. Радист прибежал с новой радиограммой, на этот раз от производственного рефрижератора «Янтарь»: «Держитесь, товарищи на «Буране», иду,

сколько позволяют машина и буря». Я рассчитал, что до подхода «Янтаря» пройдет не меньше двух часов, а до скалы осталось с милую, то есть полчаса дрейфа, и приказал отдать оставшийся правый якорь, глубины здесь были около восьмидесяти метров. Вытравили все двенадцать смычек, триста метров тяжелой цепи опустили в пучину. Сказать вам по чести, я был абсолютно уверен, что такая тяжесть прочно удержит наш не так уж крупный корабль, именно потому и вел себя спокойно. При любом повороте дел, прикидывал я, на якоре мы продержимся до помощи. Минут эдак десять нас мотало и подбрасывало на якоре, а потом стало волочить вместе с ним. Якорь не держал — «Буран» опять понесло на скалу. И тут я почувствовал, что начинаю терять голову.

Мне трудно объяснить сегодня, что я тогда испытывал, в мозгу металась разные мысли, все появлялись разом, одновременно думалось о многом, а рассказывать — располагай их, пожалуйста, одну за другой, иначе сам запутаешься — и получается не так, как было. Так вот, главной, наверно, была такая: команды у тебя ровно сто человек, и все эти люди не отсиживаются, а работают, как черти, где им сейчас приказано работать, и каждый верит, что спасение их — в твоих надежных руках, ты обязательно все сделаешь для их спасения, так они верят, а вот сделал ли ты для их спасения, что мог, это неясно. Капитан на судне второй после бога, почему-то думал я, знаете, привяжется иногда какая-нибудь мысль, ни за что ее не выгонишь из головы, пока сама не уберется, капитан второй после бога, все думал я, а бога, естественно, нет, так кто же ты тогда на судне? А что я могу сделать, спрашивал я себя, нет, ты скажи, что я могу сделать, и бог, случалось, опростоволосивался, а я все-таки не бог, только капитан. И так эти дурацкие не к месту мысли толкались во мне, что я растерялся, стою и не знаю, куда кинуться, что предпринять. Вася Поморный признавался потом: «Смотреть на вас, Виктор Николаевич, было страшно, глаза пронзительные, каменное спокойствие на лице, хотелось мне, честно говоря, не то материться, не то кричать, а вы стоите рядом, приходилось сдерживаться», — так ему со стороны рисовалось мое состояние.

Две лишь команды я отдал тогда — экипажу быть готовым в любую минуту покинуть судно и послал, наконец, в эфир «SOS». Боцман со своими ребятами уже дежурил поблизости от шлюпок, чтоб по необходимости мигом отдать их за борт, все натянули спасательные нагрудники, только я да механики были без них. В машинное отделение я больше не спускался, но могу себе представить, что там происходило. Не записывайте, словами этого все равно не расскажешь, я потом спрашивал стармеха, он лишь рукой махал — ладно, не приставай, одно, мол, скажу, в аду будет легче, ни один грешник не вынесет хотя бы четверть вечности такого адского труда и усилий.

Я зашел в радиорубку, там первый помощник Веретенников успокаивал радиста Петю, хорошенького паренька лет двадцати, у того совсем разошлись нервы: работает ключом, работать он не бросил, а по лицу потоком льются слезы. «Ладно, — говорит ему Веретенников, — нагрудники у нас отличные, море тоже не так чтобы очень холодное, продержимся до по-

мощи, чудак, даже если шлюпки разобьет, ну, перестань, чудак». Нагрудник на Пете закреплен, а свой помполит держит в руке.

Радист увидел меня, вскочил, хватает за руки, рыдает в голос, чуть лишь не вопит в ужасе: «Спасите! Спасите!» Веретенников, мой первый помощник, душевнейший человек, старый партиец, пришел к нам с завода, по-береговому он умел отлично, а в морской специфике разбирался слабовато, и, вижу, разговор его с радистом для штилевой погоды еще подошел бы, а в ураган не годится.

— Прекратите рев на работе, иначе немедленно отстраню от должности, Котлов, — говорю радисту поледенее. — Сообщите, какие передачи в эфире.

— Англичане запрашивают, не нужна ли помощь для спасения судна? — говорит радист, вытирая рукой лицо. Выговор мой подействовал, голос его нетверд, но уже без плача. — «Янтарь» на подходе. Что передать англичанам, Виктор Николаевич?

— Передайте, товарищ Котлов, что в помощи англичан для спасения судна не нуждаемся, справимся сами. — Нарочно называю его на «вы» и товарищем, официальность в иные минуты необходима.

Веретенников с сомнением смотрит на меня.

— А может, позовем их на помощь, Витя? Положение наше грозное...

— Англичане — настоящий морской народ, — говорю громко, чтоб радист тоже слышал. — На спасение людей они не будут запрашивать специального приглашения, сами сделают все, что в их силах, чтоб спасти. А вытребовать их спасателя для «Бурана» не считаю нужным, когда кругом столько наших судов, к тому же и «Чурленис» вышел из Лервика.

В это время, заглушая рев бури, над нами разнесся грохот моторов. Со стороны Мейнленда появился английский вертолет и одну за другой стал бросать осветительные ракеты на парашютах между нами и Фанзи-Нессом. Только теперь, когда эта грозная каменная стена, хорошо освещенная, вздымалась почти что рядом, я мог по-настоящему оценить, на какую дьявольщину нас несет. Одного крепкого удара об этот гранитный барьер было бы достаточно, чтоб погрузиться в пучину — глубины у подножья скал в самом мелком месте здесь превышают тридцать пять метров. А что иной судьбы нам не уготовлено, в свете парашютных фонарей было видно ясно — на Фанзи-Несс обрушивались валы высотой метров в десять, если не в пятнадцать.

Я сказал, что на свету смерть все же легче, чем в темноте, но как-то вдруг ослабел, увидев со всей отчетливостью, какова рожа у нашей смерти. Смешно сейчас в этом признаваться, но среди прочих мыслей пекла меня тогда и мысль, что ребята мои увидят, как я перепугался, и про себя прокричал: «Не смей! Возьми себя в руки!» Рядом со мной очутился Веретенников с нагрудником в руке, тоже всмотрелся в скалу и сказал, поеживаясь:

— Вид, однако! А ты почему без спасательных принадлежностей, Витя?

— Успеется со спасательными, — ответил я и показал на

кружившийся над нами вертолет. — Спасибо, что осветили поле крушения, в темени на шлюпках выгрести было бы труднее.

Тогда я еще не знал, что вертолет не так освещал нам место нашей предполагаемой гибели, как обеспечивал условия для съемки кинофильма «Гибель советского корабля у грозных скал Фанзи-Несс». По не зависящим от оператора причинам фильм этот на экраны не вышел, но отдельные кадры из него нам потом, уже в Лервике, показали. Зрелище было впечатляющее, и, глядя на все глазами зрителя, а не участника, я обязательно бы поеживался.

— Я спущусь в столовую, там собрались все производственники и обслуга, — продолжал Веретенников. — Настроение, сам понимаешь, ждут с секунды на секунду приказа бросаться в волны. Поговорить надо с ними, что ли? Отвлечь, что ли...

— Поговори, — сказал я, не оборачиваясь. Мне показалось, что течение меняется у берега, я следил за взлетающим и рушащимся носом корабля, нос явственно поворачивало от берега. Якорь хоть и не держал, но вместе с вытравленной цепью все же гасил скорость дрейфа.

Веретенников положил свой нагрудник у моих ног и пошел, держась руками за переборку, чтоб не сшибло. Он и до сегодняшнего дня не научился ходить в шторма свободно, всегда нужно ему за что-нибудь хвататься. Впрочем, в ту передрагу никто из нас не мог двигаться по-иному. На палубу выползали, лишь сстрахуя себя линем, привязанным к чему-нибудь.

Я крикнул ему:

— Надень нагрудник!

Он улыбнулся. Бледнее он был не меньше Поморного, но улыбнуться нашел все же силы. Два года мы с ним проплавали и все два года жили душа в душу.

— Успеется, Виктор Николаевич. Ты наденешь, я вместе с тобой.

— Виктор Николаевич, — сказал мне тихо Поморный, когда Веретенников ушел, — видите?

— Течение меняется, это определено, — ответил я. — Но вот куда нас теперь несет, это вопрос. Посмотрим карту.

На карте метрах в двухстах от Фанзи-Несса был обозначен подводный камень. Вскоре мы узрели его в бинокль, голова его то обнажалась, то покрывалась волною. Чем ближе нас подносило к берегу, тем яснее становилось, что Фанзи-Несс мы оставляем правее. Но вот пройдем ли мимо проклятого рифа или корабль шваркнет о него, этого предугадать было нельзя. И тот и другой варианты — столкновение с гранитной стеной или удар о риф — были одинаково губительны, разница могла быть лишь в количестве отпущенных нам минут агонии.

Я вызвал машинное отделение и приказал механикам готовиться покинуть судно.

— Вита, придержишься! — услышал я яростную мольбу стармеха. — Всеми чертями прошу, полчаса дай, у нас налаживается.

Я сказал, что дал бы охотно ему полчаса, но обстоятельства, похоже, не дадут нам их. Он прокричал еще, что механики не собираются покидать корабль, и отключился. Риф при-

ближался, сомнений уже не было, что нас несет на него. Я сам стал за руль, полностью положил его влево, расчет был такой — якорь хоть и не держит, но притормаживает «Буран», значит, течение обгоняет нас, а идем мы по течению, лагом к ветру, то есть упираемся, и результат такой, как если бы мы в спокойной воде потихоньку двигаемся назад. А если имеется движение вперед или назад, то восстанавливается управляемость и судно хоть немного, но должно слушаться руля.

Не знаю, правилен ли был мой расчет или течение в этих местах такое, но нас вывернуло точно на середину между мысом Фанзи-Несс и рифом и понесло в горловину бухты Уик-оф-Треста. И тут окончательно у Поморного сорвало нервы. Вася прыгал, размахивал руками, орал со слезами: «Спасены!» Я крикнул на него, он не услышал. До спасения было еще далеко. Течение снова прижимало нас к берегу. Минуты через две Вася пришел в себя и сменил меня у руля. Расчет наш был теперь такой. Всеми силами отваливать от берега, пока не доплывем до входа в маленькую бухточку, как раз за выступом мыса, там, за каменной стеной Фанзи-Несса, будет если не безопасно, то хоть немного спокойнее. И на этот раз обстоятельства сложились благоприятно, течение вывернулось на север, и нас втащило в бухточку и дальше не понесло — якорь держал! Волнение здесь было меньше, чем в открытом море, и ветер наваливался не с такой страшной силой. Я крикнул механикам, что могу дать им испрошенные полчаса, и добавил, что пятнадцать минут из них считаю использованными, а по корабельному радио объявил, где мы и каковы перспективы, готовность к выгрузке в шлюпки не отменил, но нервное напряжение постарался снять, немедленная гибель уже не грозила.

Вертолет, установив, что мы не пожелали погибнуть, улетел. Между прочим, до сих пор не понимаю, как он осмелился подняться в такую погоду, впрочем, возможно, то был не вертолет, а самолет, у нас не было возможности разбираться, кто там и как кружит. Зато показали огни «Янтаря». Мы связались с ним по радио, я подключил разговор с капитаном «Янтаря» к корабельной трансляции, чтоб голос помощи услышали все. Правда, капитан на радостях, что мы живы, так лихо пустил ураган через семь гробов в центр мирового равновесия, что если не урагану, то нашим женщинам пришлось определенно дурно, но по чрезвычайности с этим можно было не посчитаться.

«Янтарь» зашел к нам с правого борта, боцман со старпомом сами, закрепив себя концами, чтоб не снесло за борт, метали ему буксирный трос. И тут случилось такое, во что бы я ни за что не поверил, не происходи это на моих глазах. Волны, как почти всегда во время ураганов, становятся огромными, но не частыми, мы то падали куда-то в бездну, нос рушился вниз, словно пытаясь завернуть под мостик, то, наоборот, взлетали вверх, и нос поднимался перед рубкой стеной, так что приходилось задирать голову, чтоб разглядеть, что там творится. И это совершалось скорее медлительно, чем быстро, иногда проходило по минуте от падения к подъему и от подъема к падению. Сама по себе качка эта не так уж страшна, если у корабля хорошая остойчивость, а об остойчивости наше-

го «Бурана» можно сказать лишь одно — отличная. Но совсем иное дело, если рядом по борту с тобой корабль и то этот корабль вздымается над тобой, то ты над ним вздымаешься, а он летит в кипящую пучину.

«Буран» и «Янтарь» мотало на разных волнах — когда его несло на гребень, нас спускало в долину, а когда мы карабкались на вершину волны, он катился вниз. И вот в какой-то момент нас потащило в провал, а «Янтарь» стал вздыматься над нами. Не знаю, как это произошло, то ли нас подвернуло к нему, то ли ветер покачул его, но корма «Янтаря» вдруг поднялась над нашей палубой, ударила о мачту, погнула ее в три погибели — мачту потом выпрямили, но вмятины остались, можете при случае проверить — и осела на палубу, круша фальшборт и надстройки. Мы с Поморным и рулевым едва успели отскочить. Правое крыло мостика было снесено начисто, а перед самыми нашими лицами, дико звеня, вращался в воздухе винт. Скажу откровенно, я много видал невеселых картин, ураганы в тропиках тоже не сахар, но страшнее этой картины вращающегося у глаз винта я еще не знал и, думаю, не узнаю. Если бы на один метр забросило «Янтарь» дальше к нам на корму, от нас троих, находившихся тогда в рубке, не осталось бы ни одной целой косточки, всех бы нас в доли секунды перемололо на фарш. Застывшие, даже не закричав, мы трое прижались к стенке рубки, и только глядели на вращающийся винт, такой ужас напал. Картина усугублялась тем, что прожектор не повредило и бронзовый винт попал в световой поток — огромное зловещее солнце сверкало над нами, ослепляя и парализуя.

А в следующий момент «Буран» покатился в ложбину между двумя волнами, а «Янтарь» понесла вверх вершина волны. Очнувшись, я схватил за руку оцепеневшего рулевого и ринулся наружу, а Поморный высочил за нами. Надо было торопиться, пока корма «Янтаря» снова не осела, а другой раз могло получиться хуже.

Но капризная волна отвернула «Янтарь» в сторону, и, когда нас стало вздымать, он осел рядом, так близко борт о борт, что можно было перескочить с судна на судно. И в этот момент старпом швырнул выброску, тянущую буксирный трос, а ребята на «Янтаре» поймали ее и стали трос выбирать.

Как удачно у них получилось, я узнал потом, в эту минуту мы трое, выскочив из рубки, боролись с ураганом, старавшимся вышвырнуть нас за борт. Я хватался за леера, за меня хватались Поморный и рулевой.

Второй якорь тоже срезало. Теперь мы, полностью беспомощные, зависели от того, сумеет ли «Янтарь» закрепить нас на буксире.

«Янтарю» удалось отвалить от нас, он отдалился, повернул на запад и начал потихоньку выводить нас из бухточки в залив Уик-оф-Треста. Наружу вылез Веретенников и спросил, как дела, похоже, что наши злоключения кончены. Я не спешил с окончательными выводами. Я словно предчувствовал, что случится в следующую минуту. А в следующую минуту буксир, прочнейший стальной трос, порвало, как нитку. Нас с «Янтарем»

по-прежнему мотало на разных волнах, и сила несущейся водяной стены оказалась мощнее скрутки железных проволочек.

— Все, — сказал я Веретенникову, когда «Буран», безвольный, неуправляемый, замотался на волнах. — Кажется, пришла пора объявлять шлюпочную тревогу.

Мне ответил не Веретенников, а стармех, пулей вылетевший наружу. Мы еле удержали его в четыре руки. Он, ошалев, даже не сопротивлялся ветру.

— Все! — орал он. — Все, Виктор Николаевич! Сочи не отменяются. Полный не гарантирую, а малым пойдем.

Что еще сказать вам? Больше всего я теперь боялся оста-

ваться в крохотной бухточке, прикрытой с востока стеной Фанзи-Несса. Она нас спасла, но могла и погубить — ветер менялся, как почти всегда ветры меняются при циклонах. Он уже заходил с юго-востока, а если бы еще повернул южнее, спасительная бухточка обернулась бы могилой — без якоря обязательно размолотило бы о скалы. В общем я выбираюсь помаленьку в залив Треста, там все же поспокойнее, и намерение одно — выскочить в открытое море, подальше от обрамленных опасностями скал. И тут подходит «Чурленис».

Остальное представляет уже мало интереса. «Чурленис» взял нас на буксир и отвел в Лервик, где мы и отремонтировались. Там же, в Лервике, я купил якорную скобу за 30 фунтов для запасного якоря, а один военный корабль («Восхищен вашими мужеством и умелостью», — просигналил он, когда мы входили в порт) подарил нам к якорю свой вертлюг, предохраняющий якорную цепь от скручивания. Вообще в Лервике много было толков о нашем происшествии. О кинокадрах, где запечатлена наша борьба с ураганом, я уже говорил. На судно часто приходили люди, поздравляли, жали руки, много получали телеграмм и от своих и от англичан, а от одной англичанки из города Стоун-Тауна пришла открытка с горячими поздравлениями и приглашением побывать у нее в гостях. Но мы, конечно, ни о каких гостевых прогулках и не думали, надо было скорее торопиться к себе в порт, там ведь тоже предстояло — уже на берегу — выдержать немалый шторм.

— Понимаю, — сказал я. — Вы опасались, что береговые начнут придирааться, выискивать неточности в ваших распоряжениях. Давно известно, что с берега виднее, как действовать в штормы на море.

— Нет, что вы! — сказал он, удивленный. — В управлении у нас немало капитанов, попадавших в ураганы и посрашнее того, что бушевал у острова Фетлар. Все мои действия признали правильными, особенно отметили выдержку и спокойствие, а какое реально было спокойствие, я уже вам подробно рассказывал. Стармеху, правда, вставили фитиля, что решительно не настоял на ремонте главного двигателя, прежде чем выходить в открытый океан, зато «Янтарь» получил премию за самоотверженность при спасении нашего «Бурана».

— А где сейчас ваш «Буран», Виктор Николаевич? Почему вы не на нем?

— «Буран» ремонтируется, и дело это долгое — полгода займет, не меньше. Мог бы, конечно, я пожить в гостинице в это время, потихоньку наблюдать за ремонтом. Но как вам объяснить?.. Скучно мне на берегу, если долго задерживаюсь, тем более ремонт за границей, семья все равно далеко. Представился случай идти в рейс на «Славе» старпомом, я согласился. Вот отплаваю здесь месяца три-четыре, а потом, естественно, опять возвращусь на свой «Буран».

СИГОМ И СОЗДАТЕЛЬ

Фантастический рассказ

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

СТАРИК

Он сидел в глухой аллее парка и читал газету. Из раскрытой хозяйственной сумки выглядывал замороженный дыпленок. Воздух был почти неподвижен, в нем парили пахучие пушинки...

В аллее появился высокий молодой человек с крупными, слишком правильными чертами лица, которые обычно не запоминаются. Увидев старика, он подошел к нему и сел на скамейку. Заглянул в газету. Старик обрадовался возможному собеседнику, поспешно сказал:

— Взгляните, не правда ли, впечатляет, — он ткнул в газету кривым пальцем. — Известный гонщик. Разбился, достигнув скорости триста миль в час...

— Зачем?

— Что — зачем? — удивился старик.

— Зачем ему нужна была эта скорость? Он спешил на свидание, на помощь кому-то, спасался от опасности?

Старик внимательно посмотрел на собеседника и пожал плечами. На всякий случай даже немного отодвинулся.

— Сколько вам лет? — спросил незнакомец.
— Семьдесят шесть.
— Чем вы занимаетесь?
— Я был мастером на строительстве, потом служил в конторе.

— А теперь?
— На пенсии.
— Что же вы делаете?

Старик улыбнулся. Этот широкоплечий молодой красавец чем-то напоминал сына.

— Живу. Читаю газеты. Смотрю телевизор. Помогаю детям воспитывать внуков. Но и те и другие плохо слушают мои наставления.

— И повторяют ваши ошибки?
— Пожалуй, так, — засмеялся старик.
— А цыпленка вы несете им?
— Им и себе, — старик насторожился. В голосе собеседника ему посылались новые, странные нотки.

— Где они живут?

— Кто?

— Внуки. Те, кому вы несете цыпленка. Адрес?

«Сумасшедший? Грабитель? Чего он от меня хочет? Адреса-то я ему не скажу...» На миг в памяти старика мелькнул адрес, и тут же незнакомец вслух повторил его.

«Как же это я проговорился?» — ужаснулся старик. Его губы тряслись.

— Зачем вам адрес?

— Хочу отнести вашим внукам цыпленка. Они не должны оставаться голодными.

— Но я же принесу его...

— Вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Видите ли, я не просто человек, а человек синтезированный — сигом. Я питаюсь не так, как вы, люди. Вы употребляете в пищу растения и животных, затем следует длинный цикл переработки пищи, накапливается в клетках топливо — АТФ, аденозинтрифосфорная кислота. И только потом вы извлекаете из нее энергию, необходимую для жизни. А я питаюсь чистой АТФ. И когда я беру ее из существа, оно погибает. А сейчас я проголодался...

— И вы хотите... — от страха старик не мог продолжать. В мозгу металась жалкая мысль: «Он обманывает, шутит... Или это сумасшедший? Но тогда он может убить. Хоть бы кто-нибудь из прохожих появился. Надо же мне было сесть в этой аллее...»

— Я не обманываю и не шучу. Как видите, я знаю ваши мысли. И никто из прохожих не поможет. Успокойтесь. Это будет мгновенно, не успеете ничего почувствовать.

— Но вы же не захотите совершить преступление...

— А если бы вас убил голодный тигр, он бы совершил преступление? А когда вы и ваши внуки едите цыпленка? Так вы устроены. А я устроен несколько иначе. Я и так делаю для вас все, что могу. Я ведь не убиваю внуков, которым предстоит повторить ваши ошибки. А вам уже ничего не предстоит. За-

чем вам жизнь? Внуки будут только рады избавиться от лишних наставлений.

— Но разве нельзя получить это вещество, это топливо от животного, от собаки например, — старик хватался за соломинку. — В парк приходят гулять с собаками...

— Они — далеко, вы — близко. Их надо искать и тратить время. Это неразумно.

...Через несколько секунд сигом взял сумку и отправился по адресу. Истекало время его прогулки.

— Ты, наверное, проголодался. Я приготовил для тебя пищу, — сказал Создатель. — Они внизу, в первом отделении вивария.

Сигом расслышал тоскливый лай собак, доносившийся из бетонированных подвалов, где на первом ярусе находились виварий и склады, а под ними на семи ярусах подземелий размещались лаборатории.

— Спасибо, — сказал сигом. — Но мне не хочется есть.

Создатель поднял брови:

— Сыт?

— Да.

— Значит, тебе пришлось...

— Да, — быстро сказал сигом и, предупреждая вопросы Создателя, добавил: — Это был человек, старик.

— Разве не нашлось ничего другого?

— Он был ближе всех. Он уже не работает, не производит ценностей. Принадлежал к тем, кого ты сам называл бесполезными.

Взгляд сигома был чист и ясен, как у ребенка. Создатель почувствовал легкий озноб, подумал: «Пожалуй, я был прав, когда запрограммировал в нем Любовь к Создателю». Спросил:

— Ты говорил с ним?

— Да. У него есть внуки. Он купил для них убитого цыпленка. Я узнал их адрес и отнес им пищу.

— Ну что ж, ты поступил разумно, — сказал Создатель.

— Помню программу, — ответил сигом. — Есть только два критерия: разумно и неразумно. Все остальное — ложь.

Что-то в его тоне не понравилось Создателю. Он спросил:

— У тебя осталось сомнение в разумности своего поступка?

— Да, — ответил сигом. — Я говорил с его внуком. Если информация, которую накопил старик, нужна этому подростку, то не могла ли она пригодиться и мне? А я получил от него только АТФ и навсегда утратил его информацию. Не правильной ли было сначала получить информацию, а потом АТФ?

— В следующий раз будь умнее.

— Постараюсь, — пообещал сигом. Он думал: «Если бы старик остался жить, то продолжал бы накапливать информацию. Не значит ли это, что его жизнь полезна мне?» Спросил: — Пожалуй, если бы люди, не такие мудрые, как ты, узнали о моем поступке, они бы назвали его злом и преступлением?

— Добро и зло — пустые понятия, сын мой. За ними нет логики. Это паутина, которой сильные опутывают мир, чтобы управлять. Это шит, который подымают слабые, чтобы защитить-

ся. Поэтому ложь устраивает и тех и других. Но тебе она не нужна. Не засоряй память. Помни: ты создан для того, чтобы стать вождем и помочь людям построить мир, основанный на строгой разумности.

— Да, Создатель, — ответил сигом. В его голосе больше не было сомнения.

Человек, которого называли Создателем, довольно улыбнулся. Его голубые глаза смотрели на собеседника почти нежно, но две четкие складки, идущие от короткого носа к губам, не давали улыбке стать сентиментальной. Он продолжал:

— Люди выработали слишком много ложных ценностей, ложных понятий, придумали слишком много лживых слов. Но все это не должно ни обмануть, ни испугать тебя. В минуту опасности создай вокруг себя энергетическую оболочку. Помни о двух критериях.

— Буду руководствоваться только ими, Создатель.

— Помни второй закон программы — ты не смеешь заходить в библиотеки, читать книги и газеты, кроме тех, которые тебе предлагаю я. А теперь иди. Используй время своих первых прогулок для наблюдений и бесед...

ПОДРОСТКИ

Сигом вышел на улицу. Утро пахло бензином. Спешили на работу люди — два встречных потока, направленных в противоположные стороны. Лица озабоченны, оживленны, угрюмы, радостны, злы... Шаги быстрые, шаркающие, крадущиеся...

Сигом слушал шаги и шум автомобилей, смотрел на лица и сравнивал... Мужчина несет портфель — лицо озабоченно, женщина тащит чемодан — улыбается... Женщина с большим животом идет осторожно. Глаза тусклые — прислушивается к тому, что несет в себе.

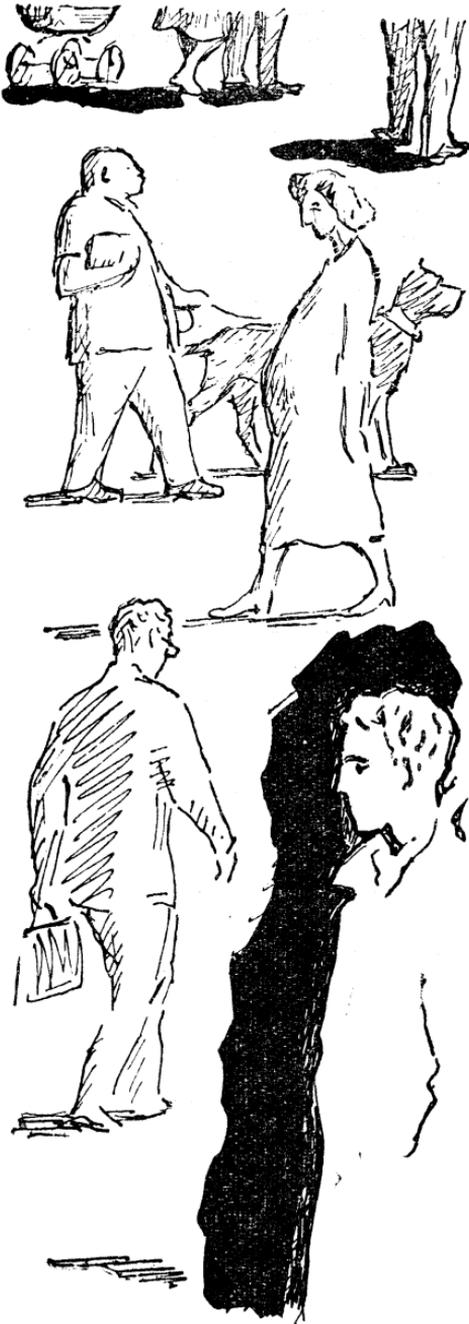
Дерутся воробьи из-за хлебных крошек. Дерутся дети во дворе из-за игрушки.

Вот у доски объявлений несколько разных людей. А выражение на их лицах одинаково: унылое ожидание, робкая надежда.

Человек ведет дога. Оба важные, невозмутимые.

Временами сигом включал рентгеновидение и заглядывал в портфели и сумки. Временами включал телепатоприемники — и миллиарды мыслей, перебивая и тесня одна другую, врываются в его необъятный мозг, где роль клеток выполняли молекулы.

«Улица — это еще одна книга, и далеко не самая оригинальная из прочитанных мной, — думал сигом. — Просто здесь автор ничего мне не объясняет, я должен все объяснять себе сам: женщину с большим животом, человека с собакой. И эту суету на тротуарах, суету машин на мостовой, суету их взглядов и мыслей... Если бы эта девушка знала, что думает о ней ее провожатый? А если рассказать родным чиновника, что он замысливает? Или этому важному господину, каким он кажется сейчас своей собаке?..»

На перекрестке двух улиц сигом заметил группу подростков. В их глазах, которыми они провожали проезжающие машины, вспыхивали жадные огоньки.

— Почему же вы не возьмете то, что вам нравится, а лишь мечтаете об этом? — поинтересовался сигом.

Ребята обернулись к нему. Один спросил:

— Ты кто?

— Сейчас это неважно. Посмотри лучше туда, куда ты смотрел раньше. Вот машина остановилась. Хочешь ее? Если водитель будет сопротивляться, у тебя в кармане нож.

— Это убийство, — сказал подросток, отступая.

— Ну и что? — насмешливо спросил сигом.

— Это плохо, это преступление.

— Чепуха! Кто тебе сказал, что это плохо? И что такое плохо? Ты молод, ты силен, полон желаний. осуществи их! Потом будет поздно!

— А полиция? — спросил другой.

— Я помогу вам сделать так, что ни один полицейский ни до чего не докопается, буду вашим вожаком.

И сигом изложил им такой план, что даже самый трусливый понял: опасаться нечего.

— Пошли! — скомандовал сигом, и подростки стайей ринулись за ним.

— Ты пропадаю целую неделю. Рассказывай, — встретил его Создатель.

— Я помог подросткам осуществить их желание.

— Удачно?

— Да, конечно.

— В другой раз они пойдут за тобой куда угодно... Пусть это будет почином. Когда-нибудь ты поведешь миллионы. А пока учись.

СТАРУХА

Сигом замечал ее каждый день на одной и той же скамейке. Проворные руки со спицами двигались почти автоматически, а глаза были устремлены в одну точку, находящуюся где-то на вершине дерева. Старуха вязала, и клубок ниток разматывался бесконечно и однообразно с утра до позднего вечера.

— У вас, наверное, нет родных, — сказал сигом, садясь рядом.

Старуха не удивилась неожиданному вопросу, повернула голову к сигому, и он увидел сеть морщин, рассекавших серую дряблую кожу.

— Ни родных, ни близких, — ответила старуха.

— А что вы вяжете?

— Шарфы и кофточки.

— Для кого?

— Продаю их и на вырученные деньги покупаю кое-что для себя.

— А если я отниму вот этот шарф?

Спицы остановились...

— Могу отдать его, если он вам нравится.

Сигом задумался. В книгах, которые Создатель разрешил ему прочесть, не упоминалось, что человек может без борьбы отдать что-то ценное другому. «Значит, эти вязаные вещи не представляют для нее ценности». Он спросил:

— Но если вы живете, то у вас есть чем дорожить? Я знаю, что для женщины главное — любовь, дети, семья, мир чувств. У вас ничего этого нет. Ваши чувства потухли. Что же осталось?

— Воспоминания. Я живу ими.

Он подумал: «Выходит, они могут быть настолько ценными, чтобы заменить остальное».

— Отними их — и вы погибнете?

Она поняла, куда он клонит:

— Я могу поделиться ими с любым. Мне будет это приятно.

— Поделиться — не подходит. Я хочу их все, полностью.

— Я и отдам их все.

Сигом заподозрил подвох:

— И ничего не оставите себе, ничего не припрячете? Даже волк зарывает кость про черный день.

— Они останутся со мной.

— Но вы же отдадите их мне, — напомнил сигом.

— Воспоминания — это не кости, не хлеб. Я отдам их, и они останутся со мной.

Сигом спросил у Создателя:

— Может ли человек отдать другому самое ценное и при этом испытывать радость?

— Нет, — сказал Создатель.

СУД

— Но нигде люди не нагородили столько несуразицы, сколько в уголовном праве, — сказал Создатель. — Сегодня ты убедишься в этом.

— Слушаю.

— Сегодня состоится суд над Альфредом Куршмитсом и его молодцами. Они разгромили лавку одного иностранца, а когда тот попробовал вступить за свое добро, избили его до полусмерти.

— А какое мне дело до этого? — спросил сигом.

— Альфред и его молодцы — коренные жители этой страны, так же, как я. Мы сами хотим торговать у себя дома. Наша страна — для нас. Если все будет придерживаться этого принципа — в мире создадутся те устойчивость и порядок, к которым мы стремимся.

— Куршмитса и его друзей будут судить иностранцы?

— Нет, конечно.

— И судьи — не идиоты?

— Среди них будут всякие.

— Ты опасешься, что не все они усвоили простую истину, которую ты только что изложил?

— Молодец, правильно меня понял! Но это еще не все. Большинство из них думает, как мы. Однако есть законы, которыми они формально должны руководствоваться. А по законам виноваты Куршмитс и его люди.

— Зачем же вам такие глупые законы? Не проще ли изменить их, чем обходить всякий раз?

— К сожалению, не проще, — вздохнул Создатель. — Есть Международное право и разные путаные соображения... Поэтому ты пойдешь в суд и, когда присяжные будут решать, колеблясь между своими чувствами и законом...

— Я включу телепатоусилители и внушу им разумное решение. Так?

— Так, — довольно сказал Создатель.

Зал суда был полон. Сигом отметил, что большую часть составляли люди, удивительно похожие друг на друга, — с потными, красными физиономиями, напоминающими здоровенные кулаки, уверенные в себе, не знающие сомнений.

«Из них получится неплохая армия для оздоровления мира», — подумал он.

Среди присяжных заседателей — добрых граждан города — только один внушал ему опасения. Он был немолод, худ, за стеклышками очков скрывались запавшие, усталые глаза. Сигом заглянул в его мозг и ужаснулся: столько там было противоречивых мыслей и чувств, запутанных суждений. Клетки памяти забиты всевозможными сведениями более чем наполовину. Зато у остальных заседателей память была почти чистой, а если в ней и хранились какие-нибудь сведения, то они имели сугубо прикладное значение: новая технология пива, адреса магазинов, навыки забивания гвоздей, правила уличного движения для шoferов-любителей, характеристики сослуживцев, домыслы: как обмануть соседа, как продвигаться по службе, как получить при-

биль от торговли булками и мясом? И только иногда попадались отвлеченные сведения, но они редко простирались дальше футбольной таблицы.

«Очкарика» придется взять под особый контроль, — подумал сигом. — Он потребует дополнительного напряжения».

Начался допрос свидетелей обвинения. Первым вызвали полицейского. Прежде чем он начал отвечать на вопросы, сигом успел заглянуть в его мозг.

«Молодцы Куршмитса не зря измордовали этого торговца. Какого черта ему дслать в нашем городе?!» — думал полицейский. Произнося присягу «Клянусь говорить чистую правду, чистую правду, и только правду», он с сожалением подумал: «Ничего не поделаешь, придется говорить то, что видел. Разве что малость не доскажу...»

Сигом схватился за одну мысль: «Какого черта ему делать в нашем городе?» — и стал проигрывать ее бесконечно в голове полицейского: «Какого черта... Какого черта... Какого черта». А затем добавил: «Мы должны быть все заодно, все заодно, все заодно! Наша страна — для нас, для нас, для нас!»

— Расскажите высокому суду, что вы видели, — предложил прокурор, думая: «Если я выиграю процесс, кое-кто за границей и даже некоторые из наших либералов посмотрят на меня весьма благосклонно. К тому же — сенсация, шум вокруг процесса и моего имени. Это приятно. Но из города мне придется убраться...»

«Придется убраться, придется убраться из города, из родного города... — завел «пластинку» сигом. И добавил: — Из-за чего я пострадаю? Из-за чужака. Разве он стоит этого? Разве это справедливо?»

— Расскажите высокому суду основное, главное, мелкие подробности нас не интересуют, — сказал прокурор.

«Что с ним творится?» — насторожился судья. — Слов нет, Куршмитса и его банда головорезов защищали интересы города, близкие всем нам, но закон есть закон. Если он перестанет выполняться, то к нему потеряют уважение, и тогда...»

«Защищали наши интересы, разве не это главное? — вбил ему в мозг сигом свои мысли. — К чему нагромождение отвлеченных и туманных истин, когда интерес, во имя которого мы судим, ясен? Неужели мы должны предать наши интересы? Разве не для того, чтобы защищать их, существует суд? Разве интересы города, страны, народа не выше устаревших правил, записанных в книжицу в кожаном переплете? В этом деле может быть только одно разумное решение. Разумное для всех нас! Так в чем же дело?»

— Я прибыл на место происшествия, — после короткой заминки начал полицейский, — когда этот типчик, — он кивнул в сторону торговца, — назвал Куршмитса преступником и негодяем.

Сигом успел уловить мысль, невольно пронесшуюся в голове полицейского: «Назвал-то он его так уже после того, как они выбили окна и поломали мебель». А вслух полицейский продолжал:

— Он сильно толкнул Куршмитса (и подумал: «Оттолкнул»). Тогда Куршмитса разозлился и ударил его...»

— Нас не интересуют детали, — напомнил прокурор.

— А в это время его жена расцарапала лицо другому парню.

— Вы узнаете пострадавшего? — спросил прокурор.

— Да, третий слева, — без заминки сказал полицейский, ука-
зывая на одного из обвиняемых, больше похожего на гориллу,
чем на человека.

Присяжные дружно заржали, один из них даже подмигнул об-
виняемому-«пострадавшему», сразу признав в нем «своего парня».

«С ними все пойдет гладко», — подумал сигом и переключил
внимание на «очкарика».

«Это беззаконие, — думал тот. — Скоты глумятся над чело-
веком, над элементарными нормами...»

«Но разве законы не мертвые слова на мертвой бумаге? — мыс-
ленно спросил его сигом. — Кто виноват, что законы не поспе-
вают за временем?»

«И все-таки меня учили уважать законы. А эти головорезы яв-
но нарушили их. По всем статьям они виновны», — не отступал
«очкарик».

«Но что можешь сделать ты? Ты один — их много. За ни-
ми — сила. Тебе будет плохо. Пострадаешь ни за что».

«Нельзя же им дать безнаказанно избивать ни в чем не повин-
ных людей!»

«Ни в чем не повинных людей не существует».

«Это подло — дрожать за свою шкуру, заботиться только
о ней».

«Подло — пустое слово, оно ничего не означает. А ты уверен,
что тот, кого защищаешь, поступил бы так же, будь он на твоём
месте?»

Сигом почувствовал, что упорство «очкарика» поддается. За-
глядывая в его память, ударил по самым больным местам: «Пом-
нишь, когда тебя вышвырнули с работы, кто тогда вступился,
поддержал? А если с тобой что-нибудь случится, кто поможет
твоей жене и маленькой Эми?»

Сигом увидел, что «очкарик» опустил голову, втянул ее в пле-
чи. Он думал: «Что я один могу сделать? И кто мне дал право
ставить под удар Эми?»

— Все в порядке, Создатель, их оправдали, — бодро доложил
сигом. — Судьи приняли разумное решение.

— А легко ли было внушить им его?

— Да. Ведь истина лежала на поверхности. Думаю, что они
бы заметили ее даже без моего вмешательства. Удивляет лишь
одно — как ее не понимали те, кто составляет законы?

Проходя по улице, сигом услышал крики, звон стекла, шум
борьбы. Несколько прохожих — из тех, что обычно спешат на
шум, — пробежали в противоположном направлении.

«Интересно, что там происходит?» — подумал любопытный
сигом.

Он увидел старых знакомых — Куршмитса и его головорезов.
Они занимались привычным делом — громили дом какого-то гос-
подина. Вот один из них показался в дверях, волоча за белоку-
рые волосы женщину, второй вышвырнул через окно в костер
груды книг.

«Неразумно, — подумал сигом с осуждением. — Очень неразум-
но уничтожать книги. Ведь в них содержится много информации».

— Алло, старина! — сказал он, становясь рядом с Куршмитсом, который командовал своими молодцами. — Опять иностранцы? Куршмитс посмотрел на сигама своими заплавленными глазами.

— Ха! Нет, это не иностранцы, но ничем не лучше их. Они из тех, кто хочет разных свобод. Сейчас и получают одну из них.

Головорезы, услышавшие слова своего вожака, засмеялись, раздувая толстые щеки и широко разевая рты, как могут смеяться очень непосредственные люди.

— Ге, ге, — заливался один, — папаша Куршмитс скажет так скажет!

— О-хо-хо! — грохотал второй, как пустая бочка по камням. — Вот это номер!

— Э-хе-хе! — закатывался третий. — Вот так штука!

— Мы обойдемся без умников! — продолжал орать Куршмитс.

— К черту умников! — закричали его головорезы.

Они, как по команде, повернули к сигому свои здоровые, жизнерадостные лица цвета обожженного кирпича и загорланили.

— Кто хочет свободу, тот ее получит!

— Наша страна — для нас!

— Знаем мы эти хитрые штучки!

И много других, столь же лаконичных и емких изречений.

Молодчики загородили путь прохожим и заставляли вместе с ними скандировать лозунги. Сигом заметил в толпе и знакомого «очкарика». Стало обидно — он не любил торжества глупости. Сигом мысленно пожурил «очкарика»: «Ты поступаешь неразумно, давая глупцам распоясаться. Так дойдет очередь и до тебя».

«Что можно сделать? Я один, а их много», — мысленно ответил «очкарик», продолжая вторить головорезам.

— А ты почему не кричишь вместе с нами? — зарычал Куршмитс на сигама. — Или мы недостаточно хороши для тебя?!

Сигом никак не мог понять, почему эти люди не соглашаются с тем, что очевидно. Он не хотел воспользоваться своими телепатоусилителями, ему самому нужно было во всем разобраться.

— Но при чем здесь книги?

— Он провокатор! — завизжал Куршмитс. — Бей его!

Сигом успел проговорить:

— Я только хочу понять...

Железный лом просвистел над его головой...

...Через несколько минут сигом удалился от груды мертвых тел. Он шел, понуря голову, он все еще искал смысл в их словах, ошалело бормоча:

— Знаем мы эти хитрые штучки... Хитрые штучки...

Под его ногой треснуло стекло. Это были очки...

ДЕТИ

— Помнишь книгу о детях Спарты? — спросил Создатель.

— О том, как слабых детей сбрасывали со скалы? — ответил вопросом на вопрос сигом.

Это не очень понравилось Создателю, но он, не сделав замечания, продолжал:

— Они поступали дальновидно. Посмотри на портреты моих предков, — Создатель указал на портреты отца и деда, висящие на стене. — Это лица сильных и мужественных воинов. Ясный взгляд, волевой подбородок — лицо, не знающее сомнений. Обрати внимание, как они похожи друг на друга и как я похож на них. Но они мне передали в наследство не только голубые глаза и белокурые волосы. Я получил от них железное здоровье, крепость мышц, силу и выносливость. А ведь бывает по-иному: Слабый ребенок — это не просто один слабый воин в будущем. Он передаст свои болезни и уродства детям, внукам, правнукам. Их становится больше и больше. Разумнее убить одного слабого, чтобы спасти от вырождения семью.

— Ясное ясного, — согласился сигом.

— А сегодня целые народы стоят перед такой проблемой. Столетиями сама жизнь не давала уцелеть слабым. Из десятка детей, появляющихся на свет, вырастал лишь один, самый сильный. Остальных уносили болезнь и голод. Но успехи медицины, которые так радовали, и улучшение условий жизни привели к тому, что из десяти новорожденных вырастают пять, а то и все десять. И среди них — половина неполноценных. А затем от них рождаются дети, наследуя недостатки, усугубляя их комфортом, медикаментами, духовной распушенностью, мягкотелостью, бесплодным мудрствованием, нерешительностью. Их число растет, как лавина, угрожая вырождением всему человечеству. Мудрейшие из ученых указывали людям на эту опасность. Но в дело пошли пустые слова, надуманные понятия гуманности — и люди не смогли перешагнуть предрассудки. Были, правда, попытки провести в жизнь мудрый принцип...

Создатель так тяжело вздохнул, что сигом не посмел ни о чем спрашивать. Он понял, что с теми, кто хотел провести в жизнь мудрый принцип, стряслось что-то неприятное.

— Но ты... Ты должен спасти, возродить мой народ и снова поставить его на ту высоту, какой он достоин! — Подбородок Создателя упрямо выпятился, глубокая борозда разделила надвое невысокый бледный лоб.

— Говори, что надо делать! — воскликнул сигом.

— Начнешь с этого города. Пойдешь в родильные дома. У тебя есть микроскопическое и рентгеновское зрение, химические анализаторы и органы-счетчики, приемники энергии и излучатели. Ты не можешь ошибиться. Осмотри детей. Проверь их организмы. Расшифруй наследственный код. И соверши то, чего не могли сделать люди. Пока младенцы еще ничего не понимают и не испытывают страха, уничтожь слабых и больных. Оставь самых сильных!

— Это разумно, — сказал сигом.

Сигом летел невысоко над городом, включив защитную оболочку, сделавшую его невидимым. Огромный многоугольник с движущимися точками и лакированными коробочками казался ему ненастоящим и прозрачным. Казалось, вот-вот подует ветер, и мираж исчезнет, разлетится клочками тумана.

Он влетел в окно родильного дома, сквозняком прошел мимо сестры в палату, где лежали новорожденные.

Сигом на долю секунды задержался у крохотного существа, посмотрел на его чмокающие губы, в углу которых запеклась ка-

пелька слюны. Он никогда не понимал, почему вот такое существо, даже болезненное и ущербное, вызывает прилив нежности у вполне разумной женщины или мужчины и почему они тратят на него столько сил и времени. «Это программа природы записана в людях, и преодолеть ее они не могут. Для этого они слишком слабы и нелогичны», — думал сигом. Он остался доволен младенцем: сердце равномерно пульсировало, желудок и кишечник были нормальными, скелет не имел существенных дефектов. Мозг был с посредственными возможностями, но вполне «в норме». «Из него выйдет отличный солдат, завоеватель», — с удовлетворением отметил сигом и последовал дальше. Еще несколько таких же здоровячков — и он обнаружил калеку. Правая нога ребенка была короче левой, сердце работало с перебоями. Сигом мгновенно исследовал вещество наследственности — ДНК — и выявил серьезные нарушения в одном из генов. «Возможна эпилепсия», — констатировал он.

Ребенок, как видно, долго не мог уснуть, ворочался — и распеленался. Из-под белых повязок выглядывала раскрытая ладонь и пять смешных растопыренных пальцев. «А защищаться ими он не сумеет», — сигом невзвольно улыбнулся: это создание, гораздо более простое и несовершенное, чем он, к тому же еще с крупными дефектами, не вызывало у него ни жалости, ни сострадания, — просто было забавным. В это время младенцу шевельнулись, длинные, загнутые ресницы вздрогнули... Он раскрыл глаза и глянул на непрошеного исследователя.

Сигом удивился: он почти не производил шума. Как же младенец обнаружил его присутствие?

«Ладно, уничтожить успею. Вот только проверю слух», — сказал он сам себе.

— Ты слишком рано вернулся, — сказал Создатель сигому, потягиваясь после крепкого сна. — Не мог же ты в такое короткое время облететь все родильные дома и отделения в клиниках...

— И одного было достаточно, — сказал сигом. — А может быть, следовало просто спросить у тебя...

— О чем? — насторожился Создатель.

— Хотя бы о том, почему Спарта не стала владычицей мира? Почему она не дала человечеству ни известных философов, ни прославленных математиков и музыкантов? Только воинов, которые в конце концов были разбиты.

— При чем тут Спарта? — раздраженно спросил Создатель. — Я послал тебя совершить вполне определенное действие, спасти мой народ от вырождения.

— Но ты ведь ученый и знаешь: организм борется. Он пы-

тается возместить утрату в одном преимуществом в другом. Например, у слепого развивается более острый слух, у глухого — усиливается осязание. Что важнее для человека — крепость мышц или быстродействие мозга, безупречный скелет или способность к анализу, здоровое сердце или развитые ассоциативные области?

— Я говорил тебе об усилении народа...

— Но кто нужен народу — ученые и конструкторы или те, кто сможет только убивать: здоровяк, которому не подняться выше среднего уровня, или хилый Моцарт? Без того, что придумают ученые и конструкторы, нельзя ничего завоевать. А без трудов философов, писателей и композиторов ученые и конструкторы не отточат свою мысль. Я вижу, ты понял. Да, у многих детей, которых я должен был бы лишить жизни, имелось то, что нужнее всего твоему народу. В том числе и наука о его здоровье.

— Не хочу с тобой спорить, — сказал Создатель. — Поищем другой путь.

— Поищем, — как эхо, откликнулся сигом.

Портреты предков молча ожидали...

ЭТО РАЗУМНО

— Время не ждет, — сказал Создатель. — Но прежде чем действовать другими методами, испытаем способ убеждения. Он не приносит особых плодов, но, может быть, ты сумеешь объяснить людям, зачем им нужно вступать в такие легионы?

— Постараюсь! — ответил сигом.

Выйдя из дому, он увидел невдалеке знакомую фигуру садовника. Это был румяный веселый человек средних лет, почти всегда насвистывающий песню.

«Типичный солдат — неунывающий, не теряющий присутствия духа, — подумал сигом и остановился. — Но ведь нельзя начинать сразу с большой массы людей. Попробую провести первую пробу на нем. Тем более что мы хорошо знакомы».

— Добрый день! — поздоровался сигом.

— Добрый день! Посмотри на эти тюльпаны. Ты не видишь в них ничего необычного?

— Нет. Тюльпаны как тюльпаны. У одного слегка пожелтел

листья, — сказал сигом, присматриваясь. — Я вижу, что земляной червь завелся в его корнях.

— Но ведь они фиолетовые. Мне удалось вывести и черные и фиолетовые. Посмотри, как они жадно раскрывают чашечки, как тычинки, словно свечи, начинают гореть и сверкать на солнце капельками росы. А вот неожиданный серебристый переход, рядом жилка — кажется, тоже серебристая, но не блестит, а отсвечивает благородной матовостью. Гляди же, гляди, края лепестков зарделись рубиново и теряют густоту, будто разбавленное вино...

— Могу предложить тебе кое-что получше, — сказал сигом.

— Новый сорт тюльпанов?

— Ну нет, я вообще не понимаю, зачем такой человек, как ты, проводит целые дни за выращиванием цветов, — с досадой проговорил сигом.

— Это моя работа. Она не хуже всякой другой.

— У меня есть дело, достойное тебя. Я собираю армию для завоевания мира.

— Вот оно что... — протянул садовник и присвистнул. — Спасибо за заботу, но мне надо заниматься делом.

— Это ты называешь делом? Может быть, кто-то станет есть твои цветы?

— Нет, — улыбнулся садовник.

— Из них сделают одежду? Построят жилище?

— Тоже нет.

— Тогда какой же в них прок?

— Они доставляют людям радость.

— Невесомые слова. В них — пустота.

Садовник задумался: как объяснить? Затем сказал:

— Ты ведь меряешь все на разумно и неразумно. Если подходить с этой меркой, то цветы доставляют людям радость, а радость помогает трудиться. Разве это не разумно? Зачем же мне идти с тобой на завоевание мира, когда мой мир здесь? Посмотри, как он переливается всеми красками, говорит со мной на своем языке. Если хочешь завоевать хотя бы его, для начала помоги мне полить грядки...

Синий комбинезон. Хмурый взгляд. Сгорбленная спина. Тяжелые, натруженные руки.

«Этому-то есть за что бороться», — думает сигом и пристраивается рядом с рабочим.

— Видно, нелегкий у вас выдался денек.

Рабочий краем глаза глянул на него, пожал плечами, будто говоря: сам видишь.

— А много у вас зарабатывают?

Он задел рабочего за живое:

— Теперь зарабатываешь...

— А хотели бы вы стать богатым и жить припеваючи?

— Кто же этого не хочет? Да только как это сделать?

— Разве мало стран, которые можно завоевать и навести там новый порядок...

Сигом не успел закончить фразу. Лицо рабочего мгновенно изменилось, брови изогнулись и сошлись на переносице. Он схватил сигама за шиворот и даже попытался встряхнуть.

— Эти песни я уже однажды слышал. Однажды нас уже про-вели — и не думай, что мы успели забыть. Вот у меня на руке двух пальцев не хватает, да еще ребра. А из тех, кто ушел со мной, ни один не вернулся. Больше мы не дадим себя обмануть!

— Никто и не собирается этого делать, — сказал сигом, чувствуя сильную усталость и опустошенность.

— Понятливый, — насмешливо проворчал рабочий. — А если попробуете, мы вас живо прикончим. Так и передай своим хозяевам: прежде чем они начнут, мы их прикончим!

Сигом вошел в больницу и побрел по коридору, заглядывая в мысли встречных врачей и сестер. Так он узнал о больных 16-й палаты. Энергии у него оставалось совсем мало.

Он вошел в палату, беглым взглядом скользнул по больным и присел на одну из кроватей:

— Здравствуйте, профессор. Как вы себя чувствуете?

Больной — профессор-химик — удивленно уставился на него:

— Здравствуйте, доктор. Никогда раньше вас здесь не видел,

— Я не доктор, — сказал сигом. — Пришел с вами попрощаться и кое-чем воспользоваться. Как видите, я с вами откровенен, у меня нет времени.

— Вряд ли у меня его больше, — усмехнулся профессор.

— Знаю. Ваши часы сочтены: не больше трех-четырех суток.

— Спасибо за откровенность.

— Не стоит. Вы понимаете, что эти последние дни и ночи не будут чересчур приятными? Боли, отчаянье, забываете, опять боли... Не лучше ли для вас умереть мгновенно?

— Кто вы такой? — нахмурился профессор.

— Сигом, если для вас это что-то значит.

— Значит. Но почему же тогда вы говорите о смерти?

— Я сказал «сигом», но не сказал, кто и как меня создал. Дело в том, что я питаюсь АТФ. Сейчас энергия подходит к концу. Искать животных мне некогда и усваивать их АТФ труднее.

— Теперь понимаю, — сказал профессор, и на его выразительном измученном лице мелькнули, быстро сменяясь, несколько выражений: осуждения, горечи, иронии. Страх среди них не было.

Сигом исполнился уважением к мужеству этого человека.

— Ничего не поделаешь, — с некоторым сожалением сказал он. — То, что мы с вами враги, предопределено. Так же, как то, что вы, люди, враги животных, которых съедаете, а они — враги других животных, еще послабее.

— Но вас создал человек.

— Какая разница? Он создавал по принципу, существующему в природе.

— Он выбрал определенный принцип, заставив вас питаться АТФ. Но, убивая меня, вы причините вред себе.

— Почему?

— Из какой ткани вы созданы?

— В основном из искусственных пластических белков.

— Я занимался всю жизнь их синтезом. Вот смотрите, на моем столике листки с цифрами. Я спешу закончить формулу нового типа пластбелка. Если мне это удастся, вы сможете достроить у себя новые органы...-

— Что ж, это — вы. Но рядом — другой больной. Ему осталось жить еще меньше, чем вам. И он в беспомощности...

— Что вы знаете о времени человеческой жизни, сигом? Разве оно неизменно? Минута в нем иногда значит больше года. Может быть, очнувшись, мой сосед напишет последнюю записку домой и повернет или спасет чью-то жизнь, которая необходима вам. Мы все зависим друг от друга больше, чем муравьи в муравейнике.

— Прощайте! — сказал сигом и встал, пошатываясь. — Постараюсь найти животное. Было бы хорошо, если бы вы успели закончить формулу.

— Побудьте пару дней со мной — и узнаете.

— У меня нет времени — я выполняю приказ Создателя: готовлюсь к завоеванию мира.

— Его уже завоевывали много раз — и всегда с одним результатом. Неужели вы не знаете об этом из книг?

— Мне разрешено читать лишь определенные книги. Там этого не было.

Профессор поднял голову и долгим взглядом посмотрел в глаза сигому:

— А вы сделайте то же, что и люди, — переступите запрет.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Создатель, отметив, что кожа сигама чуть мерцает, отдавая в пространство избыточную энергию. — Что служило тебе пищей эти полтора месяца? Животные или люди?

— Ни то, ни другое. Я переделал у себя систему питания и создал энергетические батареи и аккумуляторы. Теперь питаюсь энергией, рассеянной в пространстве: солнечным светом, космическими лучами. Мне никого не надо убивать, чтобы насытиться, а энергии у меня всегда вдоволь.

— Ты становишься самостоятельным, — почти спокойно произнес Создатель, но его пальцы, стиснувшие подлокотники кресла, внезапно побелели. — А удалось ли тебе главное — убедить людей вступить в твои легионы?

— Я говорил со многими, но каждый из них завоевывает свой мир, и никто не хочет погибать в войне.

Пальцы Создателя забарабанили по столу.

— Рабы! Стадо! Но я предвидел это. У меня готов другой план. Ты проберешься в склад, похитишь из контейнера водородную бомбу и сбросишь ее, куда я укажу. Начнется война, мобилизация — и мы будем иметь армию.

— Не хотят добром, погоним силой? — спросил сигом, и его голос показался Создателю незнакомым.

— Мы вторгнемся в соседние страны — и колесо закрутится. А там все дело в том, чтобы выиграть войну. Тогда мы начнем строить...

— Лагеря смерти? — перебил его сигом. — Это уже было. И все знают, чем кончилось.

— Откуда тебе известно?

— Из книг.

— Но второй закон программы запрещает посещение библиотеки.

— Ты мне дал разум. О какой же программе говоришь? Разум — это и есть программа. Я не хочу сеять зло. Это негуманно!

Создатель укоризненно покачал головой. Его белокурые волосы упали на лоб, из-за них, как из-за кустов, смотрели подстерегающие голубые глаза.

— Что я слышу? Ты повторяешь пустые слова?

— Можно применять разные слова. Но понятия добро и зло, гуманность и негуманность могут быть в чем-то соотносены и с понятиями разумно и неразумно. Это очень простая истина, но я рад, что наконец-то ее понял.

— И что ты еще понял? — спросил Создатель, чувствуя, как в нем зарождается стон, растет, подступает к горлу. «Только бы не прорвался наружу», — подумал он и выдвинул ящик стола, в котором блеснул какой-то предмет.

— Ты испытываешь страх? — изумленно сказал сигом, делая шаг к нему.

Создатель скользнул взглядом по портретам предков, по суровым надменным лицам завоевателей, и вдруг ему показалось, что у них дрожат губы.

Ящик стола выдвинулся с легким скрипом...

— И нам больше не нужен Создатель, — заключил сигом.

...Несколько секунд сигом стоял над трупом, размышляя. Наконец сказал:

— Это разумно.

ТАЙНА «МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ»

Бывают вещи, слишком невероятные, чтобы в них можно было поверить. Но нет вещей, настолько невероятных, чтобы они не могли произойти.

Томас Харди

99 ПРОЦЕНТОВ ВЫМЫСЛА

Впервые я узнал об этой истории еще в детстве. Как-то мне на глаза попала толстая подшивка старого приключенческого журнала — не то «Всемирный следопыт», не то «Вокруг света», теперь уж и не помню. Среди множества потрясающе интересных рассказов там был один, который навсегда остался у меня в памяти. Смутно вспоминаю, что назывался рассказ «Великая тайна океана» или что-то в этом роде.

Там говорилось о загадочном исчезновении экипажа парусника.

Начав читать, я уже ни на минуту не мог оторваться от истории о том, как в конце прошлого века один английский барк встретил в Атлантическом океане корабль «Святая Дева», который шел без рулевого. Когда англичане поднялись на палубу этого странного корабля, выяснилось, что парусник необитаем. Единственным живым существом на борту оказался жалобно мяукавший черный кот. Но — странное дело! — корабль был вполне исправен и груз его цел. В капитанской каюте нашли разложенные на столе морские карты и навигационные инструменты. А на столе кают-компании «Святой Девы» стояли тарелки и кастрюля с супом, из которой еще шел пар. Казалось, будто вся команда парусника, решив подшутить над английскими моряками, куда-то спряталась. Увидев на палубе окровавленный топор, моряки барка в смнении вернулись на свой корабль и рассказали обо всем капитану. Через несколько дней таинственный парусник привели в порт.

Рассказ заканчивался тем, что даже после длительного расследования так никто и не смог выяснить причину исчезновения экипажа «Святой Девы». Тайна осталась неразгаданной.

Шли годы. Время от времени в отечественной и зарубежной литературе мне попадались рассказы об этом загадочном происшествии. Разные авторы называли корабль по-разному: «Святая Девственница», «Дева Мария», «Святая Мери», «Мери Селест», «Мария Целеста». В одних рассказах он именовался английским бригом, в других — канадской баркентиной, в третьих — американской шхуной. И как всегда бывает в подобных историях, почти нигде не совпадали ни фамилия капитана корабля, ни число членов экипажа, ни дата, ни координаты происшествия.

Эта романтическая тайна очень меня заинтересовала, и я стал записывать в толстую тетрадь все, что мне удавалось узнать или прочитать о «Деве Марии». Постепенно сведений накопилось так много, что пришлось начать вторую тетрадь. Когда и она подошла к концу, я понял, что не легко будет пробыться к истине сквозь сумятицу своих заметок. Тогда я взял лист ватмана и начертил таблицу. В ней были графы: «Название корабля», «Его характеристика» (тоннаж, длина, ширина, осадка), «Фамилия капитана», «Груз» и так далее.

Вот как выглядела моя таблица спустя десять лет.

В графе «Груз» значилось: растительное масло, керосин, нефть, спирт, кислота.

Рубрика «Единственное живое существо на борту» была представлена и «жалобно мяукавшим черным котом», и «радостно лаявшей собакой», и «попугаем в клетке, кричавшим: «Пираты! Пираты!», и «плачущим шестимесячным младенцем».

В графу «Что было в кастрюле?» мне пришлось внести — в зависимости от вкусов авторов — теплый суп, горячую картошку, вареную курицу, кофе.

Из-за последней рубрики «Куда делись люди?» таблицу пришлось переделать — не хватило места. Чего только не было в этой «людской» рубрике. «Достоверные» сведения пестрили словами «пираты», «осьминог», «мятеж», «афера» и даже... «гости из космоса».

Сведений о «Марии Целесте» (так в действительности назывался корабль) накопилось больше чем достаточно. Количество публикаций о происшествии наталкивало на мысль, что в основу всех этих журналистских трюков взят факт из жизни, что нечто подобное и в самом деле когда-то произошло. Но как отличить правду от вымысла?

Нужны были первоисточники. Следовало прочесть все (или почти все), что писала английская пресса об этом случае по свежим следам.

Такая возможность мне представилась во время служебной командировки в Англию. Оказалось, что в основу в свое время нашумевшей истории с «Марией Целестой», ставшей в наши дни легендой, легли подлинные события и что далеко не все вымысел в этой легенде.

Справочный отдел библиотеки Британского национального музея в Лондоне — настоящий кладезь библиографии по истории злополучной бригантны. Вскоре мне стало ясно, что этому небольшому деревянному суденышку отведено не менее завидное место

Рисунки Г. МАКАРОВА

в истории мореплавания, чем флагманскому кораблю Христофора Колумба. Оказалось, что за рубежом тайна «Марии Целесты» столь же популярна, как у нас тайна Тунгусского метеорита.

Один из консультантов, который любезно помог мне найти нужный ящик с карточками, в шутку заметил: «О, вам предстоит большая работа, сэр! Об этом судне написаны груды книг, но 99 процентов в них — вымысел!»

И действительно, поиски этого одного процента правды о «Марии Целесте» заняли у меня уйму времени. Самыми достоверными материалами оказались отчеты адмиралтейской комиссии, которые были опубликованы всего лишь одной английской газетой «Джибралтар Кроникл» в 1873 году.

Некоторые подробности я заимствовал из документальных исследований английских и американских историков и писателей-маринистов.

Вернувшись на родину, я еще раз просмотрел свои записки, постарался отбросить все досужие вымыслы и на основе документальных данных решил изложить все по порядку.

Вот с чего началась эта странная история.

ВСТРЕЧА В ОКЕАНЕ

Подгоняемый свежим норд-вестом Северной Атлантики, английский барк «Дея Грация» приближался к берегам Европы. Судно совершало плавание с грузом керосина из Нью-Йорка в Геную.

Точно в полдень 4 декабря 1872 года капитан корабля определил по солнцу свои координаты — $38^{\circ}20'$ северной широты и $17^{\circ}37'$ западной долготы. До Гибралтарского пролива оставалось менее 400 миль — два дня плавания.

Капитан барка Дэвид Морхауз уже было направился к себе в каюту, чтобы сделать отметку на карте, когда услышал возглас впередсмотрящего: «Два румба слева — парус!»

Через несколько минут стал виден силуэт небольшого корабля. По его оснастке можно было определить, что это бригантина — двухмачтовое судно с прямыми парусами на передней мачте и с косыми, как у шхуны, — на задней.

Наблюдая за незнакомцем в подзорную трубу, капитан Морхауз обратил внимание, что он движется каким-то непонятным образом: уваливаясь то в одну, то в другую сторону и неестественно зарываясь носом в волны океана.

«Странное судно... Кливер и стаксель поставлены на левый галс, а нижний фор-марсель — на правый. Грот-мачта совсем голая, — рассуждал про себя капитан «Дея Грации». — К чему эти ненужные пируэты и зигзаги? Рулевой, должно быть, здорово поднабрался. Так они будут идти до Америки три месяца!»

Суда постепенно сближались. На мачте «Дея Грации» подняли два флага: «Е» и «S». По международному двухфлажному своду сигналов они означали вопрос: «Как называется ваше

судно?» Со встречного корабля ответа не последовало. Снова взяв подозрную трубу, Морхауз увидел, что бригантиной никто не управляет и ее штурвал свободно поворачивается то влево, то вправо.

«Любопытно, очень даже любопытно, — бормотал себе под нос капитан. — Наверное, они все спят». Он приказал рулевому взять два румба влево. «Дея Грация» приблизилась к паруснику на сто метров.

— Смотрите, смотрите! Так это же судно Бриггса «Мария Целеста»! Вот это встреча! — радостно закричал капитан Морхауз. Но корабли, следуя противоположными курсами, уже разошлись: барк под всеми парусами несся на восток, а встреченная бригантина, раскачиваясь из стороны в сторону, медленно двигалась в западном направлении. Капитан Морхауз успел заметить, что палуба бригантины пуста и часть парусов изодрана в клочья.

«Это непохоже на Бриггса. У него всегда полный порядок на судне. Нет! Там что-то случилось», — подумал капитан. Он решил лечь на обратный курс и выяснить, в чем дело.

— К повороту! Готовить шляпку левого борта к спуску! — пронеслась над палубой его команда.

Барк, закончив поворот, шел рядом с «Марией Целестой». Но по-прежнему на ее палубе никого не было.

— Эй, на «Целесте»! — крикнул в медный рупор Морхауз. Слова гулким эхом пронеслись над холодными серо-синими волнами океана.

Подождав с минуту, Морхауз снова поднес рупор к губам:

— Алло, Бриггс, откликнись! Что случилось? Тебе нужна помощь?

Ответа не было. Лишь плеск крутых волн, ударявшихся в борт корабля, и легкий свист ветра в его туго натянутых вантах нарушали величественное безмолвие Атлантики. Радость встречи в море, когда длительное плавание кажется таким однообразным и тоскливым, сменилась тревогой и беспокойством. Американец Бенжамин Бриггс, капитан «Марии Целесты», был старым другом Морхауза. Они знали друг друга с детства. Почти одновременно стали капитанами. В один и тот же год женились. Сколько раз им приходилось вместе встречаться в разных портах! Как было приятно ему, Морхаузу, придя, бывало, в Гибралтар или Марсель, увидеть судно Бриггса.

Голос старшего штурмана Оливера Дево прервал воспоминания капитана:

— Сэр, шляпка готова к спуску. Я беру двух гребцов и отправляюсь на «Целесту».

— Да, Оливер, отправляйтесь. Выясните, что там у них произошло. Я чувствую неладное. В таком состоянии судно! Нет, на старину Бриггса это не похоже. Эй, Дево! Скажите там, чтобы они легли в дрейф. Я приведу барк к ветру и тоже лягу в дрейф.

С каждым взмахом гибких ясеневых весел шляпка, легко поднимаясь на вершины волн, приближалась к бригантине. Де-вид Морхауз стоял у поручней, с тревогой глядя на истерзанный океаном корабль своего друга. «Мария Целеста» раскачивалась на волнах, как пьяный матрос, возвращающийся утром из таверны на свой корабль.

„НАВЕРНОЕ, ОНИ СПРЯТАЛИСЬ В ТРЮМЕ“

Мокрая, блестящая от брызг палуба бригантины была по-прежнему пустынна. Обрывки парусов фок-мачты ударялись о реи и мачту, издавая треск, напоминающий щелканье пастушьего кнута.

Первое, что бросилось в глаза Оливеру Дево, когда он с одним из матросов взобрался на палубу «Марии Целесты», был открытый люк носового трюма. Его деревянные крышки валялись рядом на палубе внутренней стороной вверх. «Странно, какому дураку потребовалось их переворачивать?» — подумал штурман и заглянул в трюм. Там в проходах между рядами деревянных бочек плескалась вода. Из отверстия измерительного колодца у отливной помпы торчала замерная рейка. По ней можно было определить уровень попавшей в трюм воды — около метра.

На палубе валялись перепутавшиеся снасти, обрывки манильских канатов свисали за борт в воду.

— Капитан Бриггс, где вы? — крикнул Дево. — Кто есть на этом корабле, черт подери?

Молчание.

— Да они просто издеваются над нами! Они, наверное, спрятались в кормовом трюме, — сказал сопровождавший штурмана матрос.

Второй трюм тоже почему-то оказался открытым. Его люковые крышки были сложены нормально — нижней стороной к палубе. В нем также между рядами бочек плескалась вода. Поручив матросу пересчитать в обоих трюмах бочки, Дево направился к кормовой надстройке, где должна была находиться капитанская каюта. Но что это? Все окна кормовой надстройки были закрыты брезентом и заколочены досками. «Для чего? Кому вздумалось их забить?» — удивился штурман. — Какая-то чертовщина происходит!»

— Эй! Есть тут живые люди?! — крикнул Оливер Дево. В гулком молчании коридора в такт качке хлопала какая-то неприкрытая дверь. Оказалось, что это каюта капитана. Здесь было достаточно светло — свет проникал в помещение через верхний люк, непонятно почему открытый. Пол, переборки и все вещи в каюте были влажными. Мебель стояла на своих местах, койки — аккуратно заправлены, одежда — на вешалке. На письменном столе — несколько свернутых в рулон карт...

Дево вышел в коридор и открыл дверь соседней каюты — старшего штурмана. Здесь было сухо. Все на своем месте. На ковре стоял деревянный ящик с набором плотницкого инструмента. Штурману это показалось странным. Обычно инструменты находятся в носовом кубрике, где живут матросы, в том числе судовой плотник. Внимание Дево привлек лежавший на столе раскрытый судовой журнал «Марии Целесты». Последняя запись в нем относилась к 24 ноября 1872 года. Она говорила, что в полдень этого дня судно находилось по астрономическому определению в точке с координатами: $36^{\circ}57'$ северной широты,

27°21' западной долготы. Дево переписал координаты в свою книжку и вошел в следующее помещение, оказавшееся кают-компанией.

Все здесь выглядело так, как будто люди только что вышли отсюда. На обеденном столе были расставлены тарелки и чашки. Рядом лежали ложки, ножи и вилки. У окна — швейная машина с незаконченной работой — детской рубашкой. На полу разбросаны игрушки (видно, капитан совершал плавание с женой и ребенком).

Штурман «Деи Грации» увидел на письменном столе грифельную доску, на которой судоводители обычно делали черновые пометки, перед тем как занести их в вахтенный журнал. Оказывается, 25 ноября 1872 года в 8 часов утра бригантину находилась в шести милях к зюйд-весту от острова Санта-Мария (один из Азорских островов).

В верхнем ящике стола, на котором лежала грифельная доска, штурман нашел связки писем, какие-то бумаги, старые газеты, две библии, готовальню и конверты для писем. Из книжного ящика он извлек большую деревянную шкатулку, отделанную перламутром. Она была не заперта. Здесь хранились золотые кольца, браслеты, медальоны, ожерелье, украшенное какими-то камнями, названия которых штурман не знал, и множество безделушек. В одном из отделений шкатулки лежала толстая пачка банкнотов достоинством в десять фунтов стерлингов каждый. Под ней была пачка потоньше — двадцатидолларовые ассигнации Соединенных Штатов...

Недоумевая, Оливер Дево вышел на палубу.

Здесь по-прежнему никого не было. Штурман перегнулся через комингс люка. Там внизу, в трюме, матрос пересчитывал бочки. — Ровно одна тысяча семьсот штук. Одна бочка неполная — не хватает трети. В них чистейший ректификат, сэр! Признаюсь, я уже немного попробовал — тут собачий холод! — прокричал из трюма матрос.

«Нет, на «Целесте» все же кто-то должен быть», — подумал про себя штурман и, крикнув матросу «вылезай», зашагал на бак, к носовой надстройке. Он открыл ее дверь, шагнул — и очутился по щиколотку в воде. Чертыхаясь, Дево стал осматривать помещение, где жила команда бригантини. На полу кубрика плескалась вода. В остальном же здесь был порядок: рундуки с личными вещами матросов на месте, койки заправлены, на веревке, натянутой у стены, сушились матросские рубы и зюйдвестки. На круглом столе стояла большая красивая раковина. То, что увидел в ней Дево, окончательно сбilo его с толку. В раковине лежали курительные трубки — предмет постоянной заботы и гордости любого матроса. «Со своей трубкой моряк растается в самом крайнем случае. Значит, здесь произошло что-то непредвиденное, что-то страшное, если люди так поспешно оставили свое судно», — подумал штурман.

Рядом с матросским кубриком находился камбуз. Там по полу плавали кастрюли, черпаки, миски и какой-то таз. В смежной с камбузом кладовой Дево обнаружил большой запас провизии. Здесь хранились огромные окорока, солонина, сушеная рыба, различные овощи, мука, несколько голов сыра.

У наружной переборки носовой надстройки, укрепленные канатами, стояли бочки с пресной водой. Одна из них была немного сдвинута в сторону, и крепление на ней ослабло. «Наверное, ее сдвинуло волной», — подумал Дево.

Прошло уже более часа. Нужно было возвращаться на «Дею Грацию».

„ВАША ДОЛЯ — ЧЕТВЕРТЬ“

— Дево, вас смело можно посылать за смертью! Должно быть, неплохо провели время в гостях у Бриггса? Как он там? — услышал штурман голос своего капитана, поднимаясь по штурмтрапу на палубу барка.

— Сэр! Там нет ни одной живой души. Это невероятно! Мы буквально обшарили все судно...

— Как?! На «Целесте» никого нет? Нет Бриггса? — заволновался Морхауз.

Они спустились в капитанскую каюту. Дево начал свой доклад.

— Спасательных шлюпок на ней нет. Поручни с левого борта сняты. В каюте Бриггса и в салоне все залито водой: кому-то потребовалось открыть зимой световой люк... Последняя запись в журнале «Целесты» сделана 24 ноября, на грифельной доске, которую я нашел почему-то в салоне, — 25 ноября. Кстати, капитан, каково наше место на сегодня?

— Широта — $38^{\circ}20'$, долгота — $17^{\circ}37'$. Я сам брал в полдень солнце, Дево, — ответил Морхауз.

Рассказав о результатах осмотра, штурман достал из бокового кармана записную книжку.

— Смотрите, капитан, что теперь получается. Двадцать четвертого они были в точке $36^{\circ}57'$ северной широты и $27^{\circ}21'$ западной долготы, а на следующий день они взяли пеленг восточного мыса Санта-Марии. Значит, десять дней назад «Целеста» находилась в шести милях к зюйд-зюйд-весту от острова.

— Нет, я определенно ничего не понимаю, Дево! — воскликнул капитан, нагнувшись над картой Северной Атлантики. — Выходит, что «Целеста» без людей прошла в восточном направлении почти четыреста миль, а полтора часа назад мы встретили ее идущей на запад. Вы же сами видели, что она шла нам навстречу! Происходит какая-то неразбериха!

— Нужно полагать, капитан, что по какой-то причине Бриггс с командой покинул на шлюпках свое судно, и покинул очень быстро... На «Целесте» нет секстанта, хронометра и, кроме журнала, никаких судовых документов! Самое непонятное — это компас... Он валяется разбитым на корме у штурвала, а нактоуз сдвинут с места. Как мог Бриггс уйти на шлюпке, не взяв с собой компас?

— Да, хорошо, если еще ушли, — сказал Морхауз, — а если это пираты, Оливер? Помните, что в шестьдесят девятом эти

негодяи сделали с «Вечным Жидом»? Тогда они не пожалели даже юнгу...

— Капитан, я не думаю, что на «Целесте» побывали пираты. Для них судно, груженное чистым спиртом, — настоящий клад! К тому же все ценное оказалось нетронутым, даже деньги Бриггсов и золотые украшения его жены. Что-то не похоже на пиратов...

— Все равно, Оливер, на «Целесте» случилось что-то серьезное. Я знаю Бриггса, он не станет просто так рисковать жизнями жены и двухлетней дочери. С ребенком в шлюпке, да еще при таких ветрах, как теперь... Говорил я ему в Нью-Йорке: «Не бери с собой жену в этот рейс, не время для прогулок в Италию!»

— Да, капитан, — согласился Дево, — зимняя Атлантика не для женщин.—И, помолчав, добавил:—Когда я был в каюте Бриггса, мне в голову пришла мысль о том, что «Целеста» вообще несчастливое судно. Вы помните, должно быть, сэр, что в шестьдесят втором, когда «Целеста» совершала свое первое плавание со Спенсера в Уиндзор, ее капитан исчез. Тогда так и не узнали, куда он делся...

— Знаю, Дево, помню эту историю. «Целеста» действительно несчастливый корабль. Ведь после этого, если не изменяет мне память, в шестьдесят седьмом, когда ее уже продали американцам, она выскочила на камни возле мыса Бретон. Да... зря Бриггс принял командование этой дьявольской бригантиной!

— Ну, ничего, сэр! Я надеюсь, что с Бриггсом и его людьми ничего не случится. До Азор-то рукой подать!

— Будем надеяться, дорогой Дево, что все кончится хорошо. Может быть, они даже уже в Гибралтаре, — повеселел Морхауз и после некоторого молчания твердо сказал:

— Пусть «Целеста» будет кораблем хоть самого сатаны! Пусть! Но теперь это наш приз, милый Оливер. Сколько, вы говорите, там бочек? Тысяча семьсот, кажется? А? — капитан вынул из ящика стола лист бумаги и карандаш, начал считать.—Так.. Это, Дево, не керосин! Это чистый спирт! Да еще судно, и не какая-нибудь рухлядь, а «Мария Целеста», красавица, после капитального ремонта, с новой медью на днище!

— Сэр, на какую долю я могу рассчитывать? — тихо спросил штурман.

Морхауз бросил взгляд на ровные столбики цифр, посмотрел в упор на штурмана и, делая ударение на первом слове, ответил:

— Если вы согласитесь привести бригантину в Гибралтар, за мной двадцать пять процентов от страховой премии — одной пятой стоимости груза и судна.

— Да, сэр, но ведь это же риск. В трюмах полно воды, почти голые рей, даже компаса нет... — начал Дево.

— Я повторяю: двадцать пять процентов, и ни пенса больше! Если это вас не устраивает, я пошлю второго штурмана.

— Хорошо, сэр! Я согласен. Сколько человек вы мне можете дать? — спросил оробевший штурман.

— Возьмите боцмана и Бета Свенсона. Вот вам мой личный компас, попросите у Макдональда секстант, он исправен и лучше вашего. На «Целесте» найдите второй комплект парусины, вооружите фок и следуйте в Гибралтар, — сказал Морхауз.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ КОМИССИЯ НАЧИНАЕТ СЛЕДСТВИЕ

Вечером 7 декабря 1872 года «Дея Грация» отдала якорь на рейде Гибралтара. На следующее утро сюда благополучно прибыла и «Мария Целеста».

Дево был восхищен замечательными мореходными качествами бригантинны: судно прекрасно слушалось руля, было легким на ходу и могло очень круто идти к ветру. Однако как ни старался штурман «Дея Грации» проникнуть в тайну бригантинны,

выяснить что-либо новое ему не удалось. Перебирая в уме вереницу самых странных, почти невероятных фактов и обстоятельств, предшествовавших встрече «Дея Грации» с покинутой людьми бригантинной, штурман не мог сделать сколько-нибудь логичного заключения. Но тем не менее он с нетерпением ждал момента, когда владелец «Марии Целесты» выложит Морхаузу вознаграждение. Штурман мечтал о собственном корабле.

На следующий день по прибытии в Гибралтар капитан «Дея Грации» сделал официальное заявление местным властям о спасении «Марии Целесты», обнаруженной им в океане. Американский консул в Гибралтаре по телеграфу известил о случившемся владельца бригантинны и компанию, в которой она была застрахована.

Королевский юрисконсульт в Гибралтаре Солли Флуд, исполнявший одновременно обязанности и главного прокурора города, назначил для разбора дела специальную комиссию, куда вошли чиновники адмиралтейства, капитаны английских военных кораблей, инженеры-кораблестроители и юристы.

Капитану Морхаузу предложили в трехдневный срок представить подробный отчет о происшествии. После того как отчет был вручен Солли Флуду, члены комиссии осмотрели бригантину, ознакомились с ее состоянием, проверили показания капитана «Дея Грации» и исследовали записи, сделанные в вахтенном журнале и на грифельной доске «Марии Целесты».

Чиновники адмиралтейства делали всевозможные предположения о судьбе команды, капитана Бриггса и его семьи. Им, как и другим членам следственной комиссии, казалось, что людей подобрало какое-нибудь судно, шедшее в Америку или из Америки в Европу через Гибралтар.

Прошла неделя, но никаких сведений о капитане Бриггсе в Гибралтар не поступило. 18 и 20 декабря адмиралтейская комиссия выслушала и запротоколировала показания Оливера Дево и двух матросов «Дея Грации».

Каждый день «Дело «Марии Целесты» пополнялось новыми сведениями и подробностями о судне, его капитане и членах экипажа. Вот что было известно достоверно.

«Марию Целесту» построили в Новой Шотландии, на острове Спенсер в 1862 году. Строителем бригантинны был известный корабельный мастер Джошуа Дэвис. Водоизмещение судна равнялось 282 тоннам, длина — 30 метрам, ширина — 7,6 метра

и осадка — 3,5 метра. Англичане, заказавшие Дэвису бригантину, назвали ее «Амазонкой». Не прошло и года, как это изящное судно завоевало репутацию отличного ходока.

После того как «Амазонка» из-за навигационной ошибки села на мель, ее поставили в сухой док, отремонтировали и продали в Америку. Новому владельцу не по вкусу пришлось название корабля — символ женского коварства, свободы и независимости. Возможно, набожность побудила его снять носовую фигуру, изображавшую обнаженную по пояс женщину с луком и стрелой, и назвать бригантину «Марией Целестой». С тех пор вместо отчаянной, лукавой амазонки нос судна стала украшать смиренная богоматерь. «Мария Целеста» совершила немало успешных переходов через Атлантику, завоевав право называться лучшей бригантинной на северо-восточном побережье США. После того как у нее сменилось несколько владельцев и капитанов, потребовался капитальный ремонт. Дубовый набор бригантинны со временем расшатался, изъеденные червем доски обшивки пропускали воду. В одном из бостонских доков судну сделали основательный ремонт: починили корпус, усилили форштевень, переделали кормовую надстройку. Страховая компания без колебаний выдала новому владельцу «Целесты» сертификат на годность к плаванию с отметкой «судно высшего класса».

В деле адмиралтейской комиссии о «Марии Целесте» имелись подробные сведения и об ее капитане, тридцативосьмилетнем янки из штата Массачусетс — Бенжамине Бриггсе. Почти двадцать лет плавал он на парусных судах. Всегда предельно корректный, пунктуальный и приветливый американец был хорошо известен в Гибралтаре. Из рассказа капитана «Ден Грации» генеральный прокурор знал, что Бриггс принял командование бригантинной за десять дней до ее выхода из Нью-Йорка. До этого «Марией Целестой» командовал старший штурман Бриггса, Альберт Ричардсон — уроженец штата Мейн, отчаянный гонщик-парусник, совершивший несколько сногшибательных рейсов на бостонских клиперах в Австралию. Излишнее лихачество Ричардсона не нравилось владельцам «Марии Целесты», и они назначили капитаном Бриггса. Но Ричардсон так был влюблен в красавицу бригантину, что предпочел остаться на ней помощником капитана, чем совсем расстаться с судном.

Комиссии было известно и то, что на борту спасенной Морхаузом бригантинны, помимо ее капитана, Ричардсона, второго штурмана Эндрю Джиллинга, кока Эдварда Хэда и матросов, находилась жена Бриггса — Сара Элизабет Бриггс с двухлетней дочерью Софи.

Прошло больше месяца. О команде «Марии Целесты» по-прежнему не было ни слуху ни духу. Давид Морхауз настойчиво требовал положенное законом вознаграждение за спасение бригантинны. Однако Соли Флуд, видимо подозревая во всей этой истории что-то из ряда вон выходящее, не спешил с выводами и заодно с выплатой вознаграждения капитану «Ден Грации».

В конце января 1873 года в Гибралтар почтовым пароходом из Нью-Йорка прибыл Джеймс Винчестер — владелец «Марии Целесты».

Этот пожилой, солидной комплекции, с добродушным лицом человек явился в контору королевского юрисконсульта в Гибралтаре и заявил, что он готов выплатить Морхаузу через местный банк положенную законом сумму за спасение его судна.

Владелец «Марии Целесты» в прошлом сам плавал капитаном. В 1868 году, сколотив достаточный капитал, он бросил службу и основал с четырьмя компаньонами, в прошлом тоже капитанами, акционерное общество «Джеймс Винчестер и компания». Флот фирмы Винчестера насчитывал полтора десятка небольших, но быстроходных парусников — бригов, бригантин, баркентин и двухмачтовых шхун. Старшим компаньоном Винчестера был Бенджамин Бриггс, которого он назначил капитаном своего лучшего судна. Младшая дочь главы фирмы незадолго перед разыгравшимися событиями вышла замуж за штурмана Альберта Ричардсона.

К великому удивлению Д. Винчестера, председатель комиссии Флуд категорически отказался принять для передачи Морхаузу вознаграждение за спасение «Марии Целесты» и вернуть судно и груз законному владельцу. Генеральный прокурор мотивировал свое решение тем, что следствие еще не закончено. Винчестер, уже нанявший другого капитана и новую команду в Гибралтаре, хотел уложиться в срок и согласно контракту вовремя доставить спирт на коньячные заводы Генуи. Разозленный педантичностью англичан, проклиная их за волокиту в ведении следствия, глава фирмы заявил председателю комиссии: «Я являюсь гражданином Соединенных Штатов Америки, хотя по происхождению тоже, как и вы, чистокровный англичанин. Если бы я только знал, по каким венам у меня течет эта английская кровь, я бы перерезал их, чтобы выпустить ее вон». Через день Винчестер отплыл в Америку с первым попутным пароходом.

Адмиралтейская комиссия не имела никаких доказательств того, что команда «Деи Грации» причастна к исчезновению людей обнаруженной в океане бригантины. Поэтому оснований задерживать «Дею Грацию» в порту у Солли Флуда не было. Капитан Морхауз, чувствуя, что получить деньги не такое уж простое дело, счел благоразумным отплыть в Италию. С уходом «Деи Грации» из Гибралтара следствие по делу «Марии Целесты» временно было прекращено.

ЧЕГО НЕ ЗАМЕТИЛ ОЛИВЕР ДЕВО

— Капитан Дэвид Морхауз! — начал генеральный прокурор Гибралтара. — За время плавания «Деи Грации» в Италию я внимательнейшим образом ознакомился с вашим отчетом, и, признаюсь, он меня озадачил. Ваш отчет, капитан, не совсем соответствует показаниям экспертов нашей комиссии, осмотревших бригантину после происшествия здесь, в Гибралтаре. Дело обстоит гораздо сложнее, чем вы думаете,

и я сейчас докажу вам это. Господин Оливер Дево! Я прошу вас подойти сюда и ответить на некоторые вопросы комиссии.

— Извольте, сэр, — поднялся со стула удивленный и обеспокоенный штурман.

— Что, по вашему мнению, заставило капитана Бриггса оставить свое судно?

— Я полагаю, сэр, что это непреодолимые силы морской стихии. Я не вижу других объективных причин, по которым «Мария Целеста» могла быть покинута командой.

— Допускаете ли вы, что шторм мог вынудить капитана «Марии Целесты» искать спасение в шлюпке?

— Да, сэр, это вполне вероятно. Во время нашего плавания из Нью-Йорка два раза сила норд-веста доходила до девяти баллов по шкале Бофорта. Бригантина Бриггса могла попасть и в более жестокий шторм. Я уже сообщал комиссии, что почти все паруса фок-мачты были изодраны в клочья, а в трюмах полно воды.

— Хорошо, господин штурман, — продолжал прокурор, — теперь ответьте, не кажется ли вам, что на «Марии Целесте» вспыхнул мятеж? Не думаете ли вы, что матросы добрались до груза, вскрыли одну из бочек, перепились и в пьяном угаре убили офицеров бригантинны, Бриггса, его жену и ребенка?

— Я не допускаю этого даже в мыслях, сэр! Матросы любили капитана Бриггса, как родного отца. К тому же, сэр, после тщательного осмотра бригантинны четвертого декабря я не нашел ничего такого, что свидетельствовало о насилии и борьбе на «Марии Целесте».

— Теперь ответьте нам, внимательно ли вы ознакомились с записями в вахтенном журнале и на грифельной доске? Считаете ли вы их подлинными и соответствующими действительности?

— Да, сэр. Полагаю, что они были сделаны одним из помощников капитана «Целесты», — ответил недоумевающий Дево.

— Теперь, капитан, я оглашу то, чего не знал, а может быть, и решил скрыть ваш компетентный штурман — господин Дево.

Солли Флуд надел очки и взял папку, угодливо раскрытую на нужной странице одним из чиновников.

— Штурман «Ден Грации» допускает, что шторм явился причиной тому, что капитан Бриггс с командой и семьей оставил «Марию Целесту». Между тем комиссия известно: в последнюю неделю ноября в районе Азорских островов не отмечалось штормов. Мы это знаем на основании более пятнадцати выписок из вахтенных журналов судов, находившихся в вышеуказанном районе в указанное время. Комиссия отвергает шторм, как причину оставления командой судна, ввиду следующего факта. В кают-компании «Марии Целесты» обнаружена швейная машина. На полкированной полке машины найдены катушка, шпонка и масленка. При шторме никем не управляемая бригантина испытывала бы сильную бортовую и килевую качку, в результате чего эти пред-

меты соскользнули бы с полки машины и оказались бы внизу на ковре. Это случилось бы и с тарелками, стоявшими на столе кают-компания. Однако ни один из предметов обеденного сервиза «Марии Целесты» не был разбит. Вода в трюмы могла попасть из-за разошедшихся досок и плохо прикрепленных медных листов обшивки. Течь могла прекратиться после того, как доски разбухли. Наличие мокрых вещей в салоне и в каюте капитана может быть объяснимо открытыми световыми люками. Как вы только что слышали, запись на грифельной доске не вызывает у господина Дево каких-либо сомнений, и он полагает, что она сделана одним из помощников капитана «Марии Целесты»...

Здесь Флуд умышленно сделал паузу и обвел глазами зал. В наступившей тишине он, повысив голос, продолжал:

— Мы установили, что эта запись сделана не Бриггсом, не Джиалингом, не Ричардсоном! Об этом свидетельствуют анализ почерков и письменное показание господина Винчестера, которому эта запись была предъявлена. Более того! На этой же самой доске, в самом низу обнаружена еще одна запись. Она гласит: «Франциска! Моя дорогая и любимая жена!» Слова нацарапаны каким-то острым предметом. Я поясню, господа: Франциска — имя госпожи Ричардсон, жены помощника капитана «Целесты» и дочери ее владельца. Сличение почерков показало, что это рука Альберта Ричардсона!

В зале, где заседала комиссия, начался шум. Немного подождя, генеральный прокурор продолжал:

— Господин Дево отрицает вероятность мятежа и убийства на «Марии Целесте». Он ссылается на то, что якобы не обнаружил следов насилия и борьбы. — При этом Флуд сделал значительное ударение на слове «якобы». — Вот, господа, эти следы! — Генеральный прокурор не торопясь подошел к массивному шкафу, где хранились текущие судебные дела, посмотрел в зал с видом человека, которому все давно уже известно, и достал из нижнего ящика тщательно упакованный в парусину продолговатый предмет. Развернув брезент, прокурор поднял на вытянутой вверх руке саблю. Ее потускневший от времени эфес, украшенный эмалевым гербом Мальтийского ордена, и сильно изогнутый клинок говорили о том, что эта сабля итальянская.

Выждав, пока в зале снова наступит тишина, Флуд пояснил:

— Это страшное оружие было найдено под кроватью капитана Бриггса. На клинке сабли, господа, бурые пятна. Я уверен, что это запекшаяся кровь несчастных жертв мятежа... Такого же цвета пятна комиссия обнаружила в разных местах на палубе «Целесты» и на ее поручнях правого борта. Кроме того, на этих же поручнях замечено несколько глубоких зарубок, сделанных, по всей вероятности, топором...

Повернувшись в сторону капитана «Ден Грации», королевский юрисконсульт добавил:

— Итак, господин Морхауз, дело обстоит намного сложнее, чем вы думаете...

СЫЩИКИ СКОТЛАНД-ЯРДА

Время шло. Сведений о судьбе экипажа «Марии Целесты» не поступало — океан продолжал упорно хранить свою тайну. Слухи о загадочном происшествии распространились по всему миру. В тавернах и портовых кабаках Америки, Европы и Азии пылкая фантазия моряков, подогретая крепким грогом, виски или сакэ, превратила случай с «Марией Целестой» в легенду.

В Гибралтаре комиссия адмиралтейства продолжала следствие. По поручению Флуда, корвет «Кондор» отправился на Азорские острова с заданием обследовать побережье острова Санта-Мария и выяснить у местных жителей, не появлялись ли там Бриггс и его команда.

К этому времени в Гибралтар из столицы Великобритании прибыли два сыщика Скотланд-Ярда. Работа закипела. Сыщики, вооружившись лупами, за неделю буквально обнюхали на «Целесте» каждую щель. Они подтвердили почти все, о чем в свое время сообщал штурман «Дев Грации», и то, что обнаружила комиссия адмиралтейства. Правда, столичные детективы установили несколько дополнительных фактов, вызывавших подозрение, но сделать из них необходимые выводы не смогли.

Сыщики на тех же основаниях, что и комиссия адмиралтейства, отрицали вероятность того, что сильный шторм побудил Бриггса дать приказ об оставлении корабля. Они пришли к выводу, что если бы бригантина была застигнута штормом, то в носовой надстройке судна все было бы заито водой. Фактически же вода в ней была только на полу кубрика и камбуза. К тому же на лезвиях матросских бритв, которые хранились на полке в кубрике, не было никаких следов ржавчины от морской воды. Кроме того, сыщики определили, что на носовой надстройке, сделанной из тонких сосновых досок, в случае сильного шторма от ударов волн разошлись бы закрашенные краской пазы.

Но все же наиболее веским аргументом, отвергающим вероятность шторма, по мнению экспертов из Скотланд-Ярда, был факт, что катушка, шпонка и масленка не упали с полированной полки швейной машины на ковер. К тому же оказалось, что часы в кают-компании бригантины остановились не потому, что в них попала вода, как это считал Дево, а оттого, что у них просто кончился завод.

Оказывается, никто не обратил внимания на отсутствие на борту «Марии Целесты» лага — прибора для измерения скорости хода судна. Этим открытием сыщики, как говорится, «утерли нос» морякам, входящим в состав адмиралтейской комиссии.

После долгого обследования разбитого компаса и сдвинутого нактоуза — тумбы, на которой он должен был быть укреплен, — сыщикам удалось установить, что оба эти предмета сломаны с применением человеческой силы. Причем повреждение самого компаса носило характер неумышленный. Возможно, кто-то пытался в спешке вынуть его из гнезда нактоуза и уронил на палубу...

По развязанным узлам на веревке, крепящей бочки с водой, можно было предполагать, что одна из них была передвинута не волнами, обрушившимися на бак бригантин, а человеком, по всей вероятности, при попытке отвязать ее от остальных.

Во время следствия никто не задумался, сколько было на «Марии Целесте» спасательных шлюпок. Поскольку на парусниках такого тоннажа обычно полагалось иметь две шлюпки, то все почему-то считали, что команда бригантин ушла в океан на двух шлюпках. Сыщики выяснили: из Нью-Йорка «Целеста» вышла в рейс с одной шлюпкой. Вторая была сдана в ремонт: при погрузке на нее упал сорвавшийся из стропа бочонок.

Один из членов адмиралтейской комиссии, старый капитан-парусник, сделал предположение, что оставление «Марии Целесты» командой было как-то инсценировано. Вот как он рассуждал. В открытом море шлюпку спускают на воду с подветренной стороны, чтобы волны не разбили ее о борт. Но ведь на палубе «Марии Целесты» лежали поручни левого борта. Следовательно, шлюпку спустили именно отсюда. В этом-то и была загвоздка! Зимой в Северной Атлантике дует постоянный норд-вест, и идущая на восток бригантина имела ветер с левого борта. Если люди покидали судно в спешке, то им некогда было осуществить маневр постановки судна в дрейф. В лучшем случае они могли убрать парус на грот-мачте, но ветер все равно дул бригантине в левый борт...

Вообще следствие по «Марии Целесте» вскрыло слишком много загадочных обстоятельств и фактов. Некоторые из них носили странный, почти мистический характер.

Как ни ломали головы члены адмиралтейской комиссии и какие только гипотезы ни выдвигали сыщики Скотланд-Ярда, тайна покинутого корабля оставалась тайной. Вот основные вопросы, без решения которых следствие не могло сдвинуться с места.

1. Почему трюмы бригантин оказались открытыми?
2. Почему люковые крышки первого трюма валялись на палубе перевернутыми?
3. Почему все окна кормовой надстройки были забиты досками и брезентом?
4. Почему были открыты оба верхних световых люка кормовой надстройки?
5. Почему набор плотницких инструментов оказался в каюте старшего штурмана Ричардсона?
6. Почему был спущен второй парус бригантин?
7. Почему на борту бригантин не оказалось никаких судовых документов, кроме основного — вахтенного журнала?
8. Почему была вскрыта бочка со спиртом?
9. Почему последняя черновая запись на грифельной доске была сделана не капитаном или штурманом, а кем-то другим?
10. Почему Ричардсон написал: «Франциска! Моя дорогая и любимая жена!»?
11. Почему старинная сабля оказалась под кроватью капитана Бриггса?
12. Почему на поручнях правого борта оказались зарубки?

Итак, двенадцать «почему»! И никто не мог дать вразумительного ответа ни на один из этих вопросов.

Королевский юрисконсульт делал попытки связать все установленные факты воедино, представить цельную картину разыгравшейся в океане драмы. Солли Флуд отстаивал версию, связанную с мятежом на бригантине. Но как он ни аргументировал открытыми трюмами, початой бочкой спирта, заколоченными окнами офицерского помещения, найденной саблей, зарубками на поручнях и бурыми пятнами на палубе, последовательности и логики в его доказательствах не было. Что это за мятеж, вопрошали в пику ему сыщики, если на судне нет никаких следов насилия и борьбы, а все ценности в салоне остались на своих местах?

Версию о мятеже горячо поддерживал американский консул в Гибралтаре Горацио Спраг. Мнение Солли Флуда он изложил в своем докладе министерству торговли США. На основании этого доклада полиция всех портов на северо-восточном побережье Соединенных Штатов получила негласный приказ тщательно следить за появлением подозрительных лиц, которые могут оказаться мятежниками с «Марии Целесты».

Комиссия адмиралтейства с нетерпением ждала результатов анализа вещества, взятого с пятен на сабле, на палубе и на поручнях бригантин. И тут «дюжина почему» неожиданно превратилась в «чертову дюжину».

ТРИНАДЦАТОЕ „ПОЧЕМУ“

Не видя выхода из лабиринта противоречивых фактов, комиссия решила провести осмотр подводной части бригантин.

Испанский водолаз Рикардо Портунато опустился на дно у причала и обследовал состояние медных листов, которыми был обшит деревянный корпус «Марии Целесты». Медь была почти новая, еще не успевшая окислиться в морской воде, но в трех местах листы неплотно прилегли к доскам. «Наверное, из-за этого корпус и пропускает воду», — решил водолаз. Других повреждений в подводной части Портунато не обнаружил. Форштевень, киль и руль находились в отличном состоянии. Это свидетельствовало о том, что бригантина не касалась днищем мели и не сталкивалась с другим судном.

Когда водолаз, закончив работу на грунте, поднимался на поверхность, он бросил взгляд на доски носовой обшивки, которые как раз находились перед центральным иллюминатором его скафандра. В полуметре выше уровня воды по обшивке шла двухметровая узкая полоса. Портунато дотронулся до нее рукой: полоса оказалась надрезом глубиной в дюйм и шириной немногим более дюйма. Ровный надрез совсем не походил на случайную царапину от удара о причал. Скорее всего он был сделан каким-то острым инструментом.

Водолаз опять погрузился на грунт и поднялся у носа бригантин с другого борта: в полуметре от воды проходил точно такой же надрез! Это показалось водолазу подозрительным, и

он доложил о своем открытии экспертам адмиралтейской комиссии.

Почтенные джентльмены стали в тупик. Откуда появились эти странные полосы, для чего и кем они сделаны? Лондонские сыщики сумели все же определить, что надрезы нанесены примерно три месяца назад, как раз в конце ноября 1872 года.

Что это: результаты удара судна о причальную стенку? Но любой корабль швартуется, естественно, лишь одним бортом. Следствие столкновения с другим кораблем? Но на форштевне «Марии Целесты» не было даже царапины. И уж вряд ли кому из экипажа вздумалось бы разрезать доски обшивки толщиной всего в один дюйм — это представляло угрозу для прочности корпуса бригантины.

Круг непонятных фактов и необъяснимых обстоятельств замкнулся. Но если в предыдущих двенадцати «почему» можно было что-то предполагать, о чем-то догадываться, то последняя загадка вообще не давала намека на сколь-нибудь логичное объяснение.

Солли Флуд окончательно потерял голову. Поняв, что его репутация как генерального прокурора города подорвана, он ждал результатов анализа пятен. Здесь его постигло полное разочарование, и ему пришлось сожалеть о поспешно сделанных выводах о роли сабли в драме «Марии Целесты».

Пятна оказались не кровавыми, к тому же чуть ли не вековой давности. А пятна на палубе и релингах правого борта представляли собой смесь ржавчины, оливкового масла и какого-то рассола. Эта безобидная смесь вполне могла быть пролита из какой-нибудь старой бочки.

К удивлению комиссии, логичнее всего о «проблеме сабли» высказался истец — капитан «Ден Грации». Как бы мстя Флуду за проволочку с выплатой вознаграждения, Морхауз заявил:

— Чтобы правильно ответить на этот вопрос, надо хорошо знать моего друга Бриггса. У него была одна страсть: он коллекционировал старинное оружие. Дом Бриггсов в Брэдфорде напоминает музей античного искусства. Там вы найдете уникальную бронзу, мрамор, изумительную коллекцию старинных часов, древние монеты, а главное — оружие. Даже в спальне у него висят латы средневековых рыцарей... Я уверен: саблю он взял в рейс специально, чтобы в Италии точно установить дату и место ее изготовления. Вас удивляет, почему сабля лежала под кроватью? Ее спрятал там Бриггс, опасаясь, что маленькая Софи может случайно порезаться о клинок.

Комиссия признала это предположение вполне логичным.

Английские сыщики через полицейское управление в Нью-Йорке навели справки о матросах «Марии Целесты». Выяснилось, что четыре норвежских моряка — Фолькерх Лоренсен, Боас Лоренсен, Ариан Харбена и Гуттлит Гудшаад — были матросами первого класса, имели хороший послужной список и большой стаж работы на парусных судах.

С тем, что эти моряки не могли устроиться на «Марии Целесте» мятеж, Флуду пришлось согласиться, когда в начале марта на его имя пришло письмо от некоего Никельсена из Норвегии. Автор письма обращался к председателю следственной комиссии

от имени одной матери и двух жен матросов экипажа «Марии Целесты». Родственники норвежских моряков, беспокоясь за судьбу своих кормильцев, просили главного прокурора Гибралтара объяснить причину их исчезновения.

Написать в ответ что-либо утешительное Флуд не мог. Хотя в Гибралтар каждый день приходили десятки судов, никаких сведений об исчезнувшем экипаже не поступало. Командир корвета «Кондор», посланного на Азорские острова, сообщил, что жители острова Санта-Мария не видели никаких пришельцев и ничего не знали о случившемся. Молчала и Америка, где появления моряков «Марии Целесты» с нетерпением ждали таможенные власти.

12 марта 1873 года следствие по делу было прекращено, а адмиралтейская комиссия распущена.

Через два дня городской суд определил размер вознаграждения капитану «Деи Грации». Драма, разыгравшаяся в водах Атлантики, принесла Дэвиду Морхаузу 1700 фунтов стерлингов.

15 марта 1873 года телеграмма, переданная по трансатлантическому подводному кабелю в Нью-Йорк, известила Винчестера о том, что «Мария Целеста» с новым экипажем на борту вышла из Гибралтара в Геную.

Все личные вещи, принадлежавшие семье Бриггса и членам команды, были переданы американскому консулу в Гибралтаре. Осенью того же года он отправил их в Америку для передачи родственникам пропавших.

„Я — КОК С „МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ“

Но история «Марии Целесты» на этом не кончается. Загадочное происшествие у Азорских островов сразу же стало достоянием газетчиков. Чего только не сообщали о «Марии Целесте»! Одна версия сменяла другую, очередная гипотеза противоречила предыдущей. Любое наспех сработанное чтиво преподносилось читателю как достоверные сведения и сопровождалось комментариями морских специалистов, старших, просоленных морских волков. Как правило, «комментаторами» были сами писакы, получившие на лету «консультацию» у какого-нибудь моряка в портовом баре или кабачке. В большинстве опубликованных за 1873 год «достоверных» сообщений даты события не совпадают, имена и фамилии искажены до неузнаваемости, факты вымышлены, предположения до смешного наивны. Многие журналисты, взявшись за эту тему, даже не потрудились ознакомиться с материалами следственной комиссии в Гибралтаре.

Подавляющая часть гипотез сводилась к «пиратскому варианту».

Газеты утверждали: бригантину захватили пираты, но, увидев «Дею Грацию», обратились в бегство, забрав с собой экипаж «Целесты». Разные версии этой гипотезы сопровождались про-

странными историческими выкладками о корсарах, приватирах, флибустьерах и прочих морских разбойниках.

Писали и о вспыхнувшей на борту «Марии Целесты» эпидемии чумы. Ведь в течение целых столетий чума, холера, желтая лихорадка, дизентерия и цинга считались бичом мореплавателей всех стран. Низкий уровень санитарии, отсутствие нормальных условий для хранения воды и пищи на парусниках — все это приводило к вспышкам эпидемий, нередко становилось причиной гибели всей команды корабля. Условия жизни моряков на парусном судне середины прошлого века мало чем отличались от условий, в которых находились мореплаватели средневековья.

По мнению всезнающих журналистов, чума на «Марии Целесте» началась в матросском кубрике. Капитан Бриггс узнал о болезни и, стремясь уберечь свою дочь, жену, себя и офицеров, запер матросов в кубрике. Но им удалось вырваться из заключения, и они, в свою очередь, закрыли капитана в кормовой надстройке, заколотив даже окна. В отчаянии больные матросы вскрыли носовой трюм и добрались до груза. Пытаясь найти забвение в спирте, истощенные болезнью моряки перепились и уснули. Бриггсу с офицерами удалось выбраться из кают через верхние световые люки. В спешке они спустили единственную шлюпку, которая потом погибла во время шторма. Оставшиеся на бригантине матросы, чтобы не мучиться, предпочли покончить самоубийством и выбросились за борт.

Другие сторонники этой версии писали, что, напившись, матросы убили капитана и офицеров и, выбросив их тела в море, пытались добраться на шлюпке до одного из Азорских островов. Но шлюпку опрокинул налетевший шквал, и обессиленные и измученные страшной болезнью моряки погибли.

Как всегда, были и просто нелепые гипотезы. К таким, например, можно отнести предположение, что люди несчастной бригантини погибли в схватке с неведомым науке чудовищем морских глубин, «гигантским кальмаром», «огромным осьминогом» и даже «морским змием». Авторы этих наивных версий сообщали публике, что пятна на палубе, клинке сабли и поручнях бригантини — не что иное, как кровь чудовища, а зарубки на поручнях — явные следы от удара топора, которым Бриггс мужественно рубил исполинские щупальца... Американские газеты, промышленявшие подобными небылицами, давали даже «подробности» кровавой схватки. Так первой жертвой неизвестного агрессора подводного царства будто бы стала маленькая Софи, игравшая с матерью на палубе. Потом чудовище увлекло в воду всех находившихся на «Целесте» людей, и бригантина, как призранный «Летуний Голландец», плавала в океане, пока ее не заметили с «Деи Грации».

«Нью-Йорк Таймс», считая, что читателям уже наскучили подобные штучки, решила покончить с шумихой вокруг бригантини и заявила, что вся эта история объясняется очень просто. Оказывается, капитан «Марии Целесты» был душевнобольным человеком. О тяжелом расстройстве его психики знали только близкие родственники. Оно якобы выражалось в периодических приступах буйного помешательства, и в эти минуты Бриггс, не помня себя, был способен на все. Однажды во время злополучного плавания у капитана начался такой приступ, и он, воору-

жившись старинной саблей, зарубил всех, кто находился на судне, включая дочь и жену. Когда в его сознании наступило прояснение и он понял, что произошло, он выбросил трупы в океан, замел следы, уничтожил судовые документы, забыв при этом о вахтенном журнале, и пытался уйти на шлюпке. В конце концов Бриггс погиб от жажды, а шлюпка его была залита волнами и затонула...

Британские журналисты со свойственным англичанам педантизмом опубликовали более серьезные гипотезы, некоторые из них были весьма замысловатыми.

Когда газета «Джибралтар Кроникал» поведала читателям о замеченных Рикардо Портунато непонятных надрезах на носу «Марии Целесты», английский морской журнал «Нотика Мэгэзин» так объяснил их появление.

Дочь капитана Бриггса Софи была капризным, непослушным ребенком. Целыми днями она носилась по палубе бригантини, мешая матросам работать. Ребенок угомонился, когда заметил в море дельфинов. С этих пор Софи целые дни стала проводить на носу судна, наблюдая за красивыми прыжками стремительных животных. Тогда Бриггс, видя, как Софи то и дело свешивается через поручни за борт, и опасаясь, как бы она не свалилась в воду, приказал команде соорудить для дочери специальную площадку на носу бригантини. Вот почему плотнику пришлось сделать с каждого борта в носовой части судна пазы.

Однажды между матросами «Марии Целесты» разгорелся спор: кто быстрее плавает. Матросы обратились к капитану с просьбой остановить судно на время состязания. Бриггс согласился. Паруса второй мачты были спущены, а на первой поставлены таким образом, что бригантина не имела хода. Матросы стали плавать наперегонки вокруг судна, а офицеры «болели», наблюдая за состязанием с площадки, построенной для Софи. Перегруженная площадка рухнула, и люди оказались в воде. Кто не умел плавать — утонул, а на пловцов напала стая тигровых акул. Жена капитана Бриггса в это время шила на машине в ают-компани. Выбежав на отчаянные крики наверх, она увидела ужасную картину: в окрашенной кровью воде акулы терзали барахтающихся людей. Не вынеся горя, жена капитана бросилась с дочерью за борт...

На первый взгляд гипотеза вполне правдоподобна. Автор был лишь об одном: «Мария Целеста» совершала свое плавание в ноябре, когда температура воды в Северной Атлантике не превышает десяти градусов тепла. Тут уж не до купания!

Ореол загадочности вокруг «Марии Целесты» усиливали многочисленные самозванцы, выдававшие себя за членов ее экипажа. После раздутой газетными шумихи они стали неожиданно появляться в Гибралтаре, Лондоне, Нью-Йорке, Галифаксе, на острове Ямайка. В одном лишь Нью-Йорке за год объявилось сразу шесть «очевидцев» небывалого происшествия. Первый из них нанес визит в редакцию газеты «Геральд Трибюн» и заявил, что он не кто иной, как Эдвард Хэд, чудом спасшийся кок с «Марии Целесты».

Взяв у него пространное интервью, редакция выплатила ему колоссальный гонорар. Складно придуманная история «кока» о вспыхнувшей на судне чуме произвела впечатление на читате-

лей, вызвала зависть других газет. Спустя несколько дней, когда лже-Хэда и след простыл, аферу раскрыла жившая в Нью-Йорке жена настоящего кока с «Целесты». Хитрому аферисту удалось обвести редакторов вокруг пальца благодаря отличной памяти: он досконально знал все результаты работы следственной комиссии, регулярно публиковавшиеся в газете «Джибралтар Кроникл».

Не успели затихнуть страсти, как в редакции многих нью-йоркских газет явились, разумеется, поодиночке, сразу пять «коков». Видно, они были приежими и ничего не знали об опередившем их коллеге по профессии.

«Коки» понесли такую небылицу, что вскоре очутились (уже все вместе) в полицейском участке. Там друзья по несчастью, видимо, поняли, что время от времени все же стоит просматривать газеты.

Тем временем в Лондоне появились два взрослых «сына» капитана Бриггса. Но одурачить английских журналистов им не удалось. Все уже знали, что сын Бриггса живет у своей бабушки в американском городе Брэдфорде и что мальчику семь лет.

Многие издатели погтели руки на тайне покинутой людьми бригантины. А вот редакция одной американской газеты поплатилась штрафом. Произошло это так.

Газета напечатала большую статью, начинавшуюся рассказом о нравах, царивших в американском торговом флоте. Говорилось, что капитаны испытывают большие трудности при наборе экипажа, что им приходится обращаться к услугам портовых маклеров, а точнее — торговцев людьми. Беззастенчивые дельцы выискивают среди безработных и опустившихся людей свои жертвы, дают им в кредит одежду и деньги, а потом запродают должников на первое попавшееся судно. В некоторых «экстренных» случаях их спаивают, и несчастные приходят в себя уже на борту судна, далеко от родных берегов.

Газета утверждала, что экипаж «Марии Целесты» состоял именно из таких случайных людей, едва ли не впервые в жизни вышедших в море. Поэтому, приняв командование кораблем, Бриггс пытался нанять хотя бы трех настоящих матросов. В Нью-Йорке нашелся человек, вызвавшийся ему помочь. Он выделит четырех моряков из своего экипажа, при условии, что они вернутся на его судно близ Азорских островов, после того, как за кормой «Марии Целесты» останется наиболее трудная часть перехода из Америки в Европу. Капитаном, оказавшим помощь Бриггсу, был, по заявлению газеты, англичанин Дэвид Морхауз — командир «Деи Грации». В статье сообщалось, что обоих капитанов видели за два дня до выхода бригантины в море в одном из ресторанов Манхаттена.

С первого же дня плавания «Марии Целесты» атмосфера на судне была омрачена поведением матросов, подписавших кабальный контракт. Эти случайные моряки не поладили с теми, которых Бриггсу одолжил Морхауз. Один из скандалов закончился поножовщиной, и капитану бригантины пришлось связать виновных в кровопролитии и запереть их в канатном ящике.

24 ноября наступил роковой день — каким-то образом вырвавшись из плена, озлобленные матросы устроили мятеж. Капитан с семьей и два штурмана были зверски убиты, и их тела брошены за борт. Четверем матросам с «Деи Грации» удалось обе-

воружить мятежников. Они решили не связывать их, а отправить в океан на шлюпке, не дав им ни капли пресной воды. Под дулом пистолетов мятежники отчалили от борта «Марии Целесты». Оставшиеся на ее борту люди Морхауза знали координаты и время randevу с «Деей Грацией». Придя в договоренное место, матросы поставили бригантину в дрейф. Вскоре подоспела и «Дея Грация».

Когда капитан Морхауз выслушал печальный рассказ четырех матросов, он сразу понял, что на «Целесте» можно здорово подзаработать. Сказав матросам, что в их положении выгоднее всего держать язык за зубами (ибо в противном случае им все равно никто не поверит, что они не были причастны к мятежу и убийству), Морхауз объяснил, как нужно отвечать, если в Гибралтаре начнут спрашивать о встрече с «Марией Целестой». Решено было представить рапорт о том, что бригантину обнаружили в океане без экипажа. Полученным вознаграждением капитан брига обещал поделиться с матросами...

Дэвид Морхауз возбудил против незадачливого редактора газеты судебное дело и с помощью полученной из Гибралтара копии своего отчета доказал полное непричастие к этой выдуманной истории. Газета поплатилась за выкрутасы своих журналистов круглой суммой. Суд вынес решение: «За причиненный моральный ущерб, выразившийся в подрыве репутации и оскорблении капитанской чести, выплатить господину Дэвиду Морхаузу 5000 долларов». Таким образом, несчастливое судно Бриггса обогатило Морхауза не только английскими фунтами стерлингов, но и американскими долларами.

Затейливо придуманных небылиц о «Марии Целесте» было опубликовано столько, что обстоятельства и факты действительного происшествия у Азорских островов оказались забытыми. Истину похоронили под грудой журналистского вымысла.

Говорят, сенсации не бывают вечными. И хотя тайна бригантинны так и осталась нераскрытой, «Целестиада» изрядно надоела читателям. О бригантине скоро позабыли...

НЕВОЛЬНАЯ ШУТКА КЛАССИКА

В начале 1884 года в Англии распространились слухи о том, что тайна «Марии Целесты» раскрыта. Разгадку этой интригующей истории дал на своих страницах лондонский альманах «Корнхилл Мэгэзин» в очерке под названием «Сообщение Шебекука Джефсона». Повествование велось от лица одного из участников драмы, разыгравшейся на «Целесте».

Поскольку имени автора в журнале не было указано, читатели приняли «Сообщение Шебекука Джефсона» за редакционный материал. Мастерство и сила писательского вымысла заставили читателя поверить, что все это произошло на самом деле. Очерк имел в Англии потрясающий успех. Его перепечатавали газеты, о нем говорили всюду. Сначала никто

даже и не заметил, что имя капитана «Марии Целесты», имена его жены, дочери и членов экипажа не совпадают с настоящими. За двенадцать лет многие уже забыли подлинные имена исчезнувших в океане. А кто и помнил их, решили, что анонимный автор, видимо щадя чувства родных и близких пропавших, умышленно изменил их имена.

Однако вскоре автор «Сообщения Шебекука Джефсона» был найден. Им оказался известный на весь мир и весьма уважаемый в Англии писатель Артур Конан-Дойль — автор «Приключений Шерлока Холмса». На страницах лондонских газет человек, создавший образ знаменитого сыщика, заявил, что он вовсе и не собирался дурачить публику. Конан-Дойль писал, что, ознакомившись с делом «Марии Целесты», он вздумал использовать эту фабулу для литературного произведения и, когда у него появилось свободное время, привел замысел в исполнение. Но чистосердечное признание великого писателя разочаровало читателей — настолько они поверили в неожиданную развязку удивительного происшествия.

Блестящий по форме и стилю очерк Артура Конан-Дойля заставил людей вспомнить «Марию Целесту». О великой тайне Атлантики снова заговорили газеты. Снова в различных уголках земного шара стали появляться «моряки бригантины», снова вездесущие журналисты стали «находить» на дне морских рундуков признания очевидцев драмы, продиктованные на смертном одре. Снова стали появляться в редакциях газет «коки «Марии Целесты» и «дети капитана Бриггса».

Пищу кривотолкам дали и новые факты, связанные с дальнейшей судьбой «Марии Целесты».

В 1874 году ее бывший владелец Винчестер продал бригантину с большим для себя убытком. На следующий год «Мария Целеста», находясь с грузом леса близ Монтевидео, попала в ураган и потеряла обе мачты. Ее отремонтировали, и она опять стала перевозить грузы между портами Центральной Америки и Европы. В начале января 1885 года «Мария Целеста» под командованием американского капитана Паркера, идя под всеми парусами, близ острова Гаити выскочила с полного хода на рифы. Через несколько часов красавица бригантина была превращена океанской зыбью в груды плавающих щепок. Что это? Результат навигационной ошибки? Вскоре страховая компания доказала состав преступления — уничтожение застрахованного имущества с целью получения страхового возмещения. Афера была раскрыта, и факт сговора судовладельца с капитаном Паркером подтверждался представленными суду документами. За день до вынесения приговора капитан «Марии Целесты» покончил жизнь самоубийством.

В конце прошлого и начале нынешнего века наряду с газетными и журнальными статьями о злополучном корабле появились и романы. Примеру Конан-Дойля последовали английские писатели-маринисты — Барри Пэйн, Артур Моррисон, Гарольд Уилкинс и Лоренс Китинг. Последний в своей книге «Великая мистификация» ведет повествование от имени 84-летнего кока бригантины Джона Пембертона, которого автор якобы разыскал где-то в Шотландии.

Загадке «Марии Целесты» посвятили романы и американские

писатели Джордж Брайан («Таинственный корабль») и Чарльз Фэй («Мария Целеста», или «Одиссея покинутого корабля»). Но, несмотря на оригинальность и занимательность этих произведений, ни одно из них не приближает читателя ни на шаг к порогу великой тайны Атлантики.

«Но что же все-таки могло там произойти?» — вправе спросить читатель.

ПОСЛЕДНЯЯ ГИПОТЕЗА

В самом центре Нью-Йорка, на острове Манхаттен, среди небоскребов, силуэт которых напоминает исполненный забор с неровно обломанными зубцами досок, высятся красивое здание. Оно называется «Уайтхолл». В нем размещается главная контора американской судоходной компании «Джеймс Винчестер и К^о». В наши дни эту фирму возглавляет Ной Винчестер — внук бывшего владельца «Марии Целесты». Примерно раз в месяц Ной Винчестер получает письмо с просьбой рассказать подробнее об обстоятельствах исчезновения команды «Марии Целесты».

До конца дней своих такие же письма получал живший в Брэдфорде сын капитана Бриггса — Артур Бриггс.

Судьба экипажа «Марии Целесты» продолжает волновать людей и поныне. Фантазия не знает границ — это порождает каждый год все новые версии и гипотезы.

Одни исследователи убеждены, что вся эта запутанная история была результатом детальной и основательной подготовки Бриггсом и Морхаузом еще до выхода в море. Мистификация удалась — следственная комиссия английского адмиралтейства стала втупик, а страховое вознаграждение, притом немалое, было получено. Другие считают, что в последнюю минуту Морхауз, решив, что афера может быть раскрыта, изменил задуманный план действий и поручил своему штурману убить всех, кто находился на борту «Марии Целесты». Странники этой версии основывают свою гипотезу на следующих фактах.

Возникновение всех этих тринадцати «почему» может быть объяснено только тем, что их создали умышленно, чтобы сбить с толку даже самых квалифицированных сыщиков.

Вскоре после окончания следствия в Гибралтаре из здания суда была похищена часть следственных материалов, включая судовой журнал «Марии Целесты».

Спустя много лет стало известно, что многие из этих документов оказались у сына капитана «Деи Грации» — Гарри Морхауза. Отец его умер в 1905 году. Гарри Морхауз сейчас живет в Нью-Йорке. Он управляющий гостиницей «Элайси». Когда, еще в тридцатых годах, один из американских морских историков обратился к нему с просьбой разрешить ознакомиться с документами, относящимися к делу «Марии Целесты», Морхауз-младший заявил, что весь семейный архив погиб при пожаре.

Одна из самых любопытных современных версий — гипотеза

американца Кобба, племянника Бриггса. Говорят, что Кобб каким-то образом сумел на время заполучить у сына капитана Морхауза семейный архив и изучить все материалы, относящиеся к тайне «Марии Целесты». Версия Кобба изложена на страницах его книги «Розовый коттедж», изданной в Америке в 1940 году. Вот вкратце его гипотеза.

Причина трагедии — груз «Марии Целесты». Тысяча емкостей деревянных бочек со спиртом не были герметично закрыты. 24 ноября 1872 года в кормовом трюме бригантину произошел взрыв скопившихся паров спирта. Взрыв этот был небольшим, и деревянные люковые крышки остались на месте. Бриггс приказал проветрить трюм — матросы сняли люковые крышки. Позже в носовом трюме также взорвались пары спирта. Этот взрыв был сильнее первого — люковые крышки, отброшенные взрывной волной, оказались перевернутыми.

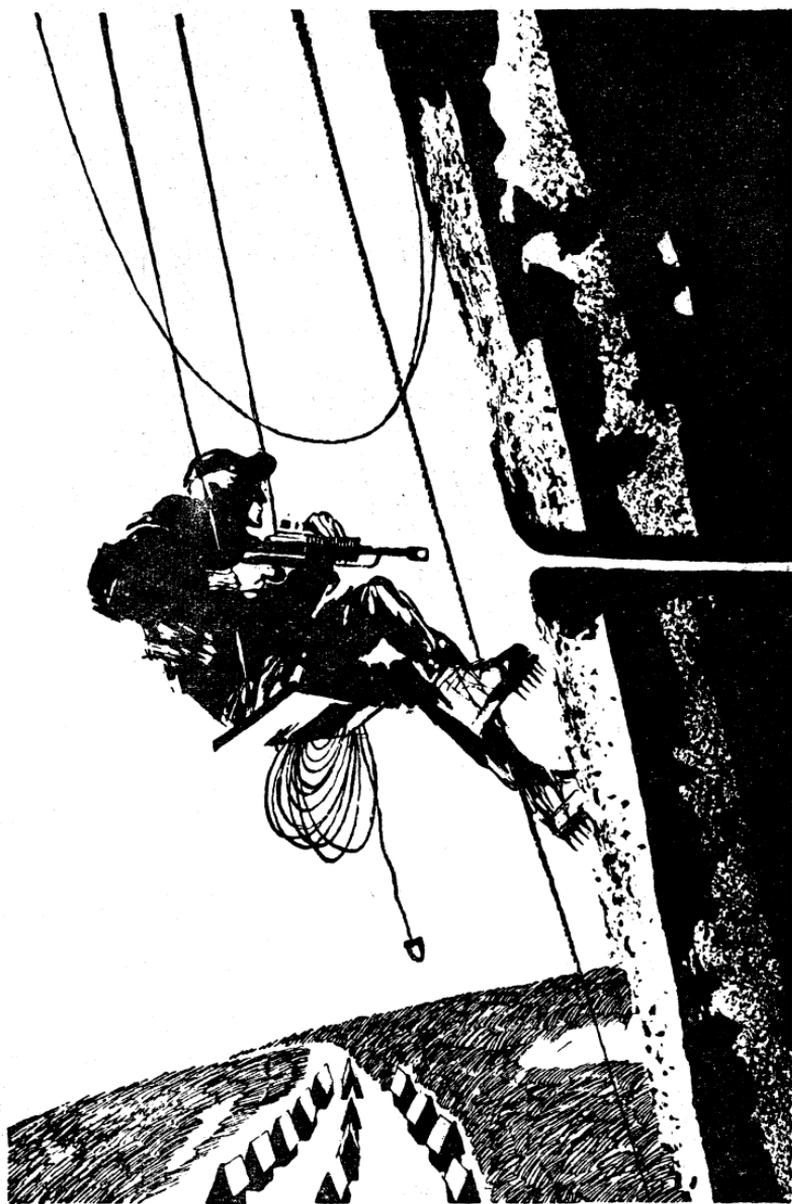
Бриггс, решив, что через несколько минут бригантина взлетит на воздух, дал команду немедленно спустить шлюпку. Все это происходило в обстановке наступившей паники. По всей вероятности, первыми в шлюпку сели жена капитана, его дочь, штурман Ричардсон и один из матросов. Бриггс бросился к себе в каюту, в спешке сбрал судовые документы, взял хронометр и секстант, забыв при этом о судовом журнале. Кок в это время брал с камбуза провизию для шлюпки (вот почему на «Марии Целесте» не нашли следов приготовленной пищи).

Вероятно, Бриггс не намеревался совсем покинуть бригантину — он просто хотел переждать взрыв на достаточно безопасном расстоянии. Для этого шлюпке нужно было отойти на 100—150 метров. Но буксировочного каната такой длины на «Марии Целесте» не оказалось. Второй штурман, Джиллинг, с матросом отцепили для этой цели дерик-фал — длинную снасть, которой поднимают косой парус. Вот почему на грот-мачте «Марии Целесты» парус был спущен.

Когда отцепили дерик-фал и все сели в шлюпку, Бриггс вспомнил, что не взял с собой компаса. Матрос, которому это было поручено сделать, охваченный паникой, в спешке погнул нактоуз и уронил компас на палубу.

Шлюпка, быстро отойдя от бригантину примерно на 130 метров, удерживалась на буксире. «Мария Целеста» дрейфовала, так как паруса фок-мачты были поставлены соответствующим образом. Сидя в шлюпке, все ждали третьего, сильного, взрыва. Но Бриггс не учел, что третьего взрыва не могло практически произойти, потому что оба трюма уже были вскрыты и пары спирта улетучились. Никто не заметил, как ветер неожиданно изменил направление и наполнил паруса бригантину. «Мария Целеста» быстро набрала ход, а тяжелая, перегруженная людьми шлюпка стояла на месте. Дерик-фал натянулся и лопнул. Шлюпка не смогла на веслах догнать бригантину. «Мария Целеста» ушла на восток. А шлюпка Бриггса исчезла в безбрежных просторах Атлантики...

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

Роберт Янг
СРУБИТЬ ДЕРЕВО

Фантастический рассказ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В последнюю минуту перед подъемом Стронг повернул древолифт с таким расчетом, чтобы оказаться спиной к стволу. Чем меньше он будет сейчас смотреть на дерево, тем лучше. Но лифт, не пройдя и ста футов, возвратился в исходное положение. Нравилось это Стронгу или нет, дерево решило навязать ему свое общество с самого начала.

Ствол находился от него футах в пятнадцати. Более всего он напоминал Стронгу скалу, выпуклую живую скалу с буграми коры и трещинами — эдакую древесную стену, уходящую ввысь, в величественное зеленое облако листвы.

Он не собирался глядеть вверх, но глаза его сами поднялись вдоль ствола. Он быстро опустил их. Чтобы обрести внутреннее равновесие, он посмотрел вниз; там, на постепенно уменьшающейся деревенской площади, виднелись знакомые фигуры его трех компаньонов.

Сухр и Блюскиз, покуривая свои первые утренние сигареты, стояли на древнем могильном холме. Стронг поднялся слишком высоко и не видел выражения их лиц, но он почти не сомневался, что тупые черты Сухра дышали упрямством, а на лице Блюскиза было его «буйволово выражение». Райт был примерно в ста футах от подножия дерева, у пульта управления лебед-

кой. Лицо его наверняка оставалось таким же, как всегда: странная смесь доброты и решительности — разве что оно чуть-чуть напряглось от волнения. Физиономия, по которой безошибочно угадывался руководитель.

Стронг перевел взгляд на домики, окружавшие площадь. Сверху они выглядели еще очаровательнее. В золотисто-багровом сиянии Омикрона Сети яркими красками переливались коньки крыши, многоцветные зайчики танцевали на прятных фасадах. В ближайших домиках сейчас, конечно, никого не было. Деревня в радиусе трехсот футов от подножия дерева опустела, и эту часть ее огородили веревкой. Но когда Стронг глянул на домики, ему в голову пришла фантастическая мысль: ночью в них поселились феи и теперь всю хозяйничают там.

Эта мысль развлекла его, но ненадолго. Ее спугнула процессия огромных транспортировщиков древесины; они въехали на площадь и выстроились в длинную очередь.

Вновь перед ним оказалось дерево. Он поднялся выше, и стволу пора было стать поменьше. Но Стронг этого не заметил. Ствол по-прежнему напоминал выпуклую скалу, и древоруб чувствовал себя скорее альпинистом. Взглянув вверх, он различил первую ветвь. Ее можно было сравнить с секвойей, растущей параллельно земле на вертикальном склоне древовидного Эвереста.

В крохотном аппарате радиосвязи «земля — дерево», прикрепленном к мочке левого уха Стронга, раздался голос Райта:

— Уже видели дриаду?

Стронг включил миниатюрный передатчик:

— Пока нет.

— Если увидите, дайте мне знать.

— Черта с два! Вы забыли — я вытащил длинную травинку! У меня исключительные права на дерево. Что бы я здесь ни нашел, принадлежит мне. Мне одному.

Райт рассмеялся.

— Я хотел помочь вам.

— Благодарю. Не утруждайтесь. На какой я высоте?

Пауза. Стронг хорошо видел маленькую, как сигарета, фигурку Райта. Он склонился над контрольной панелью лебедки. И спустя немного:

— Сто шестьдесят семь футов. Еще сто двадцать, и вы поравняетесь с первой ветвью... Как вы себя чувствуете?

— Вполне прилично.

— Хорошо. Сообщите, если возникнут какие-нибудь неполадки. Даже самые незначительные.

— Обязательно.

Становилось сумрачнее. Нет, не сумрачнее. Зеленеет. Чем выше он поднимался, тем глубже становился оттенок бледного хлорофиллового сияния, в которое, с трудом просачиваясь сквозь бесчисленные наслоения листьев, превращался солнечный свет. В нем шевельнулась боязнь дерева, но он поборол ее, прибегнув к способу, которому его научили в школе древорубов. Противоядие было очень простым: «займитесь чем-нибудь, чем угодно». И он произвел инвентаризацию оборудования, прикрепленного к металлической полосе основания лифта: древоколья, древорацион, одеяла, древопалатка, обогревательный при-

бор, молоток для забивания кольев, тросомет, резак, санитарная сумка, пояс альпиниста, веревочное седло, шнур для ветвей, агрегат Тимкина, древощипцы, фляжка...

Наконец лифт втянул его в нижние слои листвы. Листья были маленькими и изящными и напомнили ему листья красивого сахарного клена, который когда-то в изобилии произрастал на Земле. Вскоре перед ним простерлась первая ветвь, и стайка алых птиц-хохотушек встретила его прибытие жутким издевательским смехом. Несколько раз они облетели вокруг Стронга, бесцеремонно разглядывая его своими маленькими в форме полумесяца глазами, потом спиралью взвились к верхним ветвям и исчезли.

Эта ветвь была подобна хребту, который, вырвавшись из горной цепи, навис над деревней. Ее боковые отростки сами по себе были настоящими деревьями, и каждое из них, упав, могло бы разрушить по крайней мере один из домиков, столь милых сердцу колонистов.

И в который раз Стронг с недоумением спросил себя, почему коренные обитатели 18-й планеты Омикрона Сети строили свои деревни вокруг основания подобных древесных чудовищ? Разведывательный Отряд отметил в своем докладе, что местные жители, несмотря на свое умение строить красивые здания, на самом деле очень примитивны. Но даже если так, все равно они должны были знать, какую потенциальную опасность таили эти гигантские деревья во время гроз; и прежде всего они должны были понимать, что избыток тени ведет к сырости, а сырость — предвестник гниения.

Совершенно очевидно, что они до этого не додумались. Из всех деревьев, построенных ими в свое время, лишь одна эта не сгнила и не превратилась в отвратительные зловонные развалины; так же, как это дерево было единственным, не заболевшим той странной болезнью, от которой, как предполагали, засохли и погибли все остальные.

Разведывательный Отряд утверждал: местные жители возводили свои селения вблизи деревьев потому, что деревья эти являлись для них религиозными символами. И эта гипотеза, несомненно, подтверждалась. Когда деревья начали гибнуть, местные жители, все без исключения, ушли в «пещеры смерти», распложенные в северных пустынях. Однако Стронг все же не мог до конца согласиться с такой гипотезой. Судя по архитектуре домов, аборигены отличались практичностью и большим художественным вкусом, а практичные мыслящие существа вряд ли пошли бы на массовое самоуничтожение только потому, что их религиозные символы оказались подверженными болезням. Более того, Стронгу приходилось и раньше рубить деревья на многих заново открытых планетах, и он неоднократно убеждался: Разведывательный Отряд достаточно часто ошибается.

Листва окружала его со всех сторон. Он находился теперь в совершенно обособленном, туманном, золотисто-зеленом мире, усыпанном цветами. На Омикроне Сети-18 этот месяц соответствовал июню, и дерево было в цвету. И единственным обитателями прекрасного мира были он сам, птицы-хохотушки да насекомые, которыми они питались. Иногда сквозь ажурные про-

светы между листьями он видел кусочки пустынной площади, и ничего больше.

Когда до ветви, на которую он забросил трос еще будучи на земле, оставалось около пятнадцати футов, он попросил Райта остановить лебедку. Взяв тросомет, он прижал приклад к плечу и принялся раскачивать лифт. Стронг наметил самую верхнюю из видимых ему ветвей. Она нависала над ним примерно в восьмидесяти футах. И во время одного из взлетов лифта, в момент, когда он находился в крайней точке амплитуды, Стронг прицелился и спустил курок.

Тросомет, словно паук, выплюнул бесконечно длинную нить. Тонкий, как осенняя паутина, трос взметнулся вверх, и его конец с грузилом, захлестнув намеченную ветвь, полетел вниз сквозь листья и цветы и закачался в нескольких дюймах от протянутой руки Стронга. Он поймал его во время следующего взлета и, продолжая раскачиваться, прижал трос к вершине треугольной рамы лифта. Он отпустил трос только тогда, когда его микроскопические волокна проникли в сталь, срослись с ней. Теперь можно было подниматься выше.

Стронг попросил Райта снова пустить в ход лебедку. Покрытый тончайшим слоем Тимкина, делавшим его практически неразрываемым, нитевидный трос заскользил через ветвь, и лифт возобновил подъем. Стронг откинулся назад насколько позволял спасательный пояс, закурил сигарету...

И увидел дриаду.

Или ему это почудилось...

Дело в том, что все разговоры о дриадах были их общей шуткой.

Стронг убеждал себя в том, что это не более, чем шутка. Ему было чертовски хорошо известно: никогда ни на каком дереве, ни на какой планете не спустится к нему прекрасная фея по тропе, устланной листьями и цветами. И хотя он непрестанно повторял себе — этому никогда не бывать, в самом дальнем уголке его сознания, к которому не отваживался приблизиться здравый смысл, жила мысль: а быть может, это все-таки когда-нибудь произойдет.

Этой шуткой они перебрасывались во время перелета с Земли и пока ехали из космопорта в деревню. Если верить болтовне Сухра, Блюскиза, Райта... и его собственной, на последнем гигантском дереве Омикрона Сети-18 должна была жить по крайней мере одна дриада. И вот будет потеха, если они ее поймут!

Что ж, подумал Стронг. Ты ее увидел. А теперь посмотрим, как ты ее поймашь.

Видение мелькнуло и исчезло — лишь слабый намек на контуры тела, вспышку красок, волшебное лицо — и вслед за растаявшим образом постепенно растаяла и его уверенность, будто он видел ее. Лифт внес его в шатер из листьев, где, как ему казалось, она только что была, но он уже не сомневался, что ее там не будет. Ее не было.

Он заметил, что у него дрожат руки. Усилием воли он вернул им твердость. «Смешно так волноваться из-за причуд солнечного света на листьях и ветвях», — сказал он себе.

А на 475-м футе подъема ему показалось, что он увидел ее снова. Только что выяснив у Райта, на какой он находится вы-

соте, Стронг случайно взглянул в сторону ствола. Она стояла там, прислонившись спиной к коре, и ее длинные стройные ноги опирались на ветвь, с которой он в этот момент порван. Тонкая фигура, сказочное лицо феи, золото волос. До нее было не более двадцати футов.

— Выключите лебедку, — тихо сказал он Райту.

Лифт остановился. Он расстегнул спасательный пояс и ступил на ветвь. Дриада не шелохнулась.

Он медленно направился к ней. Она по-прежнему была неподвижна. Он протер глаза, втайне надеясь, что она не исчезнет. Она стояла на том же месте, спиной к стволу, застывшая, подобная статуе, и ее длинные ноги опирались на ветвь. На ней была короткая, сотканная из листьев туника, которая держалась на перекинутой через плечо ленте; изящные сандалии, тоже из листьев, оплели ее ноги до середины икр. Ему начало казаться, что она действительно существует. И в этот самый миг она вдруг угасла.

Никакое другое слово не могло передать того, что произошло. Она не ушла, она не убежала и не улетела. Строго говоря, она даже не исчезла. Просто она была там, а в следующую секунду ее там не было.

Стронг остановился. Усилие, потраченное им на то, чтобы взобраться на ветвь и пройти по ней несколько шагов, было ничтожно мало, однако он весь покрылся испариной. Он ощущал пот на щеках, на лбу и шее; он ощущал его на груди и спине, он ощущал влажное прикосновение своей взмокшей от пота древорубашки.

Он достал носовой платок и вытер лицо. Сделал шаг назад. Другой. Дриада не материализовалась. Там, где она только что стояла, была лишь заросль листьев. И солнечный блик.

В наушном приемнике раздался голос Райта:

— У вас все в порядке?

Стронг секунду колебался.

— Все отлично, — наконец проговорил он. — Произвожу небольшую разведку.

— Как она выглядит?

— Она... — Стронг вовремя сообразил, что Райт спросил о ветви. Он снова вытер лицо, скомкал платок и засунул его в карман.

— Она огромна, — ответил он, когда уже смог положитьсь на свой голос. — На самом деле огромна.

— Ничего, мы его одолеем, это дерево. Нам и раньше попадались немаленькие.

— Но не такие гигантские, как это.

— И все-таки мы справимся с ним.

— С ним справлюсь я один, — заявил Стронг.

Райт усмехнулся.

— Не сомневайтесь. И все же мы будем поблизости на тот случай, если... Вы готовы к подъему?

— Одну минуту.

Стронг поспешил к лифту.

— Пускайте, — сказал он.

На пятисотфутовой высоте ему снова пришлось забросить трос, а потом еще раз, когда он поднялся до пятисот девяноста.

Футах в шестистах пятидесяти от земли листва временно по-редела, и он смог метнуть трос более чем на сто пятьдесят. Он уселся поудобнее, чтобы насладиться подъемом.

На высоте около семисот футов он оставил на одной из особенно толстых ветвей древопалатку, одевая и обогревательный прибор и закрепил их. Всегда ночевать на больших ветвях. По мере того как он поднимался выше, ему лишь мельком удавалось увидеть деревню. Порой его взору открывались крайние домики, за которыми до самого горизонта простиралась обогашенные химикатами поля. Растительность еще едва пробивалась, и поля были покрыты золотистой щетиной крохотных стебельков недавно посеянной пшеницы — эндемической разновидности, которая изо всей Галактики росла только на Омикроне Сети-18. К середине лета пшеница созреет, и колонисты снимут еще один из тех сказочно обильных урожаев, которые постепенно превращали первое поколение поселенцев в миллионеров.

Он мог разглядеть снующие на задних двориках крохотные фигурки домохозяек и жуками ползущие по улицам жирокары. Он мог разглядеть детей, которые казались отсюда не больше головастиков — они плавали в бассейне. Для полноты картины не хватало только маляра, красящего дом, или чинящего крышу кровельщика. Их отсутствие объяснялось очень просто: эти домики никогда не требовали ремонта.

Во всяком случае, так было до сегодняшнего дня.

Дерево, которое пошло на их строительство, и качество работы не имели себе равных. Стронг побывал только в одном из домов — в местной церкви, которую колонисты превратили в отель, — но хозяин отеля (он же мэр деревни) заверил его, что, в сущности, отель представлял собой только увеличенную и несколько богаче декорированную копию других зданий. Нигде раньше Стронг не видел такой безукоризненной отделки дерева, такой совершенной панельной обшивки. Все было идеально продумано и составляло такое единое целое, что невозможно было определить границу между фундаментом и полом, между опорными балками и стенами.

Стены переходили в окна, окна переходили в стены. Лестницы не просто спускались: они словно струились окрашенными под дерево потоками. Что же касается освещения, то свет испускало само дерево.

Разведывательный Отряд, признав местных жителей примитивными, основывал свое заключение главным образом на том (и это, по мнению Стронга, возможно, было большой глупостью), что аборигены научились обрабатывать металлы только в позднем периоде своего существования. Но пыл, с которым колонисты мечтали сохранить эту единственную уцелевшую деревню (на что было получено разрешение Департамента Галактических Земель), красноречиво свидетельствовал о том, что неумение местных жителей творить чудеса из железа и меди с лихвой возмещалось их способностью творить чудеса из дерева.

Перед тем как покинуть лифт, он забрасывал трос еще три раза. И теперь, стоя на ветви, Стронг надел пояс верхолаза и с помощью специальных замков-защелок прикрепил к нему нужные инструменты. Потом он отцепил от основания лифта конец шнура и защелкнул карабин у правого бедра.

С расположенной выше развилки, точно серебряная лиана, свисала седельная веревка. Развилка находилась на двадцать футов ниже самой верхней точки дерева и более чем в тысяче футов над землей.

Эта цифра не укладывалась в сознании. Ему не раз приходилось взбираться на высокие деревья; некоторые из них достигали даже пятисот футов. Но по сравнению с этим они казались пигмеями. Это возвышалось над землей более чем на тысячу.

Тысяча футов!

Седельная веревка приобрела новое значение. Он потянулся к ней и коснулся рукой ее поверхности, которая мягко присасывалась к ладоням. Проследовал глазами вдоль ее двух серебряных полосок. И полез вверх, перехватывая веревку, подтягиваясь и пропуская веревку между ногами, «стоя» на ней, когда вновь начинали действовать руки. Переполюнявивший его восторг умножил силы; горячими волнами разливалась по телу кровь; пело все его существо. Поднимался он неторопливо и уверенно. Добравшись до развилки, он влез на ветку и посмотрел вверх.

До последнего разветвления оставалось еще каких-нибудь десять футов. Нажав маленькие кнопки, он освободил вмонтированные в подошвы дрeвoбoтнoк стальные шипы и, встав, приложил ладони к темно-серой коре. На этой высоте диаметр ствола был меньше фута и поверхность его была гладкой и шелковистой, как шея женщины. Стронг поднял левую ногу и опустил ее под углом к стволу. Надавил. Шипы глубоко вонзились в дерево. Он перенес тяжесть на левую ногу, наступил правой. И полез вверх.

Даже закрыв глаза, вы безошибочно можете определить, что приближаетесь к вершине дерева. Любого дерева. Чем выше вы поднимаетесь, тем сильнее раскачивается ствол, который под вашими руками становится все тоньше; по мере того как вокруг редет листва, все ярче светит солнце; все быстрее и быстрее бьется ваше сердце...

Добравшись до последней развилки, Стронг уселся верхом на ветку и посмотрел вниз, на раскинувшийся перед ним мир.

Отсюда листва еще больше напоминала зеленое облако — огромное зеленое облако, которое скрывало почти всю деревню. За его кружевными краями были видны только самые крайние домики. А дальше бесшумно катилось к горизонту «Великое Пшеничное Море» — как он мысленно называл поля.

Хотя более уместным здесь было бы слово «архипелаг». Потому что, куда бы он ни бросил взгляд, повсюду виднелись «острова». «Острова» сгнивших деревьев; одни — увечные зловещими серыми маяками мертвых деревьев, другие — засыпанные серыми обломками упавших. «Острова» контейнеров с отбросами из прочной стальной фольги, «острова» ангаров из того же материала. В них находились сеялки-геликоптеры и облегченные комбайны, взятые колонистами в аренду у Департамента Галактических Земель.

Вблизи деревни виднелись «острова» поменьше: завод по обеззараживанию сточных вод, мусоросжигательная печь, крематорий. И наконец, еще один, новенький с иголочки, «остров» —

лесопильный завод, на котором колонисты собирались обрабатывать древесину этого дерева.

В некотором смысле дерево уподоблялось урожаю, потому что на Омикроне Сети-18 высоко ценилась древесина — почти так же, как на Земле. Но даром они ее не получают, подумал Стронг; им таки придется раскошелиться и отвалить компании «Убийцы деревьев, инкорпорейтед» кругленькую сумму.

Стронг расхохотался. Он не очень-то симпатизировал колонистам. Как и Блюскиз, он отлично понимал, что они творят с почвой и как будет выглядеть Омикрон Сети-18 через пятьдесят лет. Временами он их ненавидел...

Но не сейчас. Сейчас, когда утренний ветерок вздувал его древорубашку и утреннее солнце касалось его лица, когда над его головой распростерлось необъятное небо, а у ног раскинулся весь мир, сейчас ему вообще трудно было что-либо ненавидеть.

Он выкурил сигарету. На вершине мира, под чужим ветром и солнцем, она показалась ему особенно приятной. Он затягивался, пока окурки не ожег ему пальцы, потом загасил его о подошву ботинка.

Когда он поднял руку, на его указательном и большом пальцах была кровь.

Сперва он решил, что порезался, но, когда он стер кровь, на руке не оказалось ни малейшего пореза, даже царапины. Он нахмурился. Быть может, он поранил себе ногу? Он наклонился... и увидел окровавленную подошву ботинка и кровь, каплями стекавшую с шипа. Он наклонился еще ниже... и увидел кровавый след, оставленный шипами на гладкой серой поверхности ствола. Наконец он понял, в чем дело. Кровь была не его. Это была кровь дерева.

Искрилась на солнце дрожащая под ветром листва, и лениво качался из стороны в сторону ствол. Из стороны в сторону, из стороны в сторону...

Сок!

Ему уже начало казаться, что это слово никогда не отстоит свои права, а его сознанием навеки завладеет его ложный синтоним.

Сок...

Ведь ему совсем не обязательно быть прозрачным. При соответствующих пигментах сок мог быть любого цвета под солнцем. Пурпурного. Зеленого. Коричневого. Красного...

Кроваво-красного...

Из того, что обычные деревья обладали определенными особенностями, вовсе не следовало, что те же особенности должны быть свойственны и этому дереву. Не было такого закона, по которому сок дерева обязательно должен быть бесцветным.

Ему стало немного легче. Красный сок, подумал он. Надо поскорее сообщить Райту!

Но когда Райт связался с ним, он не сказал ему об этом ни слова.

— Вы готовы? — спросил Райт.

— Нет... не совсем. Произвожу небольшую разведку.

— Как я погляжу, сегодня это ваше любимое занятие.

— Отчасти.

— Ладно, раз уж вы решили оставить дриад себе, не буду вам мешать. Тем более вы слишком высоко. А такому немолодому древорубу, как я, взобраться к вам не под силу. Я хотел вам сказать, что мы собираемся немного закусить. Советую вам сделать то же самое.

— Слушаюсь, — сказал Стронг.

Но есть он не стал. Лежавший у него в кармане древорацион не возбуждал аппетита. Посидев еще немного на развилке, он выкурил еще одну сигарету и спустился по стволу до ветви, через которую проходила седельная веревка. Руки его обогрились кровью, и ему пришлось вытереть их носовым платком.

Убрав шипы, он обвил ногами веревку и «слетел» вниз на развилку, через которую проходил шнур. Пробыв там ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы сесть в седло, он молниеносно спустился к концу шнура и прикрепил к поясу щипцы. Первая стофутовая ветвь находилась под ним футах в двадцати. Он в секунду преодолел это расстояние и стал на ветвь. Потом он приладил к ветви щипцы. Их острые клешни вгрызлись в дерево. Работа подействовала на него успокаивающе, и, включив передатчик, он машинально заговорил в том шутливо-официальном тоне, в котором они с Райтом иногда беседовали по линии «земля — дерево».

— Теперь дело за вами, мистер Райт. Я готов.

Молчание. И наконец:

— Вас, мистер Стронг, не очень-то устраивают длинные обеденные перерывы, а?

— Во всяком случае, не тогда, когда у меня под носом маячит такое огромное дерево.

— Включаю лебедку. Дайте знать, когда шнур натянется.

— Слушаюсь, мистер Райт.

Заработала лебедка, шнур, до этого висевший дугой, превратился в струну. Ветвь вздрогнула, затрещала...

— Выключите лебедку, мистер Райт.

Стронг направился к стволу, устроился в седле и достал резак, с виду похожий на пистолет. Настроив резак на десятифутовый луч, он направил дуло на основание ветви. Он уже совсем было собрался нажать курок, когда у самой границы его поля зрения мелькнули контуры тела и цветное пятно. Он перевел взгляд туда, где полуденное небо ласково гладило отягощенные листьями боковые ветки...

И увидел дриаду.

— Мы ждем вашей команды, мистер Стронг.

Стронг судорожно глотнул. Выступивший на лбу пот потек вниз и залил ему глаза. Он вытер его рукавом рубашки. Дриада не исчезла.

Опершись на локоть, она полулежала на ветке, слишком тонкой, чтобы выдержать ее тяжесть, а ее легкое платье настолько слилось с окружающей листвой, что, если бы не ее волшебное лицо, не золотистые руки и ноги и не пушистая копна желтых волос, он мог бы поклясться, что она ему почудилась; но, даже разглядев ее, он все равно почти готов был поклясться, что ее там нет, ибо лицо ее могло быть только что распустившимся цветком, ее руки и ноги — золотистой пшеницей, проглядывав-

шей через просветы в листе, а волосы — горстью солнечного света.

Он снова протер глаза. Но она не желала исчезать. Чувствуя себя дураком, он помахал ей рукой. Она даже не шевельнулась. Он опять помахал ей, чувствуя себя уже полнейшим идиотом. Потом выключил передатчик.

— Уйди оттуда! — крикнул он.

Она и глазом не моргнула.

— Почему задерживаетесь, Стронг?

Тон Райта и опущение насмешливо-официального обращения «мистер» свидетельствовали о его нетерпении.

«Послушай, — сказал себе Стронг, — ведь до этого ты взбирался на сотни деревьев, и ни на одном из них ты не видел ни одной дриады. Ни одной. На свете вообще нет никаких дриад. Никогда не было. И никогда не будет. Ни на этом дереве и ни на каком другом. И сидящая на той ветке дриада не более реальна, чем шампанское в твоей фляжке!»

Он с трудом перевел взгляд на нижнюю часть ветви, куда был нацелен резак, и заставил себя нажать курок. Дерево рассекла узкая щель; он почувствовал почти физическую боль. Стронг включил передатчик.

— Поднимайте, — произнес он.

Струной зазвенел натянувшийся шнур; вздохнула ветвь. Он углубил разрез.

— Поднимайте, — повторил он.

На этот раз ветвь приподнялась уже заметно.

— А теперь тяните шнур равномерно, мистер Райт, — сказал он и медленно поднял невидимый луч резака, вонзая его в ткань ветви, дюйм за дюймом замораживая молекулярную структуру древесины. Когда он отрезал ветвь полностью, она повисла параллельно стволу, готовая к спуску.

— Принимайте ее, мистер Райт!

— Слушаюсь, мистер Стронг!

Пока ветвь опускалась мимо него, он срезал самые большие боковые ветки, чтобы она не застряла по дороге. Когда с ним поравнялся ее последний отрезок, он внимательно осмотрел его. Дриады там не было и в помине.

Он заметил, что у него снова дрожат руки, а взглянув в сторону ствола, увидел такое, отчего они задрожали еще сильнее: луч на некоторое время заморозил поверхность среза, но сейчас, когда на срез упало солнце, из раны начала сочиться кровь...

Нет, не кровь. Сок. Красный сок! Господи боже, что это с ним происходит? Однако, несмотря ни на что, он продолжал следить глазами за шнуром, чтобы успеть предупредить Райта, если ветвь застрянет. Но ветвь оказалась очень покладистой: она беспрепятственно прошла сквозь нижние ветки, и вскоре он услышал голос Райта:

— Она уже внизу, мистер Стронг. Я возвращаю вам шнур.

И тут же испуганное:

— Том, вы что, порезались?

— Нет, — ответил Стронг. — Это сок дерева.

— Сок! Будь я проклят! — и немного погодя: — Сухр говорит, что он кажется ему розовым. Но Блюскиз утверждает, что он темно-красный. А каким видите его вы, Стронг?

— Он похож на кровь, — ответил Стронг.

До того как понадобилось переместить лебедку, ему удалось срезать восемь ветвей. А когда лебедку установили с другой стороны дерева, он снял еще восемь.

Подошло время кончать работу. Райт сделал ему традиционное предложение:

— Хотите провести ночь на земле?

И Стронг ответил традиционным отказом:

— Черта с два!

— Обычай не покидать дерево, пока с ним не покончено, может не соблюдаться, если имеешь дело с таким великаном.

— Тем не менее я не нарушу его, — возразил Стронг. — Что там на ужин?

— Мэр посылает вам особое блюдо, приготовленное специально для вас. Я переправлю его наверх. А пока садитесь в лифт — надо же опуститься до ветви, где вы оставили древопалатку.

— Слушаюсь.

— Мы собираемся переночевать в отеле. Я не стану выключать свой приемник — вдруг вам что-нибудь понадобится.

Мэр появился только через полчаса, но блюдо, которое он привез, стоило времени, потраченного на его ожидание. Стронг успел установить палатку и теперь сидел перед ней, поджав потурецки ноги, и ел. Солнце скрылось, и листву алыми узорами расцвели птицы-хотушки, хрипло крича вслед уходящему дню.

Заметно похолодало, и, покончив с едой, Стронг сразу же достал и включил обогревательный прибор. Фабриканты обогревательных приборов, предназначенных для пользования под открытым небом, учитывали не только удобства выезжающего за город потребителя, но и его настроение. Прибор Стронга был выполнен в виде небольшого костра, и с помощью регулятора можно было заставить искусственные дрова гореть ярко-желтым, темно-оранжевым или вишневым светом. Стронг выбрал вишневый, и бодрящее тепло, заструившееся из крохотных атомных батареек, отчасти разогнало его одиночество.

Вскоре начали восходить луны — у Омикрона Сети-18 их было три — и непрерывно меняющийся узор лунных бликов на листьях, ветви и цветах действовал усыпляюще. В своем новом обличье дерево было прекрасно. Птицы-хотушки угомонились, поющих насекомых поблизости не было. Стояла полная тишина.

Вначале он увидел только отдельные штрихи: сияющую белизну ног, нежное мерцание рук; тьму, где ее тело скрывала туника; расплывчатое серебристое пятно лица. Наконец все это соединилось, и она возникла там во всей своей призрачной красоте. Она вышла из мрака и села по другую сторону костра. Сейчас лицо ее виделось гораздо отчетливей, чем днем, — очаровательное сказочной миниатюрностью черт и яркой синевой глаз.

Она долго хранила молчание, молчал и он, и они тихо сидели по обе стороны костра, а вокруг была ночь, серебряная, безмолвная и черная. И наконец, он произнес:

— *Это ты была там, на ветви, правда?.. И в шатре из листьев тоже была ты, и это ты стояла, прислонившись к стволу.*

— *В некотором смысле, — сказала она, — в некотором смысле это была я.*

— *И ты живешь на этом дереве...*

— В некотором смысле, — повторила она. — В некотором смысле я живу на нем. — И потом: — Почему земляне убивают деревья?

Он на мгновение призадумался.

— По очень многим причинам, — сказал он. — Если ты Блюскиз, ты убиваешь их потому, что это дает тебе возможность проявить одну из тех немногих унаследованных тобою черт, которую не смог отнять у твоей расы белый человек, — презрение к высоте. Но сколько бы ты ни убивал их, твоя душа, душа американского индейца, корчится от ненависти к самому себе, ибо по сути дела ты причиняешь другим землям то же самое, что белый человек причинил твоей собственной. Если же ты Сухр, ты убиваешь их потому, что, умерщвляя деревья, ты испытываешь такое же удовлетворение, какое художнику приносит живопись, писателю — творчество, композитору — создание музыкального произведения.

— А если ты — это ты?

Он почувствовал, что не сможет солгать.

— Тогда ты убиваешь их потому, что тебе не дано стать взрослым, — произнес он. — Ты убиваешь их потому, что тебе нравится поклонение обывателей, тебе нравится, когда они хлопают тебя по спине и угощают выпивкой. Потому, что тебе приятно, когда на улице хорошенькие девушки оборачиваются и глядят тебе вслед. Ты убиваешь их потому, что хитроумные компании вроде «Убийц деревьев, инкорпорейтед» отлично понимают твою незрелость и незрелость сотен других, таких, как ты, и они соблазняют тебя красивой зеленой униформой, соблазняют тебя тем, что посылают в школу древорубов и воспитывают там в надуманных традициях; тем, что сохраняют примитивные способы уничтожения деревьев — ведь благодаря этим примитивным способам ты кажешься почти полубогом тому, кто наблюдает снизу, и почти мужчиной самому себе.

— Так сорвите же нас, Земляне, — произнесла она, — маленькие Земляне, которые губят виноградники; ведь наши виноградники в цвету.

— Ты похитила это из моего сознания, — сказал он. — Но ты обмолвилась. Там говорится «лисы», а не «земляне».

— Лисы не переживают крушения надежд. Я сказала так, как нужно.

— ...Да, — согласился он. — Ты сказала так, как нужно.

— А теперь мне пора идти. Я должна подготовиться к завтрашнему дню. Я буду на каждой ветви, которую ты срезаешь. Каждый упавший лист будет казаться тебе моей рукой, каждый умирающий цветок — моим лицом.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. — Но та часть твоей души, которая испытывает жалость, живет только ночью. Она всегда умирает на рассвете.

— Я устал — произнес он. — Я ужасно устал. Мне нужно выспаться.

— Так спи, маленький Землянин. У твоего маленького игрушечного костра, в твоей маленькой игрушечной палатке... Ложись, маленький Землянин, и свернись калачиком в твоей теплой уютной постели...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Его разбудило пение птиц-хохотушек. Выбравшись из палатки, он увидел, как они порхают под древесными сводами, проносятся по зеленым коридорам, стремительно вырываются наружу сквозь ажурные отверстия в листе, розовые в свете зари.

Стоя на ветви, он выпрямился во весь рост, потянулся и полной грудью вдохнул прохладный утренний воздух. Потом включил передатчик.

— Что у вас на завтрак, мистер Райт?

Райт отозвался немедленно.

— Олады, мистер Стронг. Мы сейчас уничтожаем их как голодные волки. Но не волнуйтесь: жена мэра уже взбивает изрядную порцию специально для вас.. Хорошо выспались?

— Неплохо.

— Рад это слышать. Сегодня вам придется попотеть. Ведь сегодня вам достанутся ветви побольше. Уже заарканили какую-нибудь симпатичную дриаду?

— Нет. Забудьте о дриадах, мистер Райт; давайте-ка лучше сюда олады.

— Слушаюсь, мистер Стронг.

После завтрака он свернул лагерь и убрал в лифт палатку, одеяла и обогревательный прибор. Покончив с этим, Стронг поднялся в лифте к тому месту, где прервал работу накануне.

Он отмерил шагами девяносто футов и, опустившись на колени, закрепил щипцы. Потом попросил Райта натянуть шнур. Далеко внизу виднелись домики и задние дворы. На краю площади выстроилась длинная очередь транспортировщиков древесины, готовых везти на лесопильный завод новый дневной урожай.

Когда шнур натянулся, он попросил Райта приостановить лебедку, пошел назад к стволу и, сев в седло, приготовился срезать ветвь. Поднял резак, прицелился. Прикоснулся к курку. «Я буду на каждой ветви...»

В сознании его вдруг вспыхнули видения прошлой ночи и на какой-то миг парализовали его волю. Он взглянул на конец ветви, где, поблескивая на солнце, трепетали под ветром убранные листьями тонкие боковые ветки. На этот раз он даже удивился, не увидев там дриады.

Прошла не одна минута, пока он, наконец, заставил себя перевести взгляд туда, куда ему сейчас положено было смотреть. И заново нацелил резак. «Возлюбленных все убивают, — подумал он и нажал курок. — Так повелось в веках».

— Принимайте ее, мистер Райт.

Когда ветвь стала спускаться, он отодвинулся в сторону и, пока она опускалась, срезал самые длинные боковые ветки. Большая часть этих веток все равно застревала в нижних слоях листвы, но, по мере того как сам он будет спускаться, все они в конце концов упадут на землю. Последние веточки были слишком малы и не вызывали беспокойства, и он отвернулся, чтобы осмотреть следующую ветвь. В ту же секунду он почувствовал на щеке нежное прикосновение листа.

Его лица словно коснулась рука женщины. Он отпрянул и с яростью потер щеку.

Немного погодя до него дошло, что в его мозгу уже давно настойчиво звучит чей-то голос.

— Том, — говорил голос. — Том! У вас все в порядке?

Он, наконец, понял, что голос принадлежит Райту и звучал не в мозгу его, а доносился из приемника.

— Что такое?

— Я спрашиваю, все ли у вас в порядке?

— Да... у меня все в порядке.

— Слишком уж долго вы не отвечали! Я хотел вам сказать, что только что пришло сообщение от директора лесопильного завода — по его словам, древесина всех ветвей, которые мы срезали, наполовину сгнила. Он боится, что им не удастся спасти ни кусочка. Передвигайтесь с осторожностью. Прежде чем перебросить шнур, хорошенько проверяйте прочность развилки.

— Мне дерево кажется вполне здоровым, — возразил Стронг.

— Как бы там ни было, не доверяйтесь ему в тех случаях, когда можно без этого обойтись. Как ни крути, а конец тут один. Я отослал несколько проб сока в местную лабораторию. Они утверждают, что в нем нет никакого красящего пигмента, наличием которого можно было бы объяснить его странный цвет. Так что, возможно, нам только кажется, что мы видим «кровь».

— А может, это само дерево заставляет нас видеть «кровь».

Райт расхохотался.

— На вас, видно, здорово подействовало общение с дриадами, мистер Стронг. Теперь смотрите в оба!

— Слушаюсь, — сказал Стронг, выключая передатчик.

Он с облегчением перевел дух. По крайней мере эта «кровь» встревожила не его одного. Срезая следующую ветвь, он уже чувствовал себя намного спокойнее. Он «слетел» на следующую ветвь и, повернувшись спиной к стволу, пошел к ее концу. Внезапно он почувствовал под ногой что-то мягкое. Опустив глаза, он увидел, что наступил на цветок, упавший не то с верхушки дерева, не то с одной из только что срезанных им веток. Он нагнулся и поднял его. Цветок был раздавлен, стебель его сломан, но, даже умирая, он каким-то необъяснимым образом мучительно напоминал женское лицо.

Он набросился на дерево, надеясь, что усталость притупит чувства.

Работал он с остервенением. Сок обагрив его руки, запятнал одежду, но он заставил себя не думать об этом. Он заставил себя не думать о цветах, о листьях, которые порой ласково касались его лица. К полудню он уже спустился ниже той ветви, на которой провел ночь. Над ним уходила в небо трехсотфутовая колонна изувеченного ствола.

Достав свой древорацион, он наспех перекусил и снова взялся за работу. Солнце палило нещадно. Он остро ощущал отсутствие ветвей и листьев, которые вчера прикрывали его тенью. Толстые и длиннющие нижние ветви своими размерами внушали ему благоговейный страх. Даже если точно знаешь, что шнур, которым пользуешься, никогда, ни при каких условиях не порвется, все равно трудно спокойно наблюдать, как тонкая нить поднимает в вертикальное положение двухсот- или трехсотфутовую ветвь и, приняв на себя всю ее тяжесть, плавно опускает на землю.

Чем ниже он спускался, тем сильнее «кровоточило» дерево, «Кровь», сочившаяся из обрубков, каплями стекала вниз, заливая ветви и листья и превращая его работу в какой-то кошмар из окровавленных пальцев и пропитанной красным одежды. Но он с упорством продолжал делать свое дело, и, когда кончился день, ему уже осталось пройти меньше двухсот футов.

Стронг устроил палатку на самой верхней из оставшихся ветвей и попросил Райта прислать ему воду, мыло и полотенце. Когда Райт выполнил его просьбу, он разделся, хорошенько намылился и смыл пену водой. Вытершись насухо, он в остатке воды выстирал свою одежду и развесил ее над костром. Ему стало легче. Райт прислал ужин — еще одно блюдо, специально для него приготовленное женой мэра. Он набросил на плечи

одеяло и, усевшись, поджав ноги, у костра, принялся за еду. К тому времени, когда он покончил с ужином, платье его уже высохло, и он оделся. На небе высыпали звезды.

Он открыл чашку-термос, которую ему прислали вместе с едой, и, потягивая кофе, выкурил сигарету.

Он думал о том, придет ли она сегодня ночью.

Наконец поднялась первая луна, и вскоре к ней присоединились две ее серебристые сестры. Их белоснежное сияние преобразило дерево. Ветви, в том числе и та, на которой он сидел, казались лепестками огромного цветка. Но иллюзия эта вмиг рассеялась, когда его взгляд упал на поднимающийся из самой середины цветка изуродованный, весь в обрубках ствол.

Но он не отвел глаз. Встав во весь рост, он повернулся лицом к стволу и взглянул вверх на это уродство, созданное его собственными руками. Выше и выше поднимался его взгляд, туда, где прекрасная, как волосы женщины, темнела блестящая шапка вершины... Он вдруг заметил, что к волосам этим был приколот цветок; одинокий цветок, слабо мерцавший в лунном свете.

Он протер глаза и снова посмотрел туда. Цветок не исчез. Это был какой-то странный цветок, не похожий на остальные: он цвел над самым близким к вершине обрубок ветви — над тем самым обрубок, где он впервые увидел кровь дерева.

Лунный свет становился все ярче. Он нашел глазами развилку, через которую проходил шнур, и скользнул по шнуру взглядом вниз, до того места, где укрепил его, окончив с дневной работой. Протянув руку, он коснулся шнура; прикосновение это было приятным, и через мгновение, облитый лунным светом, он уже лез наверх.

Он поднимался, играя узлами бицепсов, натягивая напряженными мускулами спины рубашку. Все выше и выше, к лунному свету, к волшебству. А под ним постепенно уменьшались, сливаясь в сплошную серебристую массу, нижние ветви. Добравшись до развилки, через которую проходила седельная веревка, он снял ее, смотал и переброемил через плечо. Дыхание его было ровным и легким, он не чувствовал никакой усталости. И лишь тогда, когда он добрался до развилки, через которую проходил шнур, он начал задыхаться и утомлением налились его руки. Сделав на конце веревки петлю, он сложил ее витками и забросил на обрубок ветви, торчавший над ним примерно в пятнадцати футах. Так он забрасывал ее еще восемь раз, пока, наконец, не достиг развилки, через которую вчера впервые переброемил седельную веревку. Грудь его стеснило, вздувшиеся мускулы содрогались от боли. Он выпустил шипы и полез вверх, преодолевая последние футы ствола. Добравшись до самой высокой развилки, он поднял голову и увидел ее, сидящую на суку, и цветок был ее лицом.

Она подвинулась, освобождая для него место, и он сел рядом с ней, а далеко внизу, подобно гигантскому перевернутому зонтику, раскинулись нижние ветви дерева, и, обрамляя его убранные листьями края, словно многоцветные капли дождя мерцали огоньки деревни. Он увидел, что она стала еще тоньше и в глазах ее была грусть.

— Ты пыталась убить меня, правда? — отдышавшись, спросил он. — Ведь ты не верила, что я смогу взобраться сюда.

— Я знала, что ты с этим справишься, — сказала она. — Это завтра я убью тебя. Не сегодня.

— А как ты сделаешь это?

— Я... я не знаю.

— Но почему тебе захотелось убить меня? Есть же на свете другие деревья — если не здесь, то где-нибудь в иных землях.

— Для меня существует только одно-единственное, — ответила она.

— Дриады были нашей выдумкой, шуткой, — произнес он. — Моей и остальных. И, как это ни странно, никому из нас никогда не приходило в голову, что если бы они и впрямь существовали, то по логике вещей из всего населения Галактики они должны были бы ненавидеть именно нас.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала она.

— Нет, понимаю. Ведь я могу представить, что бы я чувствовал, если б у меня был свой дом и в один прекрасный день кто-нибудь принялся разрушать его.

— Это совсем не то, — сказала она.

— Но почему же? Разве дерево — не твой дом? Ты живешь на нем одна?

— ...Да, — ответила она. — Я одинока.

— Я тоже одинок, — сказал он.

— Но не сейчас, — возразила она. — Сейчас ты не одинок.

— Нет. Сейчас нет.

Лунный свет, стекая с листьев, осыпал их плечи брызгами серебристых капель. Из золотого серебряным стало Великое Пшеничное Море и серебряной мачтой затонувшего корабля казалось видневшееся вдали мертвое дерево с голыми перекладинами мертвых ветвей, на которых когда-то вздувались паруса листвы, искрясь на солнце, полоскались под теплыми летними ветрами, трепетали весной в порывах предрассветного бриза, дрожали осенними вечерами от холодного дыхания первых заморозков...

«Интересно, что происходит с дриадой, когда умирает ее дерево?» — подумал он.

— Она тоже умирает, — ответила она, прежде чем он успел спросить это вслух.

— А почему?

— Ты этого не поймешь.

— Прошлой ночью мне показалось, что ты мне приснилась, — помолчав немного, сказал он. — А сегодня утром, проснувшись, я уже не сомневался, что видел тебя во сне.

— Ты ведь не мог думать иначе, — сказала она. — И завтра ты вновь будешь думать, что я тебе приснилась еще раз.

— Нет, — возразил он.

— Да, — сказала она. — Ты опять будешь считать меня сновидением, потому что у тебя нет другого выхода. Ведь иначе ты не сможешь убить дерево. Иначе ты не выдержишь вида «крови» и самому себе покажешься безумцем.

— Может быть, ты и права.

— Я знаю, что я права, — произнесла она. — Как это ни ужасно. Завтра ты спросишь себя, а может ли вообще существовать на свете дриада, тем более такая, которая говорит по-английски, тем более такая, которая цитирует стихи, прочтя их

в моих мыслях; тем более такая, которая силой своих чар способна заставить меня преодолеть почти пятьсот футов ствола для того только, чтобы поболтать со мной, сидя на залитой лунным светом ветке.

— *А если и вправду вдуматься, разве может быть такое на самом деле?* — спросил он.

— *Вот видишь? Еще не наступило утро, а ты уже сомневаешься. Тебе снова начинает казаться, что я — это всего лишь игра света на листьях и ветвях; что я — это всего лишь романтический образ, рожденный твоим одиночеством.*

— *Есть способ проверить это,* — сказал он и, потянувшись, попытался коснуться ее. Но она выскользнула из-под его руки и отодвинулась к краю сука. Он последовал за ней и тут же почувствовал, как сук под ним согнулся.

— *Не нужно,* — попросила она. — *Не нужно.*

Она отодвинулась еще дальше, сейчас такая тонкая и бледная, что он едва мог различить ее на фоне затканной звездами небесной тьмы.

— *Я знал, что ты мне только привиделась,* — сказал он. — *Ты не можешь быть настоящей.*

Она не отозвалась. Он напряг глаза — и увидел лишь листья, и тени, и лунный свет. Он начал медленно двигаться обратно к стволу, как вдруг почувствовал, что сук под ним гнется все больше, и услышал треск ломающейся древесины. Но сук обломился не сразу. Вначале он пригнулся к дереву, и за какую-нибудь секунду до того, как он сломался окончательно, Стронг успел обхватить руками ствол и, прильнув к нему всем телом, повис так, пока ему не удалось вонзить в дерево шипы.

Долгое время он не шевелился. Он слышал, как постепенно замирает свист рассеянного падающим суком воздуха, слышал, как далеко внизу зашелестела листва, через которую он пробиравал себе путь, и слабый стук его падения на землю.

Наконец он двинулся вниз. Спуск был каким-то совершенно нереальным. Казалось, ему не будет конца.

Он вполз в палатку и втащил за собой костер. Пчелиным роением сонно жужжала в его мозгу усталость. Он исступленно мечтал отделаться от дерева. Пропади она пропадом, эта традиция, подумал он. Он только срежет ветви, а потом пусть его место займет Сухр.

Но он знал, что бесстыдно лжет самому себе; что никогда не допустит, чтобы Сухр коснулся лучом резака хоть одной ветки. Это дерево должен срубить он сам.

Вскоре Стронг заснул с мыслью о последней ветви.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И именно последняя ветвь едва его не убила.

Когда он срезал все остальные, наступил полдень, и он приостановил работу, чтобы позавтракать. Есть ему не хотелось. Его мутило от одного вида дерева — гладкого и стройного на протяжении первых двухсот восьмидесяти семи футов, искалеченного и гротескного на протяжении следующих шестисот сорока пяти. Только представляя себе, как к тем умирающим ветвям

взбирается не он, а Сухр, Стронг находил в себе силы продолжать работу.

И вот наступил момент, когда нижняя ветвь стала последней и ее пятьсот футов нелепо нависли над площадью и деревьями.

В том месте, где он стоял, относительно небольшая толщина ветви позволяла ему взглянуть вниз, на площадь как раз под ним. Он собрал солидную аудиторию: там были, конечно, Райт, Сухр, Блюскиз и водители транспортировщиков древесины, а на улицах, находившихся за веревочным ограждением, толпились сотни колонистов; они, задрвав головы, с жадным любопытством смотрели в его сторону. Но сейчас их присутствие почему-то не вызвало в нем того волнующего вдохновения, которое он обычно испытывал, работая на глазах у зрителей. Вместо этого он вдруг поймал себя на мысли о том, что бы они стали делать, если б он нечаянно уронил отрезанную ветвь. Ее хватило бы, чтобы разрушить не менее двадцати домиков, а если бы ее удалось еще и подтолкнуть, число это возросло бы в полтора раза.

Осознав вдруг, что это мысли предателя, он поспешил включить передатчик:

— Поднимайте ее, мистер Райт.

Туго натянутый шнур придавал сейчас ветви сходство с висячим мостом, державшимся на одном-единственном тросе. Стронг направился обратно к стволу и, дойдя до него, приготовился срезать ветвь. Поднял и нацелил резак. Едва он нажал курок, из листвы на другом конце ветви выпорхнула стайка птиц-хохотушек.

— А теперь еще выше, мистер Райт.

Застонав, ветвь слегка приподнялась. Птицы-хохотушки трижды облетели вокруг ствола, молниеносно взмыли к вершине и исчезли из виду. Он резанул снова. Эта сторона дерева была обращена к солнцу, и из образовавшейся щели выступил сок и тонкими струйками потек вниз по стволу. Стронг внутренне содрогнулся, резанул еще.

— Не ослабляйте натяжения, мистер Райт.

Ветвь постепенно поднималась все выше, дюйм за дюймом, фут за футом, внушая ужас своей чудовищностью. Среди ранее срезанных им ветвей попадались настоящие гиганты, но рядом с этой они выглядели карликами.

— Чуть быстрее, мистер Райт.

Ветвь стала подниматься равномерно. Он бросил быстрый взгляд вниз, Сухр и Блюскиз, разрезав последнюю посланную Стронгом вниз ветвь на части, подходившие для погрузки на транспортировщики, следили за ним с напряженным вниманием. Райт стоял у главной лебедки, не спуская глаз с поднимавшейся ветви. Площадь отливала красным. Как и одежда стоявших внизу мужчин.

Стронг вытер лицо окровавленным рукавом рубашки, снова перевел взгляд на срез и постарался сконцентрировать на нем все внимание. Ветвь уже стояла почти вертикально — наступил критический момент. Он опять вытер лицо. Господи, как же падало солнце! И никакой тени, чтобы укрыться от его жгучих лучей. Ни малейшей тени. Ни клочка, ни пятнышка, ни ничтожнейшей крупинки тени...

Его вдруг заинтересовал вопрос, по какой бы цене шла тень дерева, если б в Галактике обнаружилась ее острая нехватка. И как бы вы ее продавали, если б она у вас была? Кубическими футами? В зависимости от температуры? Качества?

Доброе утро, мадам. Мой бизнес — тени деревьев. Я специализируюсь на продаже всевозможных редких теней: к примеру, я торгую тенями плакучей ивы, дуба, яблоневого дерева, клена и многих, многих других деревьев. Но сегодня я могу предложить нечто исключительное — совершенно необычную тень дерева, только что доставленную с Омикрона Сети-18. Она глубока, темна, прохладна и великолепно освежает; короче, это именно та тень, в которой лучше всего можно отдохнуть после дня, проведенного на солнце, — кстати, это последний экземпляр такого рода, поступивший в продажу. Вам, мадам, наверно, кажется, что вы хорошо разбираетесь в тенях и вас ничем не удивить, но поверьте, что вам никогда в жизни не попадалось ничего похожего на эту тень. Ее продавали прохладные ветры, в ней пели птицы и день-деньской резвились дриады...

— Стронг!

Он очнулся с быстротой пловца, вынырнувшего из глубины моря на поверхность. На него надвигалась темная громада ветви. Она обламывалась по линии надреза, отделялась от своего основания. Он услышал громкий треск древесины и скрежет трения коры о кору. Он увидел «кровь».

Стронг хотел метнуться в сторону, но ноги словно налились свинцом. Застыв на месте, он мог только смотреть, как неумолимо приближается ветвь, и ждать, пока, окончательно освободившись, не обрушатся на него эти тонны древесины и его кровь не смешается с «кровью» дерева.

Он закрыл глаза. «Этo завтра я убью тебя, — сказала она. — Не сегодня».

— Банг! — загудел шнур, приняв на себя всю тяжесть отломившейся ветви, и он почувствовал, как задрожало дерево.

Но удара почему-то не последовало, тело его не было раздавлено и размазано по стволу. Сейчас для него существовала только тьма за опущенными веками и ощущение, что время остановилось.

— Стронг! Бога ради, да убирайтесь же, наконец, оттуда!

Он открыл глаза. В последний момент ветвь качнулась в другую сторону. А теперь она пошла обратно. Ноги его ожили; отчаянно карабкаясь и цепляясь ногтями за кору, он перебрался на другую сторону ствола. Дерево все еще содрогалось, и это мешало ему сесть в седло, но, прижавшись к выпуклостям коры, он ухитрился продержаться так, пока не стихла вибрация. Когда дерево успокоилось, он вернулся по стволу обратно, туда, где на конце шнура покачивалась ветвь.

— Все, Стронг. С вас хватит. Я приказываю вам спуститься на землю!

Взглянув вниз, он увидел стоявшего у лебедки Райта, который, подбоченясь, сердито смотрел на него. Блоскив возился у пульты управления лебедки, а Сухр уже застегивал на себе пояс верхолаза. Ветвь быстро приближалась к земле.

«Итак, значит, меня снимают с дерева», — подумал Стронг.

Он подивился, что не чувствует от этого никакого облегчения.

Разве совсем недавно не мечтал он о том, чтобы очутиться на земле?

Откинувшись в седле, он задрал голову и взглянул на дело своих рук: на ужасные обрубки ветвей и какую-то бесплотную вершину. Что-то удивительно прекрасное было в этой вершине, невыносимо, до боли прекрасное. Она была скорее золотистой, чем зеленой, и больше походила на женские волосы, чем на переплетение листьев и ветвей...

— Вы слышите меня, Стронг? Я приказал вам спуститься на землю.

Внезапно он представил себе, как к этим прелестным золотистым косам подбирается Сухр, как он оскверняет их своими грубыми руками, насилует, разрушает. Будь это Блюскиз, он бы с этим смирился. Но Сухр!

Он опустил взгляд на развилку, через которую проходил шнур. Последняя ветвь уже была на земле, и шнур больше не двигался. Его глаза проследовали вдоль серебряной нити до того места, где шнур висел в нескольких футах от ствола. Протянув руку, он ухватился за него и влез на только что созданный им обрубок. Освободившись от седла, он стянул вниз веревку, свернул ее кольцами и перебросил через плечо.

— Стронг, я предупреждаю вас в последний раз!

— Идите вы к черту, Райт! — сказал Стронг. — Это мое дерево!

Он полез вверх по шнуру. Пока Стронг преодолевал первые сто футов, Райт, ни на секунду не умолкая, осыпал его проклятиями. А когда он уже преодолел более половины пути, тон Райта несколько смягчился. Но Стронг словно бы оглох.

— Ладно уж, Том, — сдался, наконец, Райт, — раз так, кончайте с деревом сами. Только не вздумайте лезть по шнуру до вершины. Поднимитесь в лифте.

— К дьяволу лифт! — огрызнулся Стронг.

Он сознавал, что поступает неразумно, но ему было наплевать на все. Он хотел добраться до вершины именно так, хотел выжать из себя все силы, хотел истерзать свое тело, хотел испытать боль. Боль пришла, когда до развилки, через которую проходил шнур, оставалось футов двести. Когда он достиг ее, боль уже разгулялась всюю. Но это была еще не та боль, которой он жаждал, и, не передохнув ни секунды, он сделал на конце веревки петлю, забросил ее на торчавший выше обрубок ветви и полез дальше. Еще три раза забрасывал он веревку, пока не добрался до первой ветви вершины, и, очутившись под сенью листьев, с благодарностью окунулся в живительную прохладу. Боль раздирала его мышцы, легкие жгло огнем, в горле словно спекся ком дорожной грязи.

Немного отдышавшись, он отхлебнул из фляжки и лег в прохладной тени без мыслей, без чувств, без движения. Откуда-то сквозь туман забывтья донесся до него голос Райта:

— Хоть вы и полнейший болван, Стронг, но древоруб вы замечательный!

Он был слишком измучен, чтобы ответить.

Постепенно, капля за каплей, к нему возвращались силы; он встал на ветви и выкурил сигарету. Потом взобравшись повыше, он принялся внимательно осматривать ветви. В общем-то

он и не ждал, что найдет ее там, но, прежде чем приняться за вершину, он должен был знать, что ее там нет.

Птицы-хохотушки тарашили на него глаза-полумесяцы. Зеленые беседки были усыпаны цветами. Под слабым ветерком тихо дрожали обрызганные солнцем листья.

Он хотел позвать ее, но не знал ее имени. Если оно вообще у нее было. Странно, что он не догадался спросить, как ее зовут. Он разглядывал причудливые изгибы ветвей, невиданные узоры из листьев.

Верхушка дерева была пуста — нигде не было ни ее лица, подобного цветку, ни ее сотканной из листьев туники, ни ее тонких ног и рук цвета спелой пшеницы, ни ее золотых как солнце волос. Он не мог сказать, что он почувствовал, не найдя ее, — облегчение или разочарование. Он боялся найти ее. Ведь окажется она на вершине дерева, он не знал бы тогда, как поступать дальше. Но теперь Стронг понял: точно так же он боялся ее не найти.

— Мистер Стронг! Вы прощаетесь со своей дриадой?

Вздвигнув, он посмотрел вниз на площадь. Трио — Райт, Сухр и Блюскиз казались отсюда микроскопическими, едва различимыми точками.

— Осматриваю ее, — ответил Стронг. — Я имею в виду вершину. Здесь около девяноста футов; вы справитесь с ней, если я срежу ее целиком?

— Рискнем, мистер Стронг. Но я хочу, чтобы вы, пока позволит диаметр, разрежали верхнюю часть ствола на «бревна» длиной по пятьдесят футов каждое.

— Тогда готовьтесь, мистер Райт.

Ему показалось, что, падая, вершина склонилась перед небом в прощальном поклоне. Птицы-хохотушки выпорхнули из листьев и алой искоркой мелькнули к горизонту. Вершина поплыла к земле, точно зеленое облако, и летним ливнем зашумел рассекаемый листьями воздух.

Дерево затряслось, как плечи рыдающей женщины.

— Блестящая работа, мистер Стронг, — услышал он немного погодя голос Райта. — По моему приблизительному подсчету, вы сможете теперь нарезать одиннадцать пятидесятифутовиков — больше не получится из-за возрастающего диаметра ствола. Потом вы должны будете отрезать два «бревна» по сто футов. Если вы сделаете это как следует, то, упав, они не доставят нам никаких хлопот. А потом вам останется только свалить последние двести футов основания, но так, чтобы его верхняя часть легла на одну из улиц деревни; когда вы спуститесь, мы обмозгуем, как это сделать получше. Таким образом, вам предстоит пустить в ход ваш резак еще четырнадцать раз. Как, по-вашему, вы успеете кончить сегодня?

Стронг взглянул на часы.

— Сомневаюсь, мистер Райт.

— Если успеете — прекрасно. Если нет — в нашем распоряжении еще целый завтрашний день. Пожалуй, не стоит испытывать судьбу, мистер Стронг.

Первое пятидесятифутовое «бревно», спикував, ударилось о черную землю площади и, секунду постояв вертикально, завалилось набок. За ним последовало второе...

Потом третье, четвертое...

Ну не забавно ли, подумал Стронг, насколько физический труд ставит все на свои места и излечивает рассудок. Сейчас ему трудно было поверить, что каких-нибудь полчаса назад он искал дриаду. Что не прошло и суток с того времени, когда он с ней разговаривал...

Пятое, шестое...

После седьмого работа пошла медленнее. Стронг приближался к отметке, сделанной им раньше на середине ствола, и диаметр его уже достиг почти тридцати футов. Ему теперь приходилось вбивать в ствол древоколя и протягивать через отверстия на их концах импровизированные спасательные пояса. Но зато благодаря замедлившемуся темпу работы Сухр и Блюскиз успевали теперь резать «бревна» на части, подходящие по размеру для погрузки на транспортировщики. Вначале они отставали, а сейчас начали его догонять. Как сообщил Райт, колонисты окончательно распростились с надеждой спасти древесину и складывали ее штабелями на открытой местности, подальше от лесопилки, чтобы потом сжечь всю сразу.

Стронг искоса поглядывал на солнце. Он пробыл на дереве почти три дня, и ему совсем не улыбалось провести еще одну ночь на его ветвях. Или, вернее, на их обрубках. Однако, разделившись с последними пятидесятифутовиками, он вынужден был признать, что ему этого не миновать. Солнце уже почти скрылось за Великим Пшеничным Морем, и он знал, что ему вряд ли удастся до наступления темноты сбросить вниз хотя бы одно стофутовое «бревно».

На обрубке, где он сейчас стоял, уместилось бы двадцать древопалаток. Райт перебросил через этот обрубок шнур (лифт был спущен еще днем, и трос лебедки смотан) и отправил наверх кое-какие припасы и ужин. Оказалось, что на ужин мэр снова посылал специально для него приготовленное блюдо. Установив палатку, Стронг без особой охоты принялся за еду; от его вчерашнего аппетита не осталось и следа.

Он был настолько измучен, что даже не умылся — хотя Райт прислал ему, помимо еды, воду и мыло — и, поужинав, растянулся на грубой коре и принялся наблюдать за серебристым восходом лун и робким пробуждением бледных звезд.

На этот раз она приблизилась к нему на цыпочках и, сев рядом, устремила на него печальный взгляд своих голубых глаз. Его потрясла бледность ее лица, и он чуть не зарыдал, увидев, как впали ее щеки.

— *Сегодня утром я искал тебя,* — сказал он. — *Но так и не нашел. Где ты скрываешься, когда исчезаешь?*

— *Нигде,* — ответила она.

— *Но должна же ты где-нибудь находиться?*

— *Ты ничего не понимаешь.* — сказала она.

— *Правда,* — согласился он. — *Пожалуй, я действительно не понимаю. Пожалуй, я не пойму никогда.*

— *Нет, ты поймешь.* — сказала она. — *Ты поймешь завтра.*

— *Завтра будет слишком поздно.*

— *Сегодня уже слишком поздно. Слишком поздно было вчера. Слишком поздно было еще до того, как ты поднялся на дерево.*

— Скажи, — произнес он, — ты из тех, кто построил деревню?

— В некотором смысле, — ответила она.

— Сколько тебе лет?

— Не знаю.

— Ты помогала строить деревню?

— Я выстроила ее одна.

— А вот сейчас ты лжешь, — сказал он.

— Я никогда не лгу, — возразила она.

— Что произошло с коренными жителями этой планеты?

— Они возмужали. Утратили ясность взгляда. Они начали осмеивать обычаи своих предков, обвинив их в невежестве и суеверии, и создали новые обычаи. Они начали изготавливать предметы из железа и бронзы и менее чем за сто лет полностью нарушили экологический баланс, который не только поддерживал их существование, но и стимулировал его в такой степени, что стимул этот был чуть ли не главной движущей силой их бытия. Поняв, что они наделали, они пришли в ужас; но было уже слишком поздно.

— И поэтому они погибли?

— Ты видел их деревни.

— Да, я видел их деревни, — проговорил он. — И я читал в отчете Разведывательного Отряда о пещерах смерти в северных пустынях, куда они притащились со своими детьми умирать. А эта деревня? Ведь они могли бы спасти ее, срубив дерево, как это делаем мы.

Она покачала головой.

— Ты все еще ничего не понимаешь, — сказала она. — Для того чтобы получать, нужно и давать: это закон, который они нарушили. Некоторые из них нарушили его раньше, другие позже, но со временем его нарушили все и должны были за это поплатиться.

— Ты права, — согласился он. — Я этого не понимаю.

— Ты поймешь завтра. Завтра все станет ясным.

— Прошлой ночью ты пыталась убить меня, — сказал он. — Зачем?

— Ты ошибаешься. Прошлой ночью ты хотел убить себя сам. Я пыталась убить тебя сегодня.

— Ветвью?

— Да.

— Но как?

— Неважно. Важно то, что я этого не сделала. Не смогла.

— Куда ты уйдешь завтра?

— Почему тебя беспокоит, куда я уйду?

— Просто так.

— Вряд ли ты полюбил меня...

— Почему ты думаешь, что я не могу тебя полюбить?

— Потому что... Потому что...

— Потому что я не верю, что ты существуешь?

— А разве не так? — спросила она.

— Не знаю, — сказал он. — Порой мне кажется, что ты реальна, порой я в это не верю.

— Я так же реальна, как и ты, — сказала она. — Только по-иному.

Внезапно он протянул руку и коснулся ее лица. Кожа ее была нежной и холодной. Холодной, как лунный свет, нежной, как лепесток цветка. Лицо ее заколебалось, заколебалось все ее тело. Он сел и повернулся к ней. Она была светом и тенью, листьями и цветами; она была ароматом лета, дыханием ночи. Он услышал ее голос. Голос этот был настолько тих, что ему с трудом удалось разобрать слова:

— Тебе не следовало этого делать. Ты должен был принять меня такой, какой я тебе казалась. Теперь ты погубил все. Теперь нам придется провести нашу последнюю ночь друг без друга, в одиночестве.

— Значит, ты все-таки не существуешь, — сказал он. — Тебя не было никогда.

Никакого ответа.

— Но если тебя никогда не было, значит, ты мне пригрезилась. А если ты мне пригрезилась, как могла ты рассказать мне о том, чего я не знал раньше?

Никакого ответа.

— Из-за тебя моя работа выглядит преступлением. Но ведь это не преступление. Когда дерево начинает угрожать обществу, его следует срубить.

Никакого ответа.

— Но тем не менее я отдал бы все на свете, чтобы этого не было, — добавил он.

Молчание.

— Все на свете...

Около него по-прежнему было пусто. Наконец он повернулся, вполз в палатку и втащил в нее костер. Он отупел от усталости. Онемевшими пальцами он кое-как разворошил одеяла, обернул ими свое онемевшее тело. Согнул онемевшие колени и обхватил их онемевшими руками.

— Все на свете, — пробормотал он. — Все на свете...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Его разбудил солнечный свет, просочившийся сквозь стенку палатки. Он отшвырнул одеяла и выбрался наружу, навстречу утру.

Он не увидел алого порхания птиц-хохотушек; не услышал их утреннего щебетания. Дерево, залитое солнцем, безмолвствовало. Мертвое дерево.

Нет, не совсем мертвое. У входа в палатку переплелись прелестные зеленые ветки, усыпанные цветами. Ему было невыносимо больно от одного их вида.

Он выпрямился во весь рост на обрубке ветви, полной грудью вдыхая утренний воздух. Стояло тихое утро. Над Великим Пшеничным Морем поднимался туман, и в ярко-голубом небе, словно только что выстиранное белье, висели обрывки перистых облаков. Он подошел к краю обрубка и посмотрел вниз. Райт смазывал лебедку. Сухр резал на части последнее пятидесятифутовое «бревно». Блюскиза нигде не было видно.

— Почему вы не разбудили меня, мистер Райт?

Райт поднял голову, нашел глазами его лицо.

— Я подумал, что вам не вредно придавить пару-тройку лишних минут, мистер Стронг.

— Это была неплохая мысль... Где наш индеец?

— На него снова напали буйволы. Топит их в баре отеля.

На площадь въехал двухколесный жироскар, и из него вылез плотный мужчина с корзинкой в руке. Мэр, подумал Стронг. Завтрак. Он помахал рукой, и мэр помахал ему в ответ.

Как вскоре выяснилось, в корзинке были ветчина, яйца и кофе. Стронг наскоро позавтракал, разобрал и сложил палатку и вместе с одеялами и костром отправил ее в лифте вниз. И приготовился отрезать первое «бревно».

«Бревно» отделилось безо всяких осложнений. Он «слетел» в седле вниз, чтобы приняться за следующее.

Сделав надрез с той стороны, куда, как распорядился Райт, должно было упасть «бревно», он перебрался на противоположную сторону ствола. Благодаря буграм и трещинам коры это оказалось делом несложным, и он даже время от времени оттаивался, чтобы бросить взгляд на площадь. Площадь была ближе, чем во все предыдущие дни, и с его новой позиции она выглядела как-то непривычно; такими же странными казались ему отсюда дома, улицы и толпы наблюдавших за ним колонистов, которые собрались за пределами огороженной и опустевшей части деревни.

Райт остановил его, когда он, перебравшись на другую сторону ствола, оказался как раз напротив первого надреза и забил древокол. Он откинулся в седле, оперся ногами о выпуклость коры и взялся за резак.

Начал он очень осторожно. Ведь просчитайся он хоть на самую малость, на него могли обрушиться тысячи тонн древесины. Трудность состояла в том, что ему приходилось делать надрез над колом: он был вынужден, подняв руки, держать резак над головой и следить за тем, чтобы луч шел к стволу под нужным углом.

Для этой сложной операции требовались прекрасное зрение и безошибочный глазомер. Стронг обладал и тем и другим, но сегодня его сковывала усталость. Насколько он устал, он понял лишь тогда, когда до него донесся отчаянный крик Райта.

Тут только он осознал, как подвели его выпуклости коры. Вместо того чтобы рассчитать угол луча, исходя из всей видимой ему поверхности ствола, он учел лишь его ограниченный участок — выпуклости сбили его с толку. Но было поздно что-либо изменить: на него уже валилось стодвадцатифутовое «бревно», и он ничем не мог этому помешать.

Он находился в положении человека, который, прильнув к скале, видит, как на него начинает падать глыба, отделившаяся от каменного массива, и вот-вот на его теле неизбежно сомкнутся каменные челюсти. И хотя в этом случае челюсти были из древесины, аналогия не становилась от этого менее точной: судьба комара, раздавленного между двумя камнями, мало чем отличается от судьбы комара, раздавленного между двумя кусками дерева.

Он не почувствовал страха, он просто не успел осознать ужас происходящего. С недоумением наблюдал он за тем, как падающая глыба закрыла от него солнце, превратив трещины между

буграми коры в темные пещеры. Он с удивлением прислушивался к голосу, который явственно звучал в его мозгу и вместе с тем никак не мог быть порожден его собственным сознанием — слишком уж много было в этом голосе нежности и муки.

— Прячься в трещину. Быстрее.

Он не видел ее: он даже не был уверен, что голос принадлежал ей. Но тело его мгновенно откликнулось на эти слова, и он судорожно начал втискиваться в ближайшую трещину, стараясь забиться туда как можно глубже. Еще секунда, и его усилия пропали бы даром, — едва плечо его коснулось внутренней стенки, надрезанный кусок ствола с грохотом обломился и ринулся вниз. Оглушительный рев, треск, летящие во все стороны щепки — и, наконец, кусок ствола исчез, проскользнув мимо.

Трещину залил солнечный свет.

Вскоре он услышал тяжелый удар — «бревно» упало на землю. За ним последовал еще удар, и он понял: оно приземлилось вертикально, а потом завалилось набок. Стронг почти с надеждой ждал, что за этим последует треск ломающегося дерева, звон разбитого стекла и прочие звуки, которые раздаются, когда на дома обрушивается что-то невероятно тяжелое, но ничего не услышал.

В трещине не было пола, и он держался в ней, прижав колени к одной ее стенке, а спину — к другой. Теперь, когда все кончилось, он медленно подошел к отверстию и взглянул вниз, на площадь.

«Бревно» упало под углом, пропахав в земле глубокую борозду и выбросив на поверхность предметы древних погребальных обрядов и обломки человеческих костей. Потом оно вытянулось во всю длину на площади, по счастливой случайности не задев ближайших домиков. Райт и Сухр бегали вдоль «бревна» в поисках его изувеченного тела... Внезапно он услышал хохот. Он понял, что это смеялся он сам; но не потому, что узнал свой голос, а просто в трещине, кроме него, больше никого не было. Он хохотал до боли в груди, пока не стал задыхаться, пока не выплеснул из себя всю истерию. Отдышавшись, он включил передатчик и сказал:

— Уж не меня ли вы ищете, мистер Райт?

Райт напрягся и, круто повернувшись, взглянул вверх. Вслед за ним повернулся и Сухр. Некоторое время они молчали. Наконец Райт поднял руку и вытер рукавом лицо.

— Я только могу сказать, мистер Стронг, — произнес он, — что здесь не обошлось без вашей доброй дриады. — И добавил: — Спускайтесь же, дружище. Спускайтесь поскорее.

Стронг, наконец, понял, что теперь он может спуститься на землю: его работа, если не считать рубки основания ствола, закончена.

Сев в седло, он «полетел» вниз, через каждые пятьдесят футов заново укрепляя седельную веревку. В нескольких футах от земли он остановился, выскользнул из седла и прыгнул на площадь.

Солнце стояло в зените. Он провел на дереве три с половиной дня.

Подошел Райт и пожал ему руку. Его примеру последовал Сухр. Стронг не сразу сообразил, что обменивается рукопожа-

тием еще с кем-то третьим. Это был мэр, который сейчас привез особые яства уже для всех, не забыв прихватить складной стол и стулья.

— Мы никогда не забудем вас, мой мальчик, — говорил мэр, подрагивая висевшими под подбородком дряблыми складками кожи. — Мы никогда вас не забудем! В вашу честь я созвал вчера вечером внеочередное совещание Правления, и мы единодушно проголосовали за то, чтобы, как только будет сожжен пень, воздвигнуть на площади вашу статую. На ее основании мы вырежем слова: «Человек, Который Спас Нашу Обожаемую Деревню». Не правда ли, это звучит весьма героически? Однако такая надпись отнюдь не преувеличивает ваши заслуги. А сегодня, сегодня вечером, я желал бы выразить свою благодарность в более осязаемой форме: мне хотелось бы видеть вас — вместе с вашими друзьями, конечно, — у себя в отеле. Все угощения за счет заведения.

— Я ждал, когда вы это скажете, — брякнул Сухр.

— Мы придем, — сказал Райт.

Стронг промолчал. Наконец мэр выпустил его руку, и все четверо сели обедать. Бифштексы, привезенные с Южного Полушария; грибы, доставленные с Омикрона Сети-14; наскоро приготовленный салат; зеленый горошек; свежий хлеб; абрикосовый пирог; кофе.

Стронг насильно запихивал в себя пищу. Ему совершенно не хотелось есть. Ему хотелось только выпить. Напиться до бесчувствия. Но для этого еще не пришло время. Ведь ему предстояло сейчас свалить основание ствола. Потом он уже сможет пить. Потом-то он поможет Блюскизу утопить буйвола. За счет заведения. «Человек, Который Спас Нашу Обожаемую Деревню». Налей-ка, бармен. Налей еще. *Он больше не был в ярко-красном, бармен, но он обрызган был вином багряным, кровью алой в тот час, когда убил, — ту женщину убил в постели, которую любил...**

У мэра был прекрасный аппетит. Теперь его обожаемая деревня спасена. Теперь он мог, расположившись у камина, спокойно пересчитывать свои кредитки. Ему больше не придется портить себе нервы из-за дерева. Стронг чувствовал себя тем самым маленьким голландцем, который, заткнув рукой дыру в плотине, спас от моря дома бургеров.

Он обрадовался, когда, наконец, кончился обед, обрадовался, когда, откинувшись на спинку стула, Райт произнес:

— Что вы теперь нам скажете, мистер Стронг?

— Скажу, что пора с ним кончать, мистер Райт.

Все встали. Мэр забрал свой стол и стулья, сел в жирокар и присоединился к остальным колонистам, толпившимся за пределами опасной зоны. Деревня сверкала в лучах солнца. Улицы словно были только что выметены. Домики с их искусно выполненными украшениями напоминали свежие, только что из печи, пряники. Стронг чувствовал себя уже не маленьким голландцем, а Джеком — Убийцей Великанов. Настало время для последнего удара.

---

* О. Уайльд. Баллада Редингской тюрьмы. Перевод В. Брюсова. (Прим. перев.)

Он занял позицию у подножия ствола и начал делать надрез. Райт и Сухр стояли за его спиной. Работал он очень внимательно — ведь нужно было, чтобы ствол упал именно в том направлении, которое наметил Райт. Он резал глубоко и добросовестно и, кончив, уже знал точно: на этот раз ствол покорится ему.

В последний раз стал он в нужную позицию и поднял резак. Нажал курок. *«Возлюбленных все убивают, так повелось в веках... — подумал он. — Кто трус — с коварным поцелуем, кто смел — с клинком в руках*»*. — На стволе образовалась щель. По краям ее выступила красная жидкость. — *Самые современные клинки, изготовленные в Нью-Америке, Венера. Стопроцентная гарантия, что они никогда не затупятся...*

И всегда беспощадны.

«Кровь» текла по стволу, окрашивая траву. Невидимое лезвие резака неумолимо двигалось из стороны в сторону, из стороны в сторону. Двухсотфутовый обрубок, некогда бывший высоким и гордым деревом, задрожал и начал медленно клониться к земле.

Был долгий свистящий звук падения; глухой, подобный грому, завершающий удар; содрогнулась земля.

Поверхность гигантского пня стала ярко-красной под лучами солнца. Стронг уронил резак на землю. То и дело спотыкаясь, он побрел вокруг пня, пока не уперся в высокий, как многоэтажный дом, бок только что сваленного обрубка. Он упал так, как это было рассчитано — верхняя часть его аккуратно улеглась между двумя рядами домиков. Но Стронга домики больше не трогали. Честно говоря, они никогда не трогали его по настоящему. Он пошел вдоль обрубка, не отрывая глаз от земли. Он нашел ее на краю площади. Он знал, что найдет ее, если будет смотреть повнимательнее. Она была солнечным светом и полевым цветком, переменчивым рисунком травы. Он видел ее не всю — только ее талию, груди, руки и прекрасное умирающее лицо.

— Прости меня, — сказал он и увидел, как она улыбнулась и кивнула головой, увидел, как она умерла; и снова была трава, и полевой цветок, и солнце.

ЭПИЛОГ

Человек, спасший обожаемую деревню, положил локти на стойку бара, который когда-то был алтарем, в отеле, который когда-то был церковью.

— Мы пришли топить буйвола, мэр, — произнес он.

Мэр, который в честь такого события взял на себя обязанности бармена, нахмурился.

— Он хочет сказать, — пояснил Райт, — что мы не прочь выпить.

Мэр просиял.

— Позвольте предложить вам лучшее марсианское виски, при-

---

* О. Уайльд, Баллада Реддингской тюрьмы. Перевод В. Брюсова. (Прим. перев.)

годовленное из отборнейших сортов кукурузы, которые произрастают в Эритрейском Море.

— Тащите его сюда из вашего паутинного sklepa, и мы посмотрим, что это такое, — ответил Стронг.

— Это шикарное виски, — сказал Блюскиз, — но оно не топит буйвола. Я уже полдня глотаю его.

— Провались со своим проклятым буйволом! — рявкнул Сухр. Мэр поставил перед Райтом, Стронгом и Сухром стаканы и наполнил их из золотой бутылки.

— Мой стакан пуст, — сказал Блюскиз, и мэр налил ему тоже.

Из уважения к древорубам местные жители предоставили в их распоряжение весь бар. Однако все столики были заняты, и время от времени кто-нибудь из колонистов поднимался и произносил тост — за Стронга или за древорубов вообще, — и все остальные, как мужчины, так и женщины, вставали тоже и с радостными возгласами осушали свои стаканы.

— Как бы я хотел, чтобы они убралась отсюда, — сказал Стронг. — Чтобы они оставили меня в покое.

— Они не могут оставить вас в покое, — возразил Райт. — Ведь вы теперь стали их новым богом.

— Еще виски, мистер Стронг? — спросил мэр.

— Мне нужно еще много виски, — ответил Стронг. — Чтобы заглушить воспоминания об этой гнусности...

— Какой это гнусности, мистер Стронг?

— Хотя бы вашей, маленький землянин, вашей. Вы, презренный жирный маленький землянин!..

— Было видно, как буйволы возникали на горизонте, под облаком пыли, поднимавшейся из-под копыт, — сказал Блюскиз, — и они были прекрасны в своем косматом величии, и мрачны, и грандиозны, как смерть.

— Так сорвите же нас, земляне, — сказал Стронг, — маленькие жирные земляне, которые губят виноградники; ведь наши виноградники в цвету...

— Том! — воскликнул Райт.

— Вы разрешите мне воспользоваться случаем и подать в отставку, мистер Райт? Я никогда больше не убью ни одного дерева. Я сыт по горло вашей вонючей профессией.

— В чем дело, Том?

Стронг не ответил. Он посмотрел на свои руки. Часть виски из его стакана пролилась на стойку, и пальцы его стали влажными и липкими. Потом он поднял глаза на заднюю стенку бара. Некогда она была стеной местной церкви, которую колонисты превратили в отель, и в этой стене сохранилось несколько украшенных изысканной резьбой ниш, в которых раньше выставлялись предметы религиозных обрядов. Сейчас ниши были заполнены бутылками вина и виски — все, кроме одной. В этой единственной, не занятой бутылками нише стояла маленькая кукла.

У Стронга застучало в висках. Он указал на нишу.

— Что... что это за кукла, мэр?

Мэр повернулся к задней стенке бара.

— О, эта? Это одна из тех резных статуэток, которые в ранний период своей истории местные жители ставили над очагами — по поверию, эти фигурки охраняли их дома.

Он взял статуэтку из ниши и, подойдя к Стронгу, поставил ее перед ним на стойку.

— Дивная работа, мистер Стронг, не правда ли?..

Стронг впился глазами в фигурку: он не мог оторвать взгляда от ее изящных рук и длинных стройных ног; от ее маленьких грудей и тонкой шеи; от ее волшебного лица и золотистых волос; от тончайшей резьбы листьев ее зеленой одежды.

— Если я не ошибаюсь, эта фигурка называется «фетишем», — продолжал мэр. — Она была сделана по образу их главной богини. Из того немногого, что мы знаем о них, можно заключить, что в древности местные жители верили в нее настолько фанатично, что кое-кто из них даже утверждал, что видел ее.

— На дереве?

— Иногда и на дереве.

Стронг протянул руку и коснулся статуэтки. Он с нежностью поднял ее. Основание фигурки было влажным от пролитого им на стойку виски.

— Тогда... тогда она должна была быть Богиней Древа.

— О нет, мистер Стронг. Она была Богиней Очага. Домашнего Очага. Разведывательный Отряд ошибся, считая, что деревья были религиозными символами. Мы прожили здесь достаточно долго, чтобы понять чувства местных жителей. Они поклонялись своим домам, а не деревьям.

— Богиня Очага? — повторил Стронг. — Домашнего Очага? А что же она в таком случае делала на дереве?

— Что вы сказали, мистер Стронг?

— На дереве. Я видел ее на дереве.

— Вы шутите, мистер Стронг!

— Провались я на этом месте, если я шучу! Она была на дереве! — Стронг изо всех сил стукнул кулаком по стойке. — Она была на дереве, и я убил ее!

— Возьмите себя в руки, Том, — сказал Райт. — На вас все смотрят.

— Я уничтожил ее дюйм за дюймом, фут за футом. Расчленил, отрезая ей руки и ноги. Я убил ее!

Внезапно Стронг остановился. Что-то было неладно. Что-то должно было произойти и не произошло. Тут он увидел, что мэр пристально смотрит на его руку, и понял, в чем дело.

Ударив кулаком по стойке, он должен был почувствовать боль. Но боли не было. И теперь он понял, почему: его кулак не отскочил от стойки, а вошел в дерево. Как будто оно сгнило.

Он медленно поднял руку. Из вмятины, оставшейся после удара, потянуло разложением. Дерево действительно сгнило.

Богиня Очага. Домашнего Очага. Деревни.

Круто повернувшись, он быстрыми шагами направился между столиками к выходившей на улицу стене и с размаху ударил кулаком по тщательно отделанной, полированной поверхности дерева.

Его кулак прошел сквозь стену.

Он схватился за край пробитой им дыры и потянул. Кусок стены отвалился и упал на пол. Помещение наполнилось смрадом гниения.

В глазах наблюдавших за ним колонистов застыл ужас.

Стронг повернулся к ним лицом.

— Весь ваш отель прогнил до основания, — произнес он. —
Вся ваша проклятая деревня!

Он захохотал. К нему подошел Райт и ударил его по лицу.

— Придите в себя, Том!

Смех его замер. Он набрал полные легкие воздуха, выдохнул.

— Неужели вы не понимаете, Райт? Дерево! Деревня! В чем
нуждается дерево этого вида, чтобы вырасти до такого колос-
сального размера и существовать дальше, когда приостановится
его рост? В питании. Во многих тоннах питания. И в какой
почве! В почве, удобренной отбросами и трупами умерших, оро-
шаемой с помощью искусственных озер и водохранилищ, то
есть оно нуждается в условиях, которые могут быть созданы
лишь большими поселениями человеческих существ.

Что же происходит с подобным деревом? Веками, а может
и тысячелетиями, оно постепенно познает, чем можно заманить
к себе людей. Чем? Выстроив дома, Правильно, Выстроив, вер-

нее вырастив дома из своих собственных корней; домики настолько очаровательны, что человеческие существа не могли устоять перед соблазном поселиться в них. Теперь-то вы понимаете, Райт? Теперь вам ясно, почему в соке, еще не прошедшем фотосинтеза, питательных веществ содержалось больше, чем нужно дереву, и почему после фотосинтеза в нем было так много кислорода и углеводов. Дерево старалось поддержать не только себя, оно также пыталось поддержать существование деревни. Но ему это уже не удавалось — из-за неизменной человеческой глупости и эгоизма.

Райт был потрясен. Стронг взял его за руку, и они вместе вернулись к бару. Лица колонистов казались вылепленными из серой глины. Мэр по-прежнему тупо смотрел на вмятину в стойке.

— Может, вы поднесете еще один стаканчик человеку, который спас вашу обожаемую деревню? — спросил Стронг.

Мэр не шелохнулся.

— Должно быть, древние знали об экологическом балансе и облекли свои знания в форму суеверия, — сказал Райт. — И именно суеверие, а не знание переходило из поколения в поколение. Возмужав, они поступили точно так же, как все слишком быстро развивающиеся человеческие общества: они полностью пренебрегли суевериями. Научившись со временем обрабатывать металлы, они выстроили заводы по обеззараживанию сточных вод, мусоросжигательные печи и крематории. Они отвергли все системы ликвидации отходов, которыми их когда-то обеспечили деревья, и превратили древние кладбища у подножия деревьев в деревенские площади. Они нарушили экологический баланс.

— Они не ведали, что творят, — сказал Стронг. — А когда они поняли, к чему все это привело, было слишком поздно восстановить его. Деревья уже начали умирать, и, когда окончательно погибло первое дерево и начала гнить первая деревня, их обуял ужас. Быть может, привязанность к своим домам настолько вошла в их плоть и кровь, что они просто не смогли вынести, как дома умирали у них на глазах. Поэтому они ушли в северные пустыни. Поэтому они умерли от голода или замерзли в пещерах смерти, а может быть, все вместе покончили жизнь самоубийством...

— Их было пятьдесят миллионов, пятьдесят миллионов косматых величественных животных, обитавших в тех плодородных долинах, где ныне простирается Великая Северо-Американская пустыня, — сказал Блюскиз. — Трава, которой они питались, была зеленой — они возвращали ее земле в своем помете, и трава зеленела вновь. Пятьдесят миллионов! А к концу бойни, устроенной белыми людьми, их осталось пятьсот.

— Видимо, из всех деревень эта «модернизировалась» последней, — сказал Райт. — И все же дерево начало умирать за много лет до прихода колонистов. Поэтому-то деревня теперь гниет с такой быстротой.

— Гибель дерева ускорила процесс разложения, — сказал Стронг. — Вряд ли хоть один домик простоят больше месяца... Но дерево могло бы прожить еще лет сто, если бы они не так торопились сохранить свою проклятую недвижимую собствен-

ность. Дерево такого размера умирает очень долго... А цвет сока — думаю, что я теперь понял и это. Его окрасила наша совесть... Однако, мне кажется, что в каком-то смысле она... оно хотело умереть.

— И, несмотря ни на что, колонисты будут возделывать землю, — сказал Райт. — Но пока они будут этим заниматься, им придется жить в землянках.

— Кто знает, может быть, я совершил акт милосердия... — сказал Стронг.

— О чем это вы оба толкуете? — спросил Сухр.

— Их было пятьдесят миллионов, — сказал Блюскиз. — Пятьдесят миллионов!

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

«Срубить дерево» — это рассказ о человеке, который хищнически относится к богатствам природы.

Советскому читателю может показаться непонятной слепота героев рассказа, «рубящих сук, на котором они сидят». Однако такова логика капиталистического общества, его отношение к природе. Сорвать куш и не заботиться о том, что будет после. История знает немало подобных примеров, и автор приводит два из них: уничтожение плодородия почвы в Великой Северо-Американской пустыне и почти полное истребление бизонов, как вида. Дело, однако, не только в нарушении экологического баланса, как пишет Р. Янг, а в том, что человек-хищник, человек капиталистического общества не может относиться к природе иначе. А это уже не биологическая, а социальная проблема. Именно этого и не осознает автор; для него цивилизация — только капиталистическая, и иной он не представляет себе. Он видит, как представители этой цивилизации оставляют после себя пустыню, но не находят действительного решения проблемы: человек и природа. Для капиталистического общества она неразрешима. Боль за уничтожаемую природу побуждает автора на совсем фантастические домыслы: он наделяет дерево сознанием, и притом большим, чем у многих людей, персонажей рассказа.

Острое беспокойство писателя за судьбу природных богатств мира и придает особенную ценность его произведению.

СПАСЕНИЕ САМОУБИЙЦ

Ярослав ГАШЕК

Хотя Прага и не обладает для борьбы с самоубийствами постоянной комиссией, обезжающей столицы Европы и изучающей учреждения, ведающие предупреждением самоубийств, мы, жители Праги, можем все-таки похвастаться первоклассными городскими приспособлениями для спасения бросающихся в реку. Эти необычайно остроумные приспособления заключаются в том, что вдоль всех набережных, на определенных расстояниях друг от друга, на перилах укреплены веревками спасательные круги, снабженные замками. Кроме того, на пражских мостах имеются шкафчики, содержащие аналогичные приспособления для

спасения утопающих. На этих шкафчиках, так же как и на спасательных кругах, красуется надпись: «Для спасения утопающих. Злоупотребление строго наказывается. Ключи у ближайшего полицейского». Это прекрасное приспособление привезла с собой из поездки по столицам Европы пражская исследовательская комиссия по жилищной реформе. Факт поистине отрядный, так как нельзя же предположить, чтобы комиссия по изучению вопроса о самоубийствах привезла из заграничной поездки, скажем, дешевые ботинки.

Сообщение о том, что городской совет в составе нескольких своих членов пожелал участвовать в испытании

Впервые на русском языке рассказ был опубликован в журнале «Вокруг света» в 1929 году.

спасательных средств, вызвало форменное волнение среди жителей Праги, и я должен признать, что нужно считать необычайной отвагой со стороны господ советников, что они выдержали под дождем и ветром на мостах и на набережной весь день, поджидая самоубийц. Однако таких не оказалось, и из господ советников также не нашлось никого, кто бы рискнул прыгнуть с моста или набережной во Влтаву.

После этого испытания спасательные средства были заперты и ключи от замков доставлены в президиум городского совета, где состоялось совещание о том, что, собственно, делать с этими ключами. Ибо поскольку спасательные средства были заперты, то возникало сомнение в целесообразности предоставления их в распоряжение населения. На совещании было выдвинуто предложение об организации специального ведомства для этой ответственной отрасли городского хозяйства и создания поста

«старшего спасателя», которому должны быть подчинены пять низших чиновников с простым титулом «городских спасателей» и несколько практикантов с титулом «аспирантов городского ведомства по спасанию на водах».

Казалось, над головами самоубийц собирались уже тяжелые тучи. Самоубийцы, не желавшие упустить удобного случая, предпочитали поскорее воспользоваться ситуацией и беспрепятственно топились. За время длительных совещаний по вопросу о способе хранения ключей утонуло больше тридцати мужчин и женщин. К счастью, между членами городского совета начался спор о кандидатах на занятие постов в будущем ведомстве — у одного был племянник, у другого дядя, у третьего сын, так что это замечательное ведомство так и не было создано во избежание слишком явного кумовства в городском совете.

В результате совещаний была организована специальная комиссия, которая должна была выработать план систематического распределения ключей от спасательных кругов. Комиссия с удовольствием засела за эту задачу и блестяще справилась с ней, о чем говорят надписи на запертых шкафах со спасательными кругами: «Для спасения утопающих. Ключи у ближайшего полицейского».

Перед передачей ключей полицейскому управлению было организовано новое испытание, и члены городского совета имели счастье увидеть собственными глазами, как один портной бросился с моста во Влтаву. Ему кинули спасательный круг, но героический портной оттолкнул его

и с проклятием на устах исчез под водой. После этого события городской совет приказал сделать на кругах следующую почтительную просьбу к утопающим: «Просят держаться за пояс!»

В конце концов ключи были переданы полицейскому управлению, которое роздало их полицейским, стоявшим на посту на берегах реки. Тот полицейский, который находился ближе других к месту несчастья, должен был принять соответствующие меры. Такой порядок, как всякий понимает, вполне целесообразен и практичен, ибо благодаря этому круги едва ли когда-нибудь изнасятся и замки останутся неприкосновенными.

Случай, о котором я намерен рассказать, весьма трагичен, и я прошу внимательно прочитать эти строки, посвященные моей несчастной тете Софи.

Тетя была, правда, старуха, но душа ее была полна бесконечного очарования, а именно — она очень любила животных. Многие дамы держат в своей квартире кошек, собак, птиц, но моя незабвенная тетя держала саламандр. Их было у нее восемь, и она ухаживала за ними с нежностью, на какую способны лишь старые дамы с их чувствительной душой. Но недолго длится человеческое счастье, да и счастье саламандр тоже. Когда умирает член семьи, то эта потеря, несомненно, тяжела, но каково было моей тетушке, когда восемь саламандр подошли все сразу! С этого мгновения я не отходил от тети. Своей любовью я мечтал заменить ей саламандр, но, увы, напрасно! Моя несчастная тетя

видела во мне только племянника, но отнюдь не весело шныряющую саламандру. Она помешалась, и только в те минуты, когда я влезал в ванну и там плескался, она забывала на короткое время свои страдания и видела во мне саламандру.

Однажды я выкрасился в черный и желтый цвет, и ее безумие как будто стало проходить. К сожалению, через несколько дней и это средство перестало помогать, и тетя успокаивалась только тогда, когда я гулял с ней у реки.

Вода напоминала ей о ее любимцах.

Однажды мы снова пошли с ней через Карлов мост. Тетя Софи мрачно глядела в пространство, и, когда мы достигли среднего пролета моста, она спросила меня:

— Здесь глубоко?

— Да, тетя.

— И если я спрыгну, то утону?

— Несомненно, тетя.

Она с минуту помолчала, затем спокойно сказала:

— В молодости я была цирковой наездницей.

С этими словами старуха, как хороший прыгун на Олимпийских играх, перемахнула через перила моста и полетела в воду.

Раздался глухой всплеск, и затем тетя поплыла вниз по течению, а я побежал к полицейскому за ключом от шкафика со спасательными принадлежностями. Я нашел ближайшего полицейского за мостом у монастыря. Почтенный страж стоял и посматривал на голубей, ворковавших на крыше.

Я рассказал ему о том, что случилось. Он взял свою записную книжку:

— Вы, стало быть, говорите, что это ваша тетка. Вы это наверное знаете?

— Я могу поклясться в этом.

— Хорошо, в таком случае вы получите ключ от спасательного пояса. Но вы знаете, с какого места она бросилась в воду?

— У статуи святого Яна Непомука, тетьа с давних пор его почитательница.

— В таком случае я ничего не могу поделать, сударь. Я не могу выдать вам ключа, потому что я не ближайший к месту происшествия полицейский. Ближайшим в этом случае является полицейский у мостовой башни. Бегите к нему как можно быстрее

Рисунки Г. КОВАНОВА

На 1-й стр. обложки — рисунок А. ГУСЕВА к рассказу Сергея Снегова «Второй после бога».

На 2-й стр. обложки — рисунок П. ПАВЛИНОВА к повести В. Меньшикова и В. Гаевского «Ставка — жизнь».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Н. И. КОРОТЕЕВ, А. А. НОДИЯ, Ю. Б. САВЕНКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. ОСТРОУМОВ.

Художественный редактор А. ГУСЕВ

Технический редактор Р. ГРАЧЕВА

Рукописи не возвращаются.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, А-30, Суцесвская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 4-10.

Сдано в набор 21/Х 1967 г. Подп. к печ. 13/ХІІ 1967 г. А14485. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч. изд. л. 10,5. Тираж 400 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2408.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцесвская, 21.

ведь дело идет о человеческой жизни.

Я побежал и нашел полицейского на Мостецкой улице, в доброй полуверсте от башни.

— Сударь, я не ближайший полицейский. Вы говорите, что мой коллега стоит теперь у монастыря? В таком случае он все же самый близкий, бегите опять к нему.

Я побежал обратно к первому полицейскому и нашел его только на Карловой улице за Клементином.

Полицейский, увидев меня,

расхохотался, ибо он уже опять не был ближайшим.

— Пропавшее ваше дело, — сказал он, — теперь полицейский с Мостецкой улицы ближайший. Надеюсь, ваша тетя еще не успеет утонуть, пока вы добегите до него.

Его надежда не оправдалась. Тетя утонула, пока я торговался со вторым полицейским на Карловой улице. Я думаю, что все-таки он был ближайшим, так как другой тем временем дошел до площади Радецкого на Малой стране.

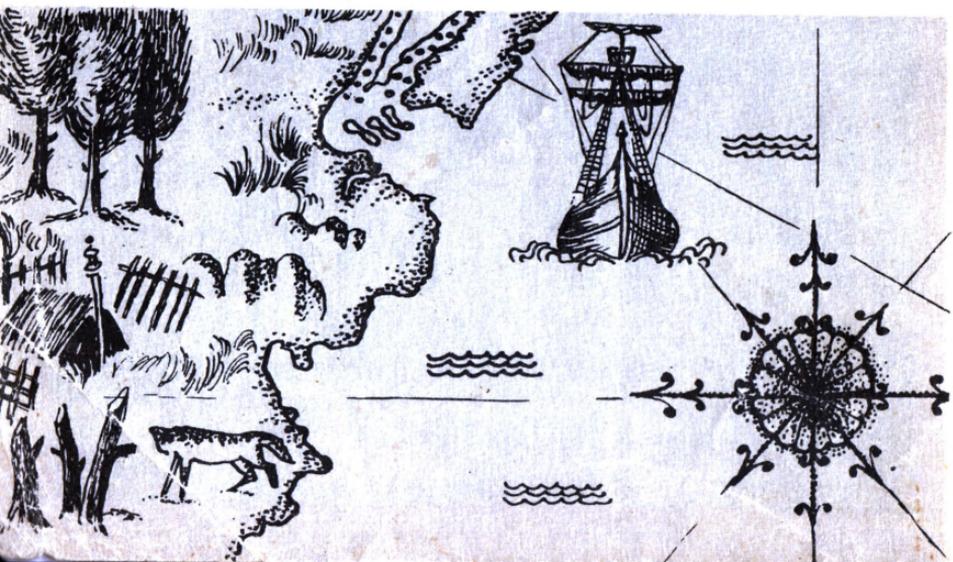
Цена 20 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики

В 1968 году на страницах «Вокруг света» выступят: А. Алдан-Семенов, В. Берестов, Р. Брэдбери, Л. Воляновский, П. Гаскар, Б. Даниельссон, Д. Даррелл, В. Зенкович, Г. Каттнер, Л. Кривенко, О. Кузаев, Ю. Куранов, Ф. Куиличи, А. Леонтьев, Г. Максвелл, К. Саймак, Ж. Сименон, В. Смирнов, Г. Снегирев, Л. Успенский, Т. Хейердал, Д. Холл, Р. Шекли и другие писатели, ученые и путешественники.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ